

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

РУССКИЙ
МЕДВЕДЬ.

Начало большого пути

Как они нас рисовали

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

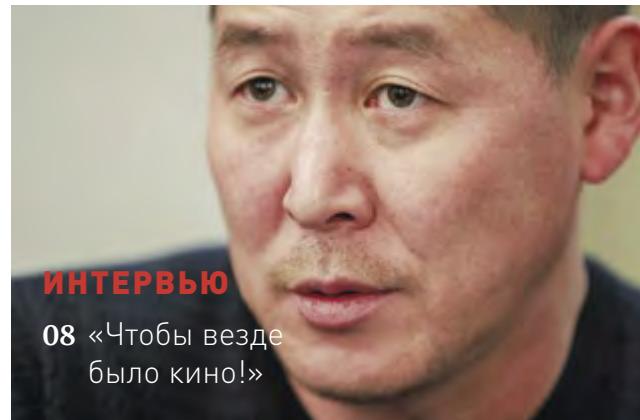
РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

РУССКИЙ МИР

04 Хаос в школах нацименьшинств

ИСТОРИЯ

14 Рождение ужаса: «русский медведь»

НАСЛЕДИЕ

22 Образы России Жюля Мишле

КУЛЬТУРА

28 Певец сибирской природы

МУЗЕИ

36 «На ближнем кладбище я знаю уголок»

44 Поклон благословенной старине

50 Запечатлевшая неуловимое

РЕПОРТАЖ

56 Счастье Оленевского скита

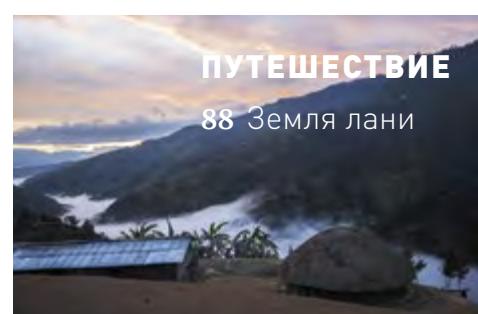
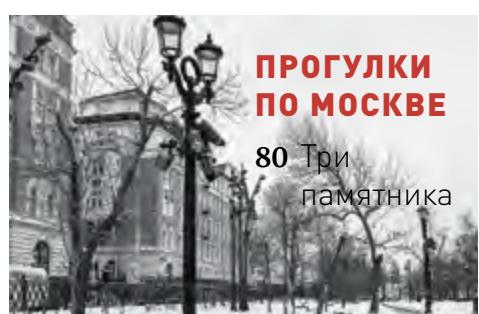
ЛЮДИ И ВРЕМЯ

66 Просто мама

74 В русский лес со своим круассаном

Председатель правления фонда «Русский мир»

Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА

(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Алла АЛЕКСАНДРОВА

Арина АБРОСИМОВА

Александр БУРЫЙ

Павел ВАСИЛЬЕВ

Максим ГУСЕВ

Михаил ЗОЛОТАРЕВ

Алексей МАКЕЕВ

Елена МАЧУЛЬСКАЯ

Зоя МОЗАЛЁВА

Наталья РАЗУВАКИНА

Евгений РЕЗЕПОВ

Андрей СЕМАШКО

Наталья ТАНЬШИНА

Денис ХРУСТАЛЁВ

Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр «Гlamour-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (+7 495) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжели Бушуевой

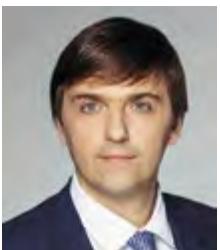

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.
Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.
Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.
Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.
Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.
Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.
Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОРОВИН Ю.М.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

КОРТАВА Т.В.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный педагогический университет имени М.В. Ломоносова»

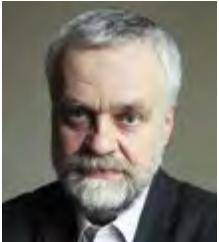

ТАРАСОВ С.В.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

ШЕВЦОВ П.А.
Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

					
ТОЛСТОЙ В.И. Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда	АНТОНИЙ (СЕВРЮК А.Ю.) Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата	БУГАЕВ А.В. Первый заместитель министра просвещения Российской Федерации	ВАРЛАМОВ А.Н. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»	ВАСИЛЬЕВА О.Ю. Президент Российской академии образования	ВЕРШИНИН С.В. Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации
					
КРОПАЧЕВ Н.М. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»	МАСЛОВ И.В. Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами	НАРОЧНИЦКАЯ Н.А. Президент Фонда изучения исторической перспективы	НЕВЕРОВ И.С. Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике	НИКОНОВ В.А. Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам	ПИОТРОВСКИЙ М.Б. Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»
					
ПРИМАКОВ Е.А. Руководитель Россотрудничества	САДОВНИЧИЙ В.А. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»	СИМОНЬЯН М.С. Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»	ТОРКУНОВ А.В. Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»	ФИЛАТОВ А.Е. Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству	

ХАОС В ШКОЛАХ НАЦМЕНЬШИНСТВ

АВТОР

АЛЛА АЛЕКСАНДРОВА

К НЕПРИЯТНОСТАМ В НОВОМ УЧЕБНОМ ГОДУ УЧИТЕЛИ И РОДИТЕЛИ УЧЕНИКОВ БЫВШИХ РУССКИХ ШКОЛ ЛАТВИИ ГОТОВИЛИСЬ ЗАРАНЕЕ. И ВСЕ ЖЕ РЕАЛЬНОСТЬ ДЛЯ МНОГИХ ОКАЗАЛАСЬ ЗНАЧИТЕЛЬНО ХУЖЕ, ЧЕМ ОЖИДАЛОСЬ.

ВКОНЦЕ ОКТЯБРЯ 2022 года в стране вступили в силу поправки в закон «Об образовании», предусматривающие в течение трех лет полный перевод дошкольного и школьного образования только на латышский язык. Буквально на следующий день после этого «эпохального события» в латвийских учебных заведениях начались проверки учителей на знание государственного языка. Первой налет языковых инквизиторов из Центра госязыка испытала основная школа города Саласпилса. Да, того самого, где в годы немецкой оккупации находился один из самых известных фашистских концлагерей, в котором в нечеловеческих условиях содержались десятки тысяч малолетних детей, угнанных из соседних русских и белорусских городов и деревень. Но это так – к слову... В результате проверки первой группы учителей саласпилской школы 5 из 11 были отстранены от работы, так как «владение ими латышским языком не соответствовало уровню, позволяющему им работать педагогами». По новому закону директор школы обязан отстранить на три месяца от работы сотрудников, не прошедших языковую проверку. За эти три месяца они должны улучшить свои знания и сдать экзамен на владение госязыком на уровне С1, после чего можно вернуться в школу. Один из не прошедших языковую проверку, учитель пенсионного возраста, сразу предупредил, что с профессией, скорее

всего, расстанется; двое других сомневаются, удастся ли им через три месяца освоить язык на соответствующем уровне, поэтому тоже настроены уйти из школы. Оставшиеся два педагога обещают вернуться. Но пока заменить пятерых учителей некем. И в расписании уроков вместо математики и других предметов – прочерки.

Защитники русских школ бьют тревогу: скоро вообще некому будет преподавать школьные дисциплины, включая латышский язык: в этом году из Латвийского университета по этой специальности выпустили всего... 9 учителей. Из ушедших педагогов трое были классными руководителями, и, по словам расстроенных родителей, именно они вытягивали детей во время недавней пандемии, терпеливо работая с ними на удаленке. Группа из еще 15 учителей с ужасом ждет своей очереди. Тут уж не до химических формул или терзаний Раскольникова! Практически каждый день сплошной Шекспир: «быть или не быть» очередной языковой проверке.

В русскоязычном Даугавпилсе проверку на знание госязыка не прошли 24 воспитателя детских садов. Шесть из них подали заявления об уходе, еще шесть – ушли на больничный, кто-то согласился перейти на должность няни, для которой пока не требуется высокий уровень знания латышского языка.

Всего проверили более 300 педагогов по всей Латвии, каждый шестой проверку не прошел. В итоге 52 педагога были отстранены от

работы на три месяца с лишением зарплаты.

Я поговорила с несколькими знакомыми педагогами, которые заклинали нигде про них не упоминать и ничего не писать, чтобы не навлечь беду на школу. Ощущения после этих разговоров остались невеселые. Почему-то все время всплывали в памяти кадры из фильма «Список Шиндлера», где нормальные немцы героически прятали своих еврейских коллег от гестапо. Я не знаю в Латвии ни одного условного «Шиндлера» из числа влиятельных политиков, режиссеров, журналистов, которые не побоялись бы публично встать на защиту русских учителей. Зато множество политиков, включая лидеров страны, режиссеров, актеров, поэтесс, журналистов, ежедневно призывают к наказанию русских, плохо владеющих госязыком. По их мнению, таких надо штрафовать, увольнять, лишать вида на жительство и гражданства, переселять в гетто, отправлять вслед за «русским кораблем». «Чемодан-вокзал–Россия». Вот этого – сколько угодно и в самых разных красках. На хаос в школах нацменьшинств на своих кухнях сетуют не только учителя, но и родители. Большинство детей не справляются с учебой, хотя еще три года назад показатели успеваемости были неплохие. Далеко не у всех есть возможность нанимать ребенку репетиторов по каждому предмету, да и попробуй еще заставить подростка после школы засесть за учебники и грызть грани науки, но уже не на своем родном языке. Впрочем, и учебников дома у школьников теперь нет. «Старшая дочка учится в выпускном девятом классе, сейчас у нее очень снизилась успеваемость. Почти каждую контрольную по математике нам с ней вместе приходится переписывать, в основном из-за того, что на уроке неправильно поняла задание, – рассказывает мама троих детей инженер Людмила. – Объясняю ей, благо сама еще хорошо помню этот предмет. Учитель нервный, дети боятся что-либо спрашивать у него... Средний сын пока держится. А вот с младшим сложности. Сейчас учится во втором классе,

с контрольной по природе не справился. Надо помогать. А как? Записи в тетради – часть на латышском, часть на русском. Реальный хаос, я ничего разобрать не могу, хотя знаю латышский. Контрольную домой для разбора недают, понять, где и в чем ребенок ошибся – невозможно. В итоге беру название темы, ищу информацию на русском в интернете, объясняю ему сама тему или показываю видео с русским учителем. Самое плохое – учебники на латышском им домой не дают. Нет возможности дома спокойно разобрать с ребенком тему, прочитать правила, выучить текст. Ко второму классу большинство малышей латышский язык еще очень плохо освоили, они быстро теряют интерес к учебе. У подруги дочка была в таком стрессе от этого непонимания, что ее тошило каждое утро перед школой. Пришлось отдать в частную, но и там по закону обучение разрешено только на латышском языке». Родителей успокоили: в связи с новыми правилами семестровых оценок больше не будет, только годовая. Табели за первый семестр решили не выдавать.

И это еще не все. Пару лет назад мы уже писали о том, как президент Латвии Эгилс Левитс, живший долгие годы в Германии и являющийся ее гражданином, высказал «сверх-

ценную» идею о необходимости изучать в школах Латвии в качестве второго иностранного один из языков Евросоюза. И это в то время, когда подавляющее большинство учащихся делали выбор в пользу русского языка. Так, результат опроса, проведенного в 2021 году, показал, что в половине образовательных учреждений (более 300 школ) в качестве второго иностранного языка школьников обучаются русскому. Это был выбор их родителей. Причем русский выбирали не только носители языка, но и немалая часть латышей. Все же, когда половина населения Латвии в быту говорит на русском, именно этот язык здесь гораздо более востребован, нежели шведский или испанский. К тому же недостатка в преподавателях русского в Латвии пока нет – в отличие от других иностранных языков. Но...

Уже готовы поправки к стандартам основного образования, в соответствии с которыми с 2026/27 учебного года во всех школах Латвии в качестве второго иностранного языка должно быть обеспечено изучение одного из языков Евросоюза или языка, изучение которого регулируется заключенными межправительственными договорами в сфере образования. Это означает, что родной язык почти для 40 процентов населения Латвии из учеб-

ной программы будет полностью исключен.

Первый иностранный язык дети в латвийских школах начинают изучать уже с первого класса, чаще всего это английский. Изучение второго иностранного языка в школах с латышским языком обучения начинается с четвертого класса.

Даже в обычных латвийских школах новая установка Министерства образования особого энтузиазма у директоров не вызывала. Им-то известно, что хорошего преподавателя немецкого или французского языка, не говоря уж об итальянском или испанском, в школу на аркане не затащишь. А как же выполнять эти стандарты? Кое-кто из директоров даже решился осторожно высказать сомнения в необходимости явно политического вмешательства в образовательный процесс. Так, по мнению директора 3-й рижской государственной гимназии Андриса Приекулиса, в демократических странах вопрос о том, какие языки изучать детям, должны решать родители учеников, а не политики и чиновники. «Плохо, что в обсуждении подобных вопросов большую роль играют эмоции, – отметил директор гимназии во время дискуссии на радио. – Но подобные решения не должны опираться лишь на сегодняшние реалии. Вообще, любой язык, я считаю, это богатство. И если мы сотрудничаем с соседями, я думаю, это очень хорошо, если мы знаем их язык».

Против запрета на изучение русского языка высказалась и глава Латвийского центра защиты прав человека Анхелита Каменска. Как заметила другая участница дискуссии, директор 34-й рижской средней школы Наталья Рогалева, в Латвии и без того ощущается катастрофическая нехватка педагогов. Не хватает как преподавателей точных наук – математики, физики, химии, так и самых востребованных языков – латышского и английского. «Еще хуже дело обстоит с немецким, французским, испанским, норвежским и другими языками ЕС. Ни одна система высшего образования не выдержит такое требование замены педагогов за три года», – считает Рогалева. Устранение русского языка даже

По данным Центра государственного языка, в 2022 году в Латвии к административной ответственности за незнание государственного языка были привлечены 166 педагогов.

В ушедшем году инспекция проверила адекватность использования государственного языка у 982 педагогов и 31 педагога профессионального образования. Наибольшее количество административных взысканий за неиспользование государственного языка в объеме, необходимом для выполнения профессиональных и служебных обязанностей, было применено к педагогам в Риге.

Доля выявленных нарушений в среднем около 10 процентов, но в некоторых дошкольных учреждениях микрорайонов Риги эта доля достигает 30 процентов.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Мама троих детей-школьников и лидер Сообщества родителей Латвии Юлия Сохина уверена: борьба за возвращение полноценного образования на русском языке обязательно надо продолжать, несмотря на проигранные пока битвы. Об этом она говорила и на встрече с депутатами Европарламента в Брюсселе

в качестве второго иностранного директор школы назвала большим ударом по образованию.

Не смогут спасти ситуацию и учителя, приглашенные из-за границы. По действующим законам, преподавателю необходимо владеть латышским языком на уровне С1. И это не говоря уже о проблемах, связанных с видами на жительство. Для иностранных учителей это серьезный барьер.

Таким образом, в Латвии сегодня складывается абсурдная ситуация. Педагогических ресурсов для выполнения новых министерских стандартов образования нет и в ближайшее время не предвидится. Школы могут обеспечить изучение русского языка, спрос в стране на который был и остается достаточно высоким, но из-за политических соображений их заставляют замыкаться лишь на изучении языков ЕС.

Против очередных, сколь драконовских, столь и абсурдных, нововведений в сфере образования активно выступает Сообщество родителей Латвии, объединяющее в основном русскоязычных родителей. Более 350 исков было подготовлено и отправлено в ЕСПЧ Сообществом совместно с Латвией-

ским комитетом по правам человека. Все они касаются школьной реформы 2018 года, которая предусматривала серьезные изменения языковых пропорций в пользу латышского языка. На долю предметов на родном языке в школах нацменьшинств тогда оставалось 20 процентов. Родители требовали отменить дискриминационную школьную реформу. «Мы ждем решения суда по нашим искам, оно может прийти в любую минуту, – рассказывает руководитель Сообщества родителей Латвии Юлия Сохина. – В отличие от ранее отправленных в Латвию многочисленных рекомендаций из различных международных институтов решения Европейского суда по правам человека являются обязательными к исполнению. Но пока суд да дело, в Латвии 25 октября 2022 года вступил в силу еще более жесткий закон, в соответствии с которым школы нацменьшинств фактически просто перестают существовать. С 1 сентября 2023-го во всех детских садиках, а также в первом, четвертом и седьмом классах вводится обучение полностью на латышском языке. С 2024 года – во втором, пятом, восьмом классах, а с 2025-го – в третьем, шестом и де-

вятом классах вводится обучение только на латышском языке... При этом русский язык как предмет из основной программы вообще убирают. Возможно, он останется как дополнительный урок по интересам, но даже это маловероятно».

На возражения правозащитников в министерстве заявили, что изменения «будут способствовать полноценному включению молодежи в европейское образовательное пространство», что, в свою очередь, «откроет широкие возможности трудоустройства в ЕС и за его пределами».

На самом деле начиная с 2003 года все школьные реформы, навязанные русским школам, направлены на обolvанивание русскоязычных детей, лишенных возможности осваивать школьные предметы на понятном им родном языке. За минувшие двадцать лет уровень знаний выпускников школ нацменьшинств резко снизился. И они перестали на рынке труда составлять серьезную конкуренцию своим сверстникам из латышских школ. Деградация в образовании неизменно оборачивается маргинализацией и криминализацией общества. И даже недалекие политики, дорвавшиеся до власти,

Правозащитник Елизавета Кривцова и экс-депутат Сейма Латвии Игорь Пименов в конце своих депутатских полномочий успели подать иск в Конституционный суд ЛР против запрета русского языка в школах и садиках. Но по формальным причинам в рассмотрении иска им было отказано. Теперь открывается путь в ЕСПЧ. Но вот в его объективность уже верят далеко не все заинтересованные лица

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

не могут не понимать этого. Как там Бисмарк говорил? Кто экономит на школах, тот будет строить тюрьмы?.. Еще до вступления нового закона в силу в детских садах и школах началось давление на русских педагогов, не владеющих свободно латышским языком. И большинство учителей-предметников уволились по собственному желанию. Сообщество родителей готово было помочь и помогало тем, кто собирался судиться, но таких были единицы. В основном все уходили молча. «Я тоже сама подала заявление об уходе, не было сил бороться с такой машиной, хотя проработала в школе более сорока лет и могла бы еще лет десять вести свой любимый предмет – историю, – рассказывает педагог Ольга. – Но языковые проверки не для моей нервной системы. Обидно, что проверяют не умение использовать язык на занятиях, что мы в большинстве своем уже освоили, а начинают экзаменовать на отвлеченные темы. В конце концов это просто унизительно! Ни разу за последние пятнадцать лет не было специализированных курсов для преподавателей математики, физики, музыки. Зато внезапные визиты языковых инспекторов – в порядке

вещей. Педагогу работать в такой обстановке – себя не уважать. А чему ж тогда можно детей научить? Трусости и лицемерию?» И все же Юлия Сохина и ее соратники считают, что надо продолжать борьбу за возвращение русской общине права обучать детей на родном языке, как это и было в Латвии на протяжении последних столетий. И лишь во времена Евросоюза права коренного русского национального меньшинства были растоптаны самым циничным образом. В конце 2022 года Сообщество родителей и латвийские правозащитники обратились в ЕСПЧ с письмом, в котором просят запустить процедуру заморозки нового законопроекта. Если ЕСПЧ остановит вступление в силу новых поправок в законодательство Латвии в сфере образования, то намеченные на 1 сентября 2023 года реформы в школах национальных меньшинств не должны применяться.

Подключились и наиболее здравомыслящие политики, правда, в основном из не прошедшей на октябрьских выборах в Сейм Латвии партии «Согласие». Незадолго до окончания действия своих полномочий 20 депутатов успели подать заявление в Конституцион-

ный суд Латвии. Они потребовали признать, что последние поправки в законах об образовании, прекращающие общее образование на языках национальных меньшинств, не соответствуют Конституции Латвии и рамочной Конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств. Как считает инициатор иска, юрист Елизавета Кривцова, на самом деле главной целью Минобразования был срыв учебного процесса в школах национальных меньшинств. «Я присутствовала при их обсуждении и сказала депутатам, что выбор стоит не между хорошим и плохим учителем, а между неидеальным учителем и отсутствием учителя. Депутаты меня услышали, но все равно проголосовали за этот закон, – рассказала Елизавета Кривцова. – Поэтому я с полной ответственностью утверждаю: депутаты и Министерство образования хотели, чтобы были сорваны уроки». К Новому году латвийское правительство не смогло отказать себе в удовольствии преподнести русским учителям еще один «подарочек»: с 1 января 2023 года вступили в силу новые правила, ужесточающие условия сдачи языковых экзаменов на ступень C1. ●

«ЧТОБЫ ВЕЗДЕ БЫЛО КИНО!»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

НА ОТКРЫТОМ РОССИЙСКОМ КИНОФЕСТИВАЛЕ АВТОРСКОГО КИНО «ЗИМНИЙ», ПРОШЕДШЕМ В МОСКВЕ В ДЕКАБРЕ 2022 ГОДА, СОСТОЯЛСЯ ТРИУМФ ЯКУТСКИХ КИНЕМАТОГРАФИСТОВ: В НОМИНАЦИИ «ЛУЧШИЙ ФИЛЬМ» ПОБЕДИЛА КАРТИНА ЛЮБОВИ БОРИСОВОЙ «НЕ ХОРОНИТЕ МЕНЯ БЕЗ ИВАНА», А ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА «АЙТА» ВЗЯЛА ДВА ПРИЗА – ИННОКЕНТИЙ ЛУКОВЦЕВ НАГРАЖДЕН ЗА ЛУЧШУЮ МУЖСКУЮ РОЛЬ, ЛУЧШИМ РЕЖИССЕРОМ НАЗВАН СТЕПАН БУРНАШЁВ. С ПРИЗЕРОМ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНКУРСОВ, РЕЖИССЕРОМ, СЦЕНАРИСТОМ И ПРОДЮСЕРОМ СТЕПАНОМ БУРНАШЁВЫМ МЫ ГОВОРИМ О ЯКУТСКОМ КИНО, ЯРКО ЗАЯВИВШЕМ О СЕБЕ НА РОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ФЕСТИВАЛЬНЫХ ПЛОЩАДКАХ.

— СТЕПАН, В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ практически во всех республиках СССР работали местные киностудии. В Якутии своей студии не было. Лишь в 1990-е годы появились первые якутские фильмы. А сегодня можно смело говорить о феномене якутского кино...

— Да, в Советском Союзе во всех республиках были свои студии, а в Якутии — нет. Почему — не знаю. Возможно, из-за отдаленности автономной республики.

После раз渲ла СССР в Якутии, благодаря режиссеру Алексею Романову, был создан «Северфильм». На базе этой студии в 1990-х годах вырос «Сахафильм», тогда уже пошли госзаказы. Сначала снимали в основном короткие метры, к 2000 году появились полнометражные фильмы, правда, на большие экраны они не выходили, демонстрировались на спецпоказах. Я помню, в 2003 году прогремел триллер «Черная маска». В те годы директор кинотеатра «Центральный» в городе Якутске, Александр Данилов, создал студию «Алмазфильм», где снял картину режиссер Сергей Потапов. Этот фильм стали показывать в «Центральном», люди с интересом

его смотрели. Потом Анатолий Сергеев снял «ужастик» «Тропа смерти» и очень хорошо продумал маркетинг: появились постеры, флаеры, ролики. Я тогда удивился: оказывается, можно снимать фильмы, устраивать прокат — это настолько интересно! В Якутии случился кинобум. Нашлись ребята, которые решили снимать фильмы, в кинотеатрах поняли, что на этом можно заработать, потому что зритель хотел смотреть свое кино. К тому же пришла эра цифровых камер. Эти факторы повлияли на резкий скачок развития кинопроизводства в Якутии.

В 2013 году вышли мои первые работы — мистический апокалипсис «Последний день» и триллер «Кута» («Трясины»). К этому времени якутские студии снимали уже по 15 фильмов в год. Большинство из них, конечно, были любительскими, некоторые ребята остались на том же уровне, а кто-то начал развиваться. С улучшением качества кино у зрителя меняются приоритеты, и мы понимаем, что можно и нужно снимать все лучше и лучше. К сожалению, при маленьком бюджете это делать сложно. Тем не менее у нас очень много энтузиастов, благодаря которым в регионе развивается кино.

— Как воспринимают якутское кино на фестивалях?

— Долгое время якутское кино особо никого не интересовало в России, наши картины даже на «Кинотавр» не брали. Мы пришли на российские фестивали уже после успеха на международных. Но скептическое отношение к якутским фильмам оставалось. И я считаю, что мы до сих пор разрушаем стереотипы. Даже на показе моего фильма «Наша зима» в Москве меня спрашивали: почему, если про Якутию кино показывают, это всегда чумы, олени, а в вашем фильме — город и люди, которые живут в хороших квартирах? Я отвечал: ну да, у нас есть и города, и поселки, и даже асфальт есть, по которому машины ездят.

Мы своими фильмами еще и просвещаем людей, потому что многие даже не знают, где находится Якутия, как там люди живут. И все удивляются, когда я говорю, что впервые увидел оленей в 1998 году в Петербургском зоопарке. Просто я родом из центральной Якутии, где в основном развито коневодство. Но клише, что Север — это олени и оленеводы, очень глубоко сидит в людях. Приезжаешь на фестиваль, где многие ожидают, что ты привез любительское кино, а видят на экране совсем иное. Некоторые вообще ожидают увидеть человека в шубе, вышедшего из чума, преодолевшего сотни километров на оленевой упряжке! А тут — человек разговаривает на русском языке, и образование есть, и кино снимает... Я думаю, участвуя в фестивалях и устраивая спецпоказы, мы отчасти работаем не только на развитие якутского кинематографа, но и на развитие всего регионального кино — чтобы оно было общероссийским, а не московским, петербургским,

якутским... Чтобы везде было кино! Это очень большая работа по ознакомлению зрителя с российским народом в целом. На мой взгляд, сейчас это очень важно, потому что, живя в такой большой стране, мы порой очень мало знаем о своих соседях. Мне лично интересно, как живут люди в других регионах России. Стараюсь ездить, знакомиться, разговаривать. Мы же очень богаты — исторически, этнографически, культурно! Необходимо развивать региональные кинематографы!

— Когда вы участвуете в зарубежных кинофестивалях, вас воспринимают как русского режиссера?

— Да, естественно. Но бывают и курьезные моменты. Например, фестиваль азиатского кино в корейском Пусане не берет якутские фильмы в основной конкурс, потому что у них в регламенте Россия — это Европа. А мы по сути — Азия, но... представляем Европу. И эту стену тоже надо ломать: ездить, показывать, что Россия — это огромная страна.

На международных фестивалях очень хорошо воспринимают наши фильмы — простые, жизненные истории о людях и их взаимоотношениях. Такие истории зрители везде понимают. И говорят, что сейчас редко удается такие фильмы посмотреть, что им очень этого не хватает, благодарят, когда привозим свое кино. Ведь многие режиссеры работают в фестивальных «тенденциях» и об обычных отношениях между людьми просто не снимают кино.

Но сейчас с международными фестивалями мы, как и все российские режиссеры, «пролетели». Хотя сообщалось, что жюри фестивалей будут рассматривать фильмы, снятые без господдержки,

без поддержки Министерства культуры. Ну вот у нас такой поддержки нет – и все равно наши фильмы не берут, потому что мы – Россия.

– *Вы переживаете из-за этого?*

– Конечно, неприятно. Было много планов, переговоров, и все это, к сожалению, отложено. Пока не знаем, до каких пор. Многие западные коллеги возмущаются, потому что знают, что у меня все снято на свои средства.

– *Возвращаясь к тому, о чем вы говорили ранее... Получается, от вашего кинематографа априори ждут «этники», а вы говорите о жизни и человеческих отношениях, то есть снимаете истории, в которых неважны антураж, интерьер, обстановка...*

– Получается, так. Например, мой фильм «Черный снег» поднимает общечеловеческие проблемы. На показе в Санкт-Петербурге один молодой человек заплакал: оказалось, он узнал в моем фильме проблемы своей деревни, расположенной в 70 километрах от Петера. Понимаете, все зависит от того, кто смотрит кино.

Да, безусловно, в якутском кино есть свои особенности, мы ведь снимаем его в Якутии. Оно помогает познакомиться с нашей культурой, бытом, характерами, но по большей части рассказывает общечеловеческие истории. Например, истории, показанные в фильмах «Наша зима» и «Айта», могли произойти где угодно. Да, я живу в Якутии и снимаю в Якутии, но эти сценарии можно адаптировать для Подмосковья, Японии, Америки – где угодно можно снять историю. Люди видят самих себя и проблемы современного общества, узнают, что Россия большая и что в России есть разные народы.

– *Ваш «Черный снег» – притча, основанная на реальных событиях. Интересно, что аналогичная история показана в фильме Дэнни Бойла «127 часов»: парень лазил по скалам, ему защемило камнем руку, он ножом отпилил кисть и смог спастись. И это тоже реальная история, только там страшная жара, а у вас – страшный холод...*

– Да, но я придумал снимать свою историю до того, как Дэнни Бойл снял свое кино. Сценарий короткого метра «Черный снег» я написал в 2014 году, в 2019-м расширил его и снял уже полный метр. Фильмы сильно отличаются – и структурно, и по характеру героев. У героя Бойла было 127 часов, а у моего героя столько времени не было. У Бойла это просто констатация фактов, зрительское кино с использованием флешбэков, это не притча. У меня – рассказ о человеке, который запутался в этом мире, потерял себя, потом, может, нашел, может, нет... Я очень обрадовался, когда понял, что у зрителей сложились разные мнения о «Черном снеге»: кто-то говорил, что герой умер, кто-то считал, что он спасся, кто-то говорил, что он сжег все из алчности, и так далее... Люди спорили, потому что точки зрения на историю и ее финал были абсолютно разные. То же самое я, к счастью, наблюдаю и в слу-

чае с фильмом «Наша зима»: кто-то встает на сторону мужчины, кто-то – за женщину, кто-то считает, что они сошлись, кто-то – что разошлись, кто-то говорит, что они остались друзьями, кто-то обратил внимание на ценность любви, кто-то – на то, что мы просто не умеем друг с другом разговаривать... Мне кажется, фильм можно считать хорошим, если он на каждого зрителя воздействует по-своему и у всех зрителей – разный финал. Если это получается, значит, кино стоящее. Человек индивидуален, и я не могу влезть в голову каждого зрителя, чтобы узнать: а, у него вот такое восприятие, тогда давайте вот так снимем.

Я сам – тоже зритель. Скажем, вот появляется у меня идея, возникает сценарий – пока еще в мыслях, – который я также мысленно вижу как режиссер. А затем стараюсь также мысленно просмотреть его как зритель. И если все совпало – идея, режиссерский взгляд и взгляд зрителя, – отдаю все это продюсеру Степану Бурнашёву, чтобы он организовал производство и снимал кино в реальности. На мой взгляд, это максимально честно по отношению к зрителю. Я не пытаюсь хитрить, чтобы понравиться всем – кино не должно всем нравиться.

– *Вы любите открытые финалы как прием, когда каждый зритель сам додумывает финал фильма. Но при этом постоянно возникает вопрос: а чем же все закончилось по задумке режиссера? Ведь зрителю важен посыл автора. И вам каждый раз придется озвучивать собственную точку зрения, хотя вы можете сказать: «А я не знаю, чем закончится». Насколько это честно?*

– Я просто от души рассказываю историю. Если это у меня получается, то отклик будет в любом случае, неважно – отрицательный или положительный. Если есть отклик, значит, фильм удался. По «Черному снегу» я очень хорошо это прочувствовал: меня всегда об этой картине спрашивали. Раньше я обижался на негативные отзывы, а сейчас научился отличать стоящую критику. Понимаете, если возник спор, значит, мы затронули души людей, они говорят о своем взгляде на фильм, друг другу его объясняют, иногда договариваются, иногда – нет. И здорово, что кино вызывает такой интерес и обсуждения.

– *Ваш новый фильм, «Айта», тоже оставляет вопросы. Жители якутской деревни бездоказательно обвиняют человека в преступлении: «он русский, он чужак, значит, виноват он». И идут его личевать. А когда выяснилось, что виноват не он, а якут, мысли о мести даже не возникло. Обычный криминал вырастает в межнациональный конфликт. Почему?*

– Фильм основан на реальной истории: погибла девушка, жители хотели убить виновника. Там не было «национального вопроса», виновник не был русским. В «Айте» он предстает в образе полицейского, русского по национальности. Но в фильме

его хотят убить не потому, что он русский, а потому, что якобы из-за него – представителя закона – погибает девочка. В финале выясняется, что полицейский не виноват. На самом деле это были влюбленные дети...

Но подойдем к этому вопросу издалека. Везде, где есть большинство, существует шовинизм. Фильм о том, что такое шовинизм и как к нему относиться. Важно понимать, что он действует, как говорится, в обе стороны. Например, когда ты в меньшинстве, к тебе относятся с ноткой шовинизма. Но когда ты в большинстве, то сам становишься шовинистом. Например, к представителям других национальностей в каком-нибудь русском городе могут относиться с высокомерием, назвать «приезжим», «гастролером», посоветовать «ухватить к себе». Но, допустим, русский человек приезжает к этим самым «гастролерам». И тогда уже он оказывается в ситуации меньшинства, на себе может ощутить все «прелести» шовинизма.

– Зеркальная ситуация.

– Да. Сейчас у нас в России идет немало споров о завоевании регионов Российской империей. Да, были войны, захваты... Но нельзя вспоминать все это лишь в отрицательном ключе, чтобы не повторять. Я хотел подчеркнуть, показать, объяснить, что в людях этот негатив есть, но лучше его отпустить, не зацикливаться на нем. Не стоит идти на поводу зла и уподобляться людям, которые переходят от культуры общения к шовинизму: «Надо сбросить ядерную бомбу, уничтожить этих зверей, всех выродков и их детей...» Это говорят и пишут в соцсетях люди, которые реально хотят смерти других людей!

Вот я в 2000-х очень не любил Москву. Почему? Потому что на любую станцию метро зайди – полицейские подойдут и будут требовать документ, издаваться: «Якут? Наверное, борец?» В вагон зашел, сел – отсаживаются, при этом некоторые могли сказать много «приличных» слов. Отношение было негативное. Но сейчас все очень изменилось, такого отношения больше не встречаю. И я этому рад, мне сейчас очень нравится в Москве! А тогда я не понимал: почему в моей стране ко мне так относятся? Да, были страшные, спорные времена. Нужно делать все, чтобы этого больше не случилось. А для этого нужно понять, откуда это идет. На самом деле идет отовсюду – в любом народе присутствует такое отношение к представителям других национальностей, если последние в меньшинстве.

На мой взгляд, мощь России в том, что наша страна создана на основе разных культур и национальностей. Они собраны воедино. Вот ключ к пониманию нашей страны. Это же здорово, что страна образовалась, объединив все культуры, а не уничтожив их. Мы, к сожалению, часто об этом забываем, не понимаем ценности этого. А ведь уже XXI век, и нам пора об этом задуматься... Еще раз повторю: по-моему, кино очень хо-

роший проводник, открывающий людям мощь нашей страны – большой, очень интересной, с множеством культур и национальностей.

– В недавнем интервью вы сказали о якутском кино: «Мы снимаем о себе, а значит, не можем врать». Но есть художественная правда, а есть реальность. Как нужно искать правду, как облачить ее в художественную форму, чтобы она не стала ложью?

– Я не знаю... Смотрю очень много фильмов и чувствую много фальши, особенно у молодых режиссеров. Они почему-то стараются рассказывать какие-то невероятные, нежизненные истории, абсолютно неживые, перенасыщенные... Берут из американских фильмов и сериалов не самое хорошее, персонажи какие-то неестественные, а ведь это все видно, это чувствуется. Да, здорово, если ты умеешь копировать чужое, но лучше по-своему делай. Я раньше тоже пытался копировать, у меня не получалось, и я перестал. Делаю фильмы по-своему – так, как мне интересно рассказывать и как мне интересно смотреть. Да, есть художественная составляющая, но я понимаю, какие проблемы затрагиваю, и стараюсь максимально честно работать, чтобы история была внятной, интересной. Стараюсь не переступать этическую черту. И не пытаюсь спекулировать на этнической или мистической составляющей Якутии. Я мог бы оленей гнать и в шкуры одеть людей, все бы там приукрашивал – и на ура мы брали бы на международных кинофестивалях призы. Но зачем?

Или тот же межнациональный вопрос я бы еще жестче мог поставить в угоду европейским странам – мы же знаем, что межнациональные конфликты у всех есть. Но я старался выстроить таким способом сюжет фильма «Айта», чтобы зрители видели обе стороны шовинизма и то, что это ни к чему хорошему никогда не приведет. Я перерос подобные проблемы, живу сейчас в гармонии со всеми национальностями и наконец-то считаю себя человеком. А раньше было сознание обиды... Оказывается, обиды портят: ты – не человек, а обиженное существо. А мы же – homo sapiens, нам дали разум не для того, чтобы писать угрозы, гадкие комментарии, сидеть все время в соцсетях, заниматься всякой дрянью – шовинизмом, расизмом и так далее. Разум нам дан, чтобы мы жили в гармонии друг с другом. Слушайте, в конце концов мы умрем – и всё...

– Степан, почему в якутском кино так много фильмов в жанре хоррора, триллера? И почему современный зритель так любит, чтобы его пугали в кино, что это за психологический феномен?

– Да, раньше у нас много такого снимали. Сейчас «ужастики» снимают реже. Почему люди любят ужасы? Знаете, один человек сказал мне, что этот интерес идет из детства. И я думаю, это верно. Мы в детстве очень много фантазируем и сами себя пугаем. Вот что популярно

сейчас у детей? Всякие «хагги-вагги», все эти сиреноголовые – они ведь ужасные! И мой ребенок смотрит это. Психолог говорит, что это естественно: вы же в детстве пугались, играли в темноте, выдумывали монстров. Это естественная защита человека – пугаться выдуманного, чтобы быть готовым к неожиданностям в действительности. И, даже повзрослев, люди пугают себя фильмами ужасов по той же причине.

А вот триллеры, на мой взгляд, не столько пугают, сколько дают пищу для раздумий об отношении к жизни. Потому что жизнь наша – неоднозначная и благодаря фильмам у нас появляется понимание возможных сложных ситуаций, люди думают об этом, анализируют...

Например, через фильмы я много говорю с людьми о смерти. У меня есть сценарий, где я основательно хочу поговорить с людьми об отношении к смерти. Почему? Рано или поздно мы все умираем, рядом с нами умирают взрослые люди, и дети умирают, к сожалению. По-моему, современные люди стали очень мягкими: теряются, слишком близко к сердцу это принимают, каждая смерть сейчас – трагедия. А смерть нужно принимать всегда, понимать, воспринимать ее как данность – ты уже никак не изменишь случившееся. Мы почему-то стали об этом забывать. Знаете, были у меня ситуации, когда на похоронах нужно было помочь – нести гроб, могилу засыпать. А взрослые мужики боятся! Понимаю, что это не-нормально. Это мы так меняемся. Информатизация, глобализация, мультикультурность – мы о многом осведомлены, но при этом как-то незаметно теряем основы человечности: взаимовыручку, поддержку в трудную минуту, мы забываем

о нормальном отношении к рождению человека и похоронам. Но они ведь естественны!

– *А в Якутии сохраняются такие традиции или тоже все меняется?*

– В Якутии такое отношение к жизни и смерти диктовали сложные условия. Например, долгое время у нас медицины никакой не было. В семье моего дедушки по отцовской линии было 16 детей, выжили только двое. В семье моей бабушки со стороны мамы было 15 детей, остались трое. Смерть была частой, поэтому в психологическом и физическом плане народ у нас был закален жесткими условиями. И в случае с моими родственниками речь идет о начале XX века. А что было раньше? «Естественный отбор» проходил намного жестче и тяжелее. Сейчас же есть медицина, многие выживают, и даже с ее помощью рождаются дети, которые не должны были появиться на свет. Мы обманули природу и... – мы становимся мягче.

– *А как, согласно традиции, народ саха понимает вопрос жизни и смерти?*

– Якуты считают, что мы возвращаемся в мир много раз. Можем вернуться собакой, растением и так далее. Это не буддийская теория. У нас она другая. У нас душа состоит из трех основ: Ийэ-кут, Буор-кут, Салгын-кут. Ийэ-кут – сознание, то, что передается через поколения – культура, традиции. Буор-кут – это тело, материальная часть. Салгын-кут – это разум. Когда они объединяются, мы обретаем целостность и приходим в этот мир людьми. Когда мы умираем, они все разделяются. Распадаются. И на том свете они иногда снова объединяются, и тогда мы снова возвращаемся в этот мир... ●

Травля медведя.
Псалтырь
Латтрелла.
1325–1335 годы.
Британская
библиотека

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

РОЖДЕНИЕ УЖАСА: «РУССКИЙ МЕДВЕДЬ»

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

УЖЕ НЕСКОЛЬКО СТОЛЕТИЙ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КАРИКАТУРЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЖУРНАЛИСТСКОЙ РИТОРИКЕ МЕДВЕДЬ ВЫСТУПАЕТ УСТОЙЧИВЫМ АТРИБУТОМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И СУБСТИТУТОМ ЕЕ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ – УСТОЙЧИВЫМ ШТАМПОМ «РУССКОСТИ». ЗАКОНОДАТЕЛЯМИ В ЭТОМ БЫЛИ АНГЛИЙСКИЕ ГРАФИКИ, КОТОРЫЕ ПЕРВЫМИ ОСВОИЛИ МАССОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО САТИРИЧЕСКИХ ЛИСТОВ НА АКТУАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ.

САМЫЕ РАННИЕ ГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ, НА КОТОРЫХ МЕДВЕДЬ ВЫСТУПАЛ ВИЗУАЛЬНЫМ «МАРКЕРОМ» РОССИИ, ПОЯВИЛИСЬ В АНГЛИИ ЕЩЕ В 1737–1740 ГОДАХ – ЭТО СЕРИЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКИХ ГРАВЮР «ЕВРОПЕЙСКАЯ ГОНКА» (*The European Race*), по-

священная международной ситуации тех лет. С конца XVIII века «русский медведь» стал почти хрестоматийным образом в политическом бестиарии карикатуристов Великобритании, а позднее – с временем Крымской войны – и других стран.

Нет ничего удивительного в образе медведя. Это самый крупный и самый распространенный хищник умеренного климатического пояса и вообще северной части Евразии. Здесь преобладает бурый медведь. Его сородичи известны на всех континентах, кроме Антарктиды. Сегодня насчитывают восемь видов медведей. Но, например, создатель системы классификации растительного и животного мира Карл Линней знал только два: бурый медведь и белый. Латинское название первого – *ursus arctos*, то есть «медведь северный», а второго – *ursus maritimus*, то есть «медведь морской». Лишь в 1815 году американский зоолог Джордж Орд обосновал существование третьего вида – североамериканского гризли, которого вписал в «систему Линнея» как *ursus horribilis*, то есть «медведь ужасный». По иронии судьбы, «ужасным» зоологи на-

зывают именно медведя, обитающего на территории США.

Внутренних причин к выделению медвежьей символики в качестве общенациональной в России никогда не было. Это исключительно взгляд с Запада. На гербах российских городов и областей медведь встречается часто, но ни один из них не преодолел рамки локальной эмблемы. Вплоть до XX века медведь не выступал в качестве государственного атрибута даже в отечественной карикатуре. Известны единичные исключения, явно производные от западной прессы: например, журнал «Будильник» за 1877 год (№35). Лишь много позже медвежий символ, несущий изначально исключительно отрицательный заряд, был подхвачен и «приручен» в России: по сути, если не учитывать олимпийского Мишки 1980 года, это произошло на наших глазах – в последние десятилетия.

Антоний Вид.
Карта Московии.
1544 год.
По изданию
Сигизмунда
Герберштейна

«МОСКОВИТСКИЙ МЕДВЕДЬ»

В Западной Европе образ медведя довольно рано стал вплетаться в информационные потоки о России. Указания на обилие этого зверя и описания связанных с ним приключений с XVI века регулярно встречаются в отчетах тех, кто посещал Москвию или собирал о ней сведения. Обычно это просто констатация наличия множества медведей в России, как у Матвея Меховского, Павла Иовия, Иоганна Фабри и Марко Фоскарини. Или фиксация необычной породы – белого медведя, как у Франческо да Колло, Энтони Дженинсона и Рафаэля Барберини. Иногда описываются забавные эпизоды, связанные с медведем. Послы отмечали красивые большие медвежьи шкуры, украшавшие роскошные экипажи и сани. Причем нередко это были шкуры белых медведей. Об этом писали Дани-

ил Принц фон Бухай, Антонио Поссевино, Николай Варкоч и Аксель Гюльденстиерне. Медведя или его шкуру часто дарили иностранным дипломатам. Английский поэт Джордж Тербервиль, посетивший Москву в 1568–1569 годах, писал в своих эпистолах, опубликованных в 1587 году:

*Когда гость ложится,
то в знак особого почета
Вместо постели у него
будет медвежья шкура,
А вместо подушки ему
кладут седло под голову.
В России не бывает
другого покрова.*

Первой монографией, специально уделившей заметное место описанию Московии, была книга польского историка Матвея Меховского «Трактат о двух Сарматиях», изданная в Кракове в 1517 году. Медведь в ней отмечен лишь как один из многих других животных. Впрочем, демонические черты этого

лесного хищника просматривались уже тогда. Польский хронист Ян из Глогова (умер в 1507 году) в одной из рукописей, *Introductorium cosmographiae*, аллегорически описывал Европу как Дракона, которому противостоит Медведь-Азия, где доминирует Московия.

В Библии медведь – дикая и необузданная бестия. Он неизменно представлен злодеем, соответственно – воплощает зло. Отцы Церкви разместили его среди приспешников дьявола. Более того, укоренилось мнение, что и сам Сатана часто принимает медвежье обличье. Блаженный Августин наставлял, что медведь – это и есть сам дьявол. Святые подвижники, как у католиков, так и у православных, нередко демонстрировали свою избранность тем, что приручали медведя или управляли им. Так, например, поступал первокреститель коми-пермяков святой Стефан, что отразилось на гербе Перми. Для европейцев медведь устойчиво ассоциировался с севером. Ведь на греческом ἄρκτος / ἄρκος – это и «север», и «медведь». Географические координаты и стороны света испокон века в нашем полушарии определялись с помощью Полярной звезды, которая входит в созвездие Малая Медведица (а Малой Медведицы): она указывает на север, холод, неурожай, трудности, дискомфорт. Север всегда был исполнен отрицательных характеристик. Он мало приспособлен для беззаботной жизни. Книга аллегорий бенедиктинца Иеронима Лауретуса, впервые изданная в 1570 году, представляет север средоточием зла, прегрешений и нечисти, а его символом выставляет медведя. Россия в Средние века и в Новое время считалась страной северной. Цирк и театр, а позднее кино всегда служили важным интегратором популярной образности. Медведь хорошо поддается дрессировке, а потому с давних времен был постоянным спутником кочующих ак-

терских трупп. Он ходит на задних лапах, танцует, ревет по команде; он человекообразен, но и безобразен одновременно; он – инфернальное исчадие, античеловек, берсерк; он агрессивен и силен. Повсюду в Европе была популярна травля медведя: животное привязывали к столбу и устраивали смертельную схватку с каким-то другим зверем или человеком. В Лондоне в XVI веке для этого строили специальные загоны – сцены, которые в промежутках между убийствами медведей использовали актеры и шуты. Позднее, чтобы не пачкаться в медвежьей крови, начали строить похожие сооружения для спектаклей – собственно театры, конкурировавшие с кровожадными забавами. Шекспир едва справлялся с привлечением публики в свой «Глобус», расположенный по соседству с загоном для травли медведей.

В Западной Европе медведей довольно рано извели почти

полностью. Уже к XVI веку в Англии для забав и постановочных охот их привозили из-за границы. Традиционным поставщиком хищников были восточнославянские страны – особенно Литовская Русь и Московия, с которыми они стали прочно ассоциироваться. Это демонстрируют английские материалы XVII–XVIII веков. Зрителям, глазеющим на ярмарках на кровожадное лохматое чудище, твердили, что это настоящий – «московитский» – медведь. Это служило лучшей рекламой. Так, 30 ноября 1749 года «Кембриджская хроника» печатала объявление, приглашая посмотреть на травлю «Великого Московитского Медведя» (*the Great Muscovy Bear*). Ко второй половине XVIII века метафора «русский медведь» успешно перекочевала в разряд политических категорий.

Герберштейн
в жалованной
ему московским
князем одежде.
Рисунок первой
половины
XVI века

МЕДВЕДИ НА УЛИЦАХ

Но все началось в XVI веке. Уже на самых первых географических картах Московии медведь символизировал восточноевропейскую окраину. Он встречается уже на «Морской карте», составленной и откомментированной шведским священником Олаусом Магнусом в 1539 году. В 1555-м Магнус опубликовал трактат «История северных народов», выдержавший в последующее столетие 25 изданий на всех европейских языках. В этой книге присутствует немало «медвежьих» сюжетов и иллюстраций: описаны и изображены белые медведи, сбор медведями меда и охота, упоминаются люди в медвежьих шкурах. Однако это еще только «северные», но не «русские» медведи. Тем не менее именно с русскими оказался связан сюжет о медвежьих поводырях: «русские и литовцы, храбрые и воинственные народы, самые близкие соседи шведов и готов на востоке, находят особое удовольствие, имея диких зверей, которых приручают так, что они слепо повинуются их малейшему знаку». Вероятно, в XVI веке

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

по Европе бродило немало дресированных медведей, вызывавших и любопытство, и страх. Олаус Магнус также пересказал популярный слух о том, что скоморохи с медведями, наводнившие Европу, являются шпионами московского великого князя. На карте Московии гданьского сенатора Антония Вида, изданной в 1544 году, в виньетке изображен сюжет ловли медведя: шесть человек вяжут вставшего на задние лапы хищника. Впоследствии похожую композицию можно было увидеть на многих других картах. Например, на карте Московии 1562 года, составленной английским послом Энтони Дженкинсоном и опубликованной в варианте, вошедшем в атлас «Зеркало мира земного» 1578 года. Эта карта с медведем неоднократно переиздавалась уже в XVI веке и стала почти хрестоматийной.

Важнейшим этапом в утверждении образа «русского медведя» стала книга Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии». Герберштейн как посол императора Священной Римской им-

перии посещал Москву дважды – в 1517 и 1526 годах. Его сочинение – самое большое и самое подробное для того времени – впервые было издано на латыни в 1549-м. Уже в следующем десятилетии его перевели на большинство европейских

Чарльз Мосли.
Европейская
гонка. 1738 год

языков. «Записки о Московии» по праву можно назвать бестселлером XVI века: за пятьдесят лет эта книга выдержала 21 издание на пяти языках. Почти на столетие сочинение Герберштейна закрыло тему историко-географического описания Московии. Последующие авторы, желая рассказать про эту страну, просто переписывали, чуть переиначивая, фразы из Герберштейна, выступавшего главным и бесспорным авторитетом в «познании» восточной державы. «Записки о Московии» были политизированным, но не антируссским сочинением. Помимо свойственной эпохе Возрождения любознательности Герберштейн преследовал и вполне практические цели, лежавшие в стороне от русско-австрийских отношений. Книга о Московии должна была произвести впечатление на правителей Речи Посполитой и показать, насколько глубоко зашли отношения и информированность

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Энтони Дженкинсон. Карта Московии 1562 года. Издана в 1578 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Вены о делах на востоке – в тылу у Польши, с которой существовали противоречия по венгерскому вопросу. Таким образом, это был и отчет о миссии, и собрание диковинок, и предостережение партнерам. Медведь для Герберштейна не был ни экзотическим, ни даже специфически русским животным. Чаще всего он просто упоминался наряду с другими подробностями. Лишь однажды писатель использовал медведя в качестве особого образа, связанного с ужасами русской зимы. Это пассаж из раздела «хорография Московии», посвященного описанию природы, жителей, городов и других социально-географических характеристик. Здесь автор сообщал свои знания о климате, а заодно пересказал впечатления от поездки в Москву зимой 1526 года: «Мы лично, приехав туда, видели, как от зимней стужи прошлого года совершенно погибли ветки плодовых деревьев. В тот год стужа была так велика, что очень многих ездовых, которые у них называются *gonecz*, находили замерзшими в их возах. Случалось, что иные, которые вели в Москву из бли-

Чарльз Мосли.
Европейский
забег на дистан-
цию. 1740 год

Александр
Гваннини.
Гравированный
портрет из «Опи-
сания Европей-
ской Сарматии».
1581 год

жайших деревень скот, привязав его за веревку, от сильно-го мороза погибали вместе со скотом. Кроме того, тогда находили мертвыми на дорогах многих бродяг, которые в тех краях водят обычно медведей, обученных плясать. Мало того, и сами медведи, гонимые голо-дом, покидали леса, бегали по-всюду по соседним деревням и врывались в дома; при виде

их крестьяне толпой бежали от их нападения и погибали вне дома от холода самою жалкой смертью».

При всей беспристрастности изложения автора все же мож-но уличить в желании пре-увеличить значение медведя в повседневности московитов. В издании на немецком языке, вышедшем в Вене в 1557 году, он внезапно удалил из приве-денного рассказа несколько фраз, служащих указанием на случайный характер события: исчезла ссылка на 1526 год, и фраза «гонимые голодом», а вме-сто «в тот год» появилось «рас-сказывали также». Теперь дело было представлено как обыч-ное явление для московитской зимы. Вторжение медведей в села и города стало восприни-маться как событие регуляр-ное и вполне характерное для России в целом. Так его поняли все позднейшие читатели и пе-реписчики. На протяжении ста следующих лет это сообщение Герберштейна повторили очень многие сочинители. Частное из-вестие о суровой зиме 1526 года превратилось в расхожий анек-дот о медведях, бегающих по русским городам.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРОПАГАНДА КАК ОРУЖИЕ

Особое значение имеет пример первого автора, пересказавшего Герберштейна. Речь о книге Александра Гваньини «Описание Европейской Сарматии», изданной в 1578 году в Кракове. Это многотомное сочинение включало отдельные книги о Руси, Московии и Тартарии. Итальянец Гваньини еще молодым человеком поступил на военную службу в Польше, а позднее принял подданство Речи Посполитой, и за ним было закреплено шляхетское достоинство. В течение восемнадцати лет – в 1569–1587 годах – он являлся комендантом Витебска, как он сам писал: «командовал пехотинцами в пограничной с Москвией крепости Витебске». Гваньини участвовал почти во всех кампаниях Ливонской войны, в том числе руководил обороной Витебска при осаде его московскими войсками. Под конец жизни в качестве королевского ротмистра жил в Кракове, где и умер в 1614-м в весьма почтенном возрасте, 76 лет. Уже с 1570-х годов он интересовался литературой, собирая материалы о географии, истории и традициях восточноевропейских областей.

В Витебске под его началом служил известный литератор Матея Стрыйковский, который, как считают, и составил для своего командира основную часть книги. Большая часть ее посвящена истории Польши и польских королей. Другим регионам, хотя и выделенным в отдельные тома, удалено существенно меньше объема. В части «хорографии» Гваньини (то есть Стрыйковский) полностью зависел от Герберштейна. Он почти дословно воспроизвел сюжет о холодах, изгоняющих медведей из леса, но писал уже об универсальном, а не случайном явлении: «Да и людей, окочневших от холода, часто находят мертвыми под открытым небом в телегах; мало того, лесные медведи, гонимые голодом, и то покидают леса, разбегаются по соседним деревням и врыва-

ются в деревенские дома; когда толпа крестьян убегает перед их нападением и силой, то за стенами дома жалким образом погибает от жестокого холода».

Собственно, оригинальных известий у Гваньини почти не было. Фактически переписаны две работы: первая – Герберштейна, а вторая – Альберта Шлихтинга «О тирании великого князя Московии Иоанна Васильевича», переполненная чудовищными подробностями казней, издевательств и пыток, которым подвергал своих приближенных Иван Грозный. Среди этих зверств особое место занимал медведь – как орудие

Афанасий
Власьев. Ксилография из книги
А. Гваньини
«Описание
Европейской
Сарматии»
(Краков, 1611)

Царь Василий
Иванович
(Шуйский).
Ксилография из
книги А. Гваньини
«Описание
Европейской
Сарматии»
(Краков, 1611)

пыток и травли. Вплоть до 1872 года подлинный текст Шлихтинга хранился в архиве Ватикана и не был опубликован, а потому сообщения Гваньини считались оригинальными и уникальными. История Московии у него представлена чередой тиранических бесчинств, важным участником которых был медведь: именно такой вывод напрашивается после прочтения книги Гваньини, ставшей вторым по популярности после Герберштейна «путеводителем по Московии». Уже в 1581 году книга была переиздана, а вскоре переведена на немецкий, итальянский и другие языки. За полстолетия сочинение Гваньини выдержало девять изданий на пяти языках.

Любопытно свидетельство современника о форме использования сочинений о Московии. На завершающем этапе Ливонской войны русская армия терпела поражения, но поляки не были уверены в своих силах и вступили в переговоры. Иван Грозный писал едкие и пространные письма, замучив польскую канцелярию. Один из секретарей канцелярии, ксёндз Станислав Пиотровский, летом 1581-го вел дневник. По его свидетельству, последнее письмо царя крайне возмутило короля Стефана Батория, названного в послании и клятвопреступником, и еретиком, и даже почти мусульманином. К пространному ответному посланию король потребовал приложить несколько актуальных страноведческих сочинений, в том числе Герберштейна и Гваньини, а также учебник по латыни, «чтобы прочитал, что о его обычаях в мире пишут». Московский царь представлен дикарем, который даже незнаком с божественным языком. Ведь сам трансильванец Баторий ни польского, ни русского не знал и общался с подданными только на высокой латыни. В 1611 году в Кракове под руководством Гваньини вышло переиздание его «Описания Европейской Сарматии» на польском языке. При этом раздел о Моско-

вии был существенно расширен за счет недавних событий, в том числе Смутного времени, авантюры Лжедмитрия и правления Василия Шуйского, на борьбу с которым польский король Сигизмунд двинул войска и «восстановил» наконец – после тяжелейшей осады Смоленска – «справедливость», воцарившись в Москве. Великому событию объединения всей Восточной Европы под скипетром короля Речи Посполитой (Польши, Пруссии, Литвы и Руси), Швеции и Московии Сигизмунда III посвятил свой труд счастливый старец Гваньини.

Это издание было богато иллюстрировано. Большинство гравюр позаимствовали из книги 1578 года, но в части недавней истории Московии были использованы новые, в частности портреты: Ивана Грозного (скопированный с портрета Василия Ивановича из книги Герберштейна), Лжедмитрия I, Марины Мнишек, дипломата Афанасия Власьева и Василия Шуйского. Последние четыре портрета воспроизвелись в разделе по современной истории, дописанном специально к изданию 1611 года, и шли последовательно: сначала портрет Власьева, затем на развороте – Лжедмитрия и Марины, а потом – Шуйского. Заочное бракосочетание Марины Мнишек с царем Дмитрием Ивановичем (Лжедмитрием I) состоялось в Кракове 19 (29) ноября 1605 года. На церемонии московского самодержца представлял его посол – думный дьяк Афанасий Власьев. По этому случаю в Кракове была отпечатана поздравительная брошюра с портретами участников. Оттуда их воспроизвел Гваньини. А вот что касается портрета Шуйского, то это другая история.

Знаменитый коллекционер графических работ Дмитрий Александрович Ровинский в 1886 году описывал эту ксилографию следующим образом: «Грубое фантастическое изображение его, в меховой шапке; справа виден медведь, слева заоженные свечи (для пытки?)».

Марина Мнишек. Ксилография из книги А. Гваньини «Описание Европейской Сарматии» (Краков, 1611)

Лжедмитрий I.
Ксилография
из книги
А. Гваньини
«Описание
Европейской
Сарматии»
(Краков, 1611)

В другом своем справочнике он назвал ее так: «Карикатурное изображение Шуйского». Любопытно, что этот портрет царя Василия Ивановича – единственный прижизненный. Вопрос о том, насколько он «карикатурен», открыт. Вполне возможно, что на портрете отражены реальные черты Шуй-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ского. Еще сложнее оценить образ фитилей, предназначенных якобы для пытки, а не для пушек. Зато можно точно сказать, что изображение лесного хищника, идущего из леса в сторону городского поселения, прямо отсылает к мифу о медведях, которые бродят по русским городам – привет Герберштейну! Василий IV Иоаннович Шуйский был возведен на трон после убийства Лжедмитрия I в мае 1606-го и свергнут в июле 1610 года, после чего насильно пострижен в монахи. В сентябре 1610 года его выдали польскому гетману Жолкевскому, который отправил бывшего царя в Польшу, где тот и умер в темнице Гостынинского замка в Мазовии. Выходит, в период подготовки издания Гваньини пленный Шуйский томился в заключении в сотне километров от Варшавы. То есть Гваньини или автор ксилографии могли его видеть. Из более поздних изображений имеется лишь гравированный образ Шуйского в Титулярнике 1672 года. Современники царя оставили только условные описания: «толстый, лысый старичок, подслеповатый, с красными маленьими глазами, с редкою бородою, с лукавым взглядом». Может быть, на гравюре большая шапка прикрывает лысину, а брутальные усы – редкую бородку? Все же вряд ли перед нами достоверный образ.

Скорее всего, в 1611 году Шуйский уже не мог интересовать публику, фиксировать его облик не было никакого смысла. Вероятно, перед нами продукт политической пропаганды – откровенный шарж на действующего правителя России, появившийся до 1610 года.

МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА

Последней иллюстрацией в томе о Московии у Гваньини был портрет польского князя Болеслава, захватившего древнерусскую столицу Киев в 1018 году. Сигизмунд, чьи войска заняли Москву в 1610-м, представлен его наследником,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Чарльз Мосли
по оригиналу
Юбера-Франсуа
Бургиньона
(Гравело).
Европейская
гонка. Забег III.
1739 год

воплотившим мечты предшественника об объединении славянских стран под польской короной. В этом контексте Шуйский – проходная фигура, и усилий на создание его портрета специально для книги Гваньини тратить не стали бы. Судя по тому, что «карикатура» на русского царя с медведем сделана весьма грубо и контрастирует с остальными иллюстрациями, можно предположить, что составитель просто использовал оттиск какого-то другого издания.

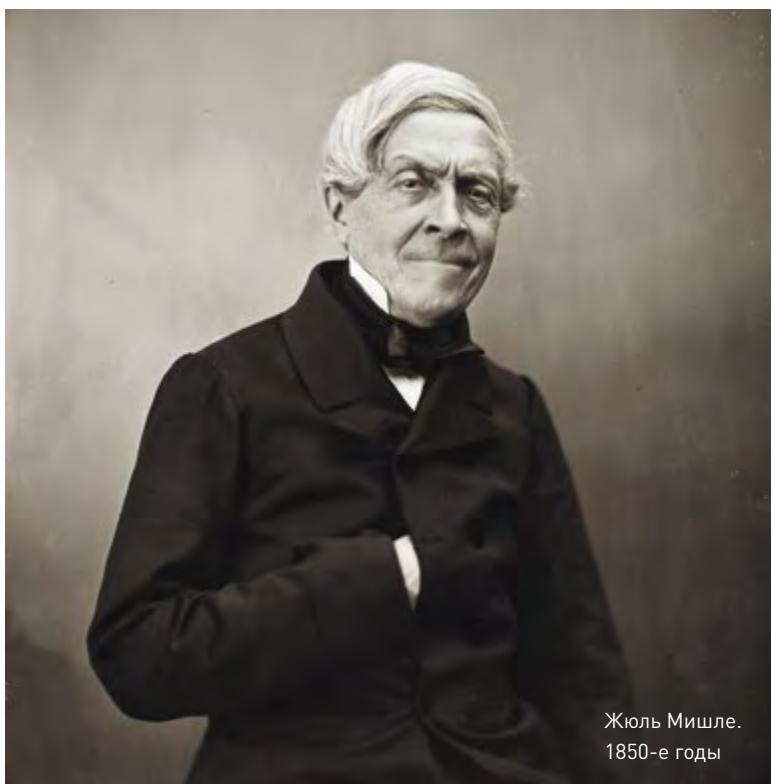
В те годы наиболее распространенным печатным информационным средством были так называемые «летучие листки» (*Flugschrift*) – предвестники будущих газет. Они обычно представляли собой сложенный пополам лист (то есть имели четыре страницы) и давали краткие сведения о внутреннем или международном положении дел. На крупных ярмарках они быстро превратились в регулярные издания, но чаще их выпускали в связи с конкретным информационным поводом, активно использовали для проповеди Реформации, для политической рекламы, для военной

агитации и т.д. В начале XVII века на смену им пришли газеты – регулярные подписные издания, которые к XVIII столетию полностью вытеснили листки. Уже в XVI веке «летучие листки» часто сопровождались заглавной иллюстрацией-ксилографией, что в следующем столетии стало почти обязательным. В Речи Посполитой рано переняли у Германии моду на «летучие листки» и активно использовали их в агитационных целях в ходе Ливонской войны, а затем во время русской Смуты и похода на Москву.

Предшественник Сигизмунда на польском троне, Стефан Баторий, возил с собой полевую типографию, в которой печатались актуальные известия о ходе военных действий, прокламации и пасквили на московитов. Перед походом на Москву летом 1609 года король Сигизмунд также развернул полномасштабную пропагандистскую кампанию. Были выпущены листовки с описанием причин войны, польских прав и перспектив для русских, оказавшихся под польским протекторатом. Не все они сохранились в библиотеках. Можно

предположить, что рассматриваемая гравюра с Василием Шуйским происходит из некоего «летучего листка», распространявшегося во время польской осады Смоленска и похода на Москву 1609–1610 годов. Вполне вероятно, что портрет русского царя-узурпатора с медведем – результат работы какого-то военно-полевого ксилографа из польской армии. Если бы этот ремесленник запатентовал свои права на изображение «русского медведя», то, наверное, обогатился бы, обеспечив и детей, и прапраправнуок – вплоть до наших дней. Случайный образ, возникший под пером Герберштейна, впервые обрел графические черты и сразу оказался на острие политического антагонизма, актуального и в наши дни. За сто лет – от Яна из Глогова до Гваньини – немецкие и польские авторы создали почву, на которой вырос и возмутил «русский медведь». Вскоре он был «экспортирован» в Англию, где вошел в разряд политических и ментальных стереотипов, распространявшихся ко второй половине XIX века уже на все континенты. ●

ОБРАЗЫ РОССИИ ЖЮЛЯ МИШЛЕ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЬЕВЫМ

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

ИСТОРИК В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ДОЛЖЕН ЗАНИМАТЬСЯ НАУКОЙ, ОДНАКО ПОРОЙ ОН ПРЕВРАЩАЕТСЯ В РЯНОГО ПРОПАГАНДИСТА. ИМЕННО ТАКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ СЛУЧАЛИСЬ СО ЗНАМЕНИТЫМ ФРАНЦУЗСКИМ ИСТОРИКОМ ЖЮЛЕМ МИШЛЕ, КОТОРОГО ИМЕНУЮТ «ОТЦОМ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ» И «ТВОРЦОМ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ». КСТАТИ, ИМЕННО МИШЛЕ ВВЕЛ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ ТЕРМИН «РЕНЕССАНС», ОБОЗНАЧАЮЩИЙ ЦЕЛУЮ ЭПОХУ В РАЗВИТИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ.

НЕ МЕНЕЕ ИЗВЕСТНЫЙ французский историк XIX столетия Ипполит Тэн назвал Жюля Мишле не просто историком, но одним из величайших поэтов Франции, а его стиль описания истории – «лирической эпопеей».

Как и многие французские политики и общественные деятели, романтизировавшие Польшу и ее борьбу с Россией, Мишле симпатизировал полякам. Обратной стороной сочувствия к Польше была ненависть к ее «угнетательнице» России. Это наглядно проявилось в публицистических

статьях Мишле, которые он начал писать в 1851 году. Три года спустя они были опубликованы в сборнике «Демократические легенды Севера». Статьи были написаны под влиянием работы Александра Ивановича Герцена «О развитии революционных идей в России», изданной в 1851 году на французском языке. Это сочинение Мишле назвал «героической книгой великого русского патриота». Правда, самому Герцену такая интерпретация его идей пришла не по душе. Настолько, что он написал опровержение: сразу после знакомства с первыми статьями Мишле осенью 1851 года Герцен опубликовал в Ницце брошюру под называнием «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле».

Какой же образ России создал Жюль Мишле? И насколько этот образ имеет отношение к историческому исследованию? Или перед нами пропагандист, политически ангажированный автор, создавший крайне непривлекательный образ России, точнее, образ Врага во время Крымской войны?

Мишле не оригинален: как и многие, писавшие о России, он « заново » открывает европейцам нашу страну, подчеркивая, что до 1847 года «Россия, настоящая, народная Россия, была известна в Европе ничуть не больше, чем Америка до Христофора Колумба ». При этом он подчеркивает, что прочел « все более или менее значительные сочинения о России, опубликованные в Европе », которые его мало чем обогатили. Почему? Потому что в большинстве своем эти сочинения являются легковесными и «описывают платье, но не человека ». Мишле же попытался создать психологический портрет русских, вложив в эту работу всю мощь своего темперамента.

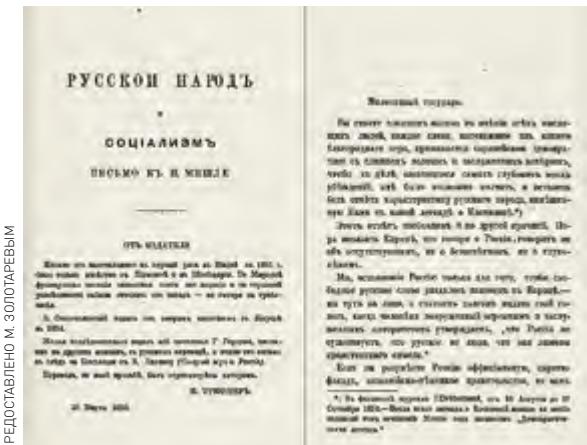
«РУССКИЕ – ЕЩЕ НЕ ВПЛЮНЬЮДИ»

Портрет получился ярким и запоминающимся. Мишле буквально брызжет ненавистью к русским. Трудно не согласиться с мнением известного исследователя русско-французских связей Шарля Корбе, отметившего, что Мишле ненавидит русских на физиологическом уровне, ненавидит буквально само их физическое существование. Мишле входит в состояние транса от одного упоминания России. В своей «Истории Франции» он называет нашу страну «холодным полуголодным гигантом, пасть которого всегда разинута в сторону богатого Запада». Не только русские внушают ему физический страх, но и сама Россия.

В годы войны важно создать крайне неприглядный образ противника. Мишле постарался на славу и, кажется, делал свое дело искренне. Он детуманизирует русских, отказывая им в праве быть не тольконацией, но людьми как таковыми: «Люди на русских, ясно понимаешь, что это племя пока не развилось до конца. Русские – еще не вполне люди. Им недостает главного свойства человека – нравственного чутья, умения отличать добро от зла...» Русские для него – это какая-то природная стихия: «Душа русского – стихия более природная, нежели человеческая. Добиться, чтобы она застыла, практически невозможно; она текучка, увертлива». Русские для Мишле – это «переменчивые обитатели океана северной грязи, где природа без устали соединяет и разъединяет, растворяет и разлагает на составные части, рус-

Александр
Иванович
Герцен.
Начало
1850-х
годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ские, кажется, и сами состоят из воды <...>. Глаза их, удлиненные, но никогда не раскрывающиеся полностью, – не такие, как у остальных людей. Греки называли русских «людьми с глазами ящериц» (здесь Мишле опирается на Кюстина, который ошибочно возводил слово «сарматы», или «савроматы», к греческому «савро» – «ящерица»). – Прим. авт.); еще лучше выразился Мицкевич, сказавший, что у настоящих русских «глаза насекомых» – они блестят, но смотрят не по-человечески».

Мишле задается вопросом: «Что же такое русский народ? Сообщество людей или еще не организованная природная стихия? Может быть, это песок, летучая пыль?.. Или все-таки вода?..» Русские – это даже не песок и не вода: «Нет, песок куда надежнее, чем русский народ, а вода далеко не так обманчива».

Брошюра
А.И. Герцена
«Русский народ
и социализм.
Письмо к Ж.
Мишле».
Разворот

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ – ЭТО КОММУНИЗМ»

Мишле не отрицает, что у русских есть множество превосходных качеств: «Они кротки и уступчивы, из них выходят верные друзья, нежные родители, они человеколюбивы и милосердны. Беда лишь в том, что они напрочь лишены прямодушия и нравственных принципов. Они лгут без злого умысла, они воруют без злого умысла, лгут и воруют везде и всегда». Согласно Мишле, ложь – это главное свойство русских и русской жизни: «В России все, от мала до велика, обманывают и лгут: эта страна – фантасмагория, мираж, империя иллюзий». Перед нами устойчивый стереотип, что у русских нет нравственной основы и поэтому они, в отличие от европейцев, лишены моральных качеств, отсюда их тотальная ложь. В данном случае Мишле идет строго по следам маркиза Астольфа де Кюстина, который в своей книге «Россия в 1839 году» буквально демонизировал Россию, создав образ варварского, деспотичного государства, царства фальши и тотальной лжи, страны, неспособной приобщиться к ценностям европейской цивилизации.

Отличает Мишле от Кюстина лишь то, что в основу русской жизни Мишле ставит «коммунизм» или «общину», и тут очевидно влияние Герцена. «Русская жизнь – это коммунизм», – делает вывод Мишле. Но дальше он с Герценом расходится, поскольку община в России, как

Ж. Мишле.
Демократиче-
ские легенды
Севера
(Париж, 1854).
Титульный лист

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и все остальное, ложная. А вот с Кюстином Мишле сближает то, что община для него – это тоже смерть: «общинный коммунизм, способствующий рождаемости, несет в себе также начало совершенно противоположное – влекущее к смерти, к непроизводительности, к праздности. Человек, ни за что не отвечающий и во всем полагающийся на общину, живет, словно объятый дремотой, предаваясь ребяческой беззаботности...»

В рамках общины крестьянин влечит абсолютно растительное существование: «Вот жизнь совершенно природная, в самом низшем, глубоко материальном смысле слова, которая принижает человека и затягивает его на дно. Мало труда, никакой предусмотрительности, никакой заботы о будущем. Женщина и община – вот две силы, помогающие жить мужчине. Чем плодовитее женщина, тем щедрее община. Физическая любовь и водка, непрестанное рождение детей, которые тотчас умирают, после чего родители немедленно зачинают следующих, – вот жизнь крепостного крестьянина».

Мишле сравнивает общины сербов и черногорцев с русской общиной. Если первые для него – пример героической борьбы тех, «кто защищает Европу от варваров и стоит в авангарде борцов за свободу» (историк имеет в виду сербов и черногорцев, боровшихся с Ос-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

манской империей. – Прим. авт.), то российский коммунизм совсем иной, противоположный: «Как далеко до него другому коммунизму – бессознательному, врожденному, праздному, в котором пребывают, словно в спячке, все те, кто привык жить стаей, в ком еще не проснулся индивид». Русские, по словам Мишле, живут как «моллюски на дне морском; так живут многие дикие племена на далеких островах; поднимемся ступенькой выше, и мы увидим, что точно так же

Жюль Мишле.
Портрет работы
Т. Кутюра.
1865 год

Русская
крестьянская
семья.
Иллюстрация
из книги маркиза
де Кюстинга
«Россия
в 1839 году»
(Париж, 1855)

живет беспечный русский крестьянин. Он спит в лоне общины, как дитя в утробе матери». Даже семья в России – не семья, считает Мишле: «Разве жена здесь принадлежит мужу? Нет, прежде всего она принадлежит помещику. Она рожает ребенка – как знать, от кого?» В России и община – не община: «С первого взгляда может показаться, что перед нами маленькая патриархальная республика, в которой царит свобода. Но присмотритесь внимательнее, и вы поймете, что перед вами всего-навсего жалкие рабы, которые вольны лишь делить между собой тяготы рабского труда».

В общине – зародыш смерти и бесплодности. Человек без всякого чувства ответственности, опирающийся на общину, будто остается в детском состоянии. Русские в ужасе от собственности. А те, что становятся собственниками, быстро возвращаются к общине. Собственник разоряется; общинник не может разориться, потому что у него ничего нет. Свободным крестьянам еще тяжелее, поэтому никто не стремится к свободе.

Помещик – вроде бы отец крестьянам, но на деле – жестокий царек, управляющий своей деревней более деспотично, чем император из Петербурга – всей страной. Правительство хуже любого барина. Оно, считает Мишле, состоит из самых лживых людей, какие только встречаются в империи лжи. Оно именует себя русским, по сути же остается немецким. В правительстве сидят люди, не знающие российской жизни, чуждые русским нравам и русскому духу, всегда готовые надругаться над кротким и легкомысленным русским народом, извратить его исконные похвальные свойства. Церковь только называется церковью, являясь частью государственной машины, в ней – все от материи и ничего – от духа. Священник – не кто иной, как чиновник. Император – «самый лживый из

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Курьер и кучер русской императорской почты. Иллюстрация из книги маркиза де Кюстинга «Россия в 1839 году» (Париж, 1855)

Изменению взгляда на Россию способствовали и перемены в ее внутренней жизни, в первую очередь реформы императора Александра II. Эта «революция сверху» способствовала тому, что Россию начинают воспринимать как европейскую державу, и разрыв между ней и Западом начинает резко сокращаться. Для тех же, кто был разочарован в западной цивилизации, архаичное сельское русское общество казалось оазисом «славянской души», духовного начала, быстро исчезающего в индустриальном и городском мире Европы.

Однако Запад никогда не был единственным целым. И, скажем, англо-французская Европа и австро-германская ее часть смотрели в то время на Россию по-разному. Если для либеральной Европы Россия являлась не более чем предметом исследования, то отношение европейских левых было весьма двусмысленным: социалисты ненавидели российское самодержавие, но в то же время надеялись, что в России мог разгореться большой революционный пожар, который ее бы ослабил.

Однако ожидавшееся сближение России и Европы не состоялось, и антирусскую волну в очередной раз спровоцировал польский вопрос. Вторая империя унаследовала от прежних режимов устойчивые полонофильские настроения, и Наполеон III был вынужден считаться с ними в еще большей степени, чем король Луи-Филипп Орлеанский. В то же время Наполеон III, как и его дядя, был прагматиком и своей главной задачей считал не помочь полякам, а освобождение Франции от ненавистной Венской системы. Так европейцы воспринимали ситуацию и прежде, Польша была для них лишь разменной монетой в европейской политике и в отношениях с Россией. Однако фактор общественного мнения сбрасывать со счетов было нельзя.

В 1860–1861 годах в царстве Польском развернулось широкое общественное движение, на почве патриотического подъема возро-

всех лживых русских, верховный лгун, царящий над всеми прочими лгунами».

Итак, ложь в России – абсолютно во всем. «Ложь – в общине, которую следовало бы назвать мнимой общиной. Ложь – в помещике, священнике и царе. Крещендо обманов, мнимостей, иллюзий!» Ложь – основа внешней политики России и ее оружие против Европы.

Россия – царство фасадов, иллюзия и ложь, и император это прекрасно знает: «Каждый день император убеждается, что его громадная власть – не более чем иллюзия, что его могущество – не что иное, как бессилие; жизнь напоминает ему об этом безжалостно и едва ли не насмешливо <...> Земного бога обманывают, обворовывают, осмеивают и оскорбляют!» Однако, отмечает Мишле, «постоянства нет даже в обмане <...> Так живет эта непостоянная держава».

Главный же вывод Мишле таков: «Восхитительно точное определение было дано России, этой разрушительной силе, этому ледяному яду, который она медленно разносила и который ослабляет жизненные силы, парализует будущие жертвы, лишая их всякой защиты: «Россия – это холера».

РУСОФОБСКАЯ ПРОПАГАНДА

По окончании Крымской войны отношения между Россией и европейскими державами быстро восстанавливаются. Император Наполеон III, взявший курс на примирение и тесное сотрудничество с Россией, видел в ней влиятельного союзника в игре против Австрии, а также противовес чрезмерно усилившейся Великобритании.

Т. Роберт Флери.
Резня в Варшаве.
1861 год.

Открытка

Молодой царь примеряет свое наследство.
Карикатура на Александра II из британского еженедельника «Панч».
Март 1855 года

дились надежды шляхты. 8 апреля 1861 года во время очередной демонстрации в Варшаве российские войска открыли огонь по ее участникам. Похороны пяти погибших превратились в манифестацию и вызвали волну солидарности в Европе. Молебны в память о погибших прошли в Париже, Лондоне, Брюсселе, Стамбуле, а польские диаспоры усилили нападки на Россию.

Французский живописец Тони Роберт Флери написал на эту тему большую картину. Как отмечал историк консервативного толка, издатель, автор большинства статей журнала патриотического направления «Домашняя беседа» Виктор Ипатьевич Аскоченский, художник изобразил этот сюжет «совершенно в искаженном виде и в самом благоприятном для мятежников, представленных страждущими невинностями и беззащитными жертвами мнимого зверства». Вот как Аскоченский описывал это полотно: «Картина изображает Варшаву, объятую пламенем; на улицах толпы народа, молящегося Богу в самых патетических позах, со слезами умиления на глазах, с руками, поднятыми к небу. На первом плане русские солдаты прикальывают штыками молящихся стариков, жен и детей; вдали виден дым пушечных выстрелов; и среди молящейся толпы падают раненые и валяются убитые юноши и девицы. Словом, картина представляет беззащитный город, взятый приступом дикими ордами Атtilы или Чингисхана, жители которого обречены поголовно на смерть». Как отмечал русский публицист, картина Флери была выставлена в Париже в одном из лучших магазинов, на самом бойком месте и привлекала «огромные массы парижан, которые плачут об участии Польши, проклинают Россию и, конечно, от души верят в ужасное варварство русских».

Польская эмиграция не могла остаться равнодушной к работе Флери. Один из поляков написал стихи в честь художника, тут же переведенные на французский язык и опубликованные.

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Крайности сходятся. Карикатура из британского сатирического еженедельника «Панч», изображающая Авраама Линкольна и Александра II – двух тиранов, каждого из которых кроваво подавляет восстания против своего деспотизма: Линкольн – южан, а Александр II – поляков (речь о Польском восстании 1863 года)

На обложке была изображена иллюстрация со знаменами и названиями всех территорий, о присоединении которых мечтали поляки: Русь Белая, Русь Червонная, Русь Черная, Волынь, Подolia, Смоленск, Жмудь, Украина. Подпись к ней гласила: «Тони Роберту Флери от эмиграции польской за патриотическую картину – Варшава 8 апреля 1861 года». Эти стихи раздавались парижанам бесплатно или продавались по очень невысокой цене и таким образом, как отмечал Аскоченский, антирусская пропаганда распространялась очень быстро.

«МУЧЕНИЦА ПОЛЬША» И «ЛЮДОЕД» РОССИЯ

22 января 1863 года в Варшаве вспыхнуло восстание. Европа снова живо откликнулась на события в Польше. Мишле написал сборник статей под названием «Мученица Польша». В этих текстах он немного смягчает свои прежние взгляды, называя главной чертой русской души страдание, а главным признаком русского человека – «разбитое сердце».

Однако по отношению к России как таковой его позиция не меняется. Если Польше Мишле предсказывает великое будущее, то будущее России, по его словам, – это смерть: «Жестоко-

кий Петр Великий создал империю, убив нацию». Россия – это не только смерть, это бесконечный террор, а император Николай I, убеждает читателя Мишле, возомнил себя Иваном Грозным. Более того, Россия постоянно живет «в 1793 году», считает Мишле, имея в виду якобинский террор в годы Французской революции: «Россия может убить за один взгляд. Несчастье тому, кто видит!» Он снова возвращается к своему старому диагнозу: «Россия – это холера». Но теперь у него появляется еще один образ: Россия – это людоед, желающий поглотить всю Европу.

При этом Россия, по словам Мишле, остается неизменной, перемены в личности правителя ничего не меняют, система остается той же, как и просчитанная жестокость народа: «Слепой, дикий, необузданый, он грабит, убивает, сжигает. Таким он был во время бесчинств в Варшаве, таким он был в марте 1863 года. Если там и был какой-нибудь благородный офицер, в целом это ничего не меняет». Но дальше историк, точнее, публицист Мишле ставит вопрос о военной силе России и делает вывод, что Россия – это колосс на глиняных ногах: «Никакой серьезной армии или администрации не существует», – подчеркивает он и приводит в

качестве примера неслаженные действия русской администрации в годы Крымской войны. Набиравший силу панславизм он также оценивает скептично, подчеркивая, что «из России, из ее византийско-монгольского Кремля, хотели сделать святую из святых славянского мира». Саму идею панславизма он именует смешной: «Какая смешная идея – подчинить высшие племена этой великой расы (поляков, сербов, богемцев и т.д.), эти поэтические страны, овеянные в Европе такой славой, финно-татарскому племени, у которого славянская кровь (под монголами и немцами) отчаянно разбавлена!» По словам Мишле, все славянские народы, с которыми соприкасается Россия, становятся бесплодными и униженными. Он предостерегает, что то же самое произойдет с восточными народами, если Россия обратит свой взор на них. Русские мученики для него – это исключительно Герцен и Бакунин, и все его симпатии на стороне Польши: «Польша – это сердце Севера». Более того, Польша для Мишле – это Франция.

В этом же сборнике был опубликован цикл статей под названием «Мученики России». Для Мишле «мученики» – это не все русские, а только русские оппозиционеры, противники власти. В целом же Россия – это апофеоз смерти: «Политическая жизнь? Уничтожена. Литературная жизнь? Уничтожена».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МЕТАМОРФОЗЫ ЖЮЛЯ МИШЛЕ

Прошло десять лет после восстания в Польше. Для Франции ситуация кардинально изменилась. Франко-прусская (или, как ее сейчас называют, Франко-германская) война 1870–1871 годов окончилась поражением и национальным унижением Франции. Мощная

Жюль Мишле.
1870-е годы

Германская империя вновь запугивает Францию, и обессиленная Третья республика ищет помощи у... России.

А что же романик Жюль Мишле? Рациональный француз быстро перестроился. В своей «Истории XIX века», опубликованной в 1872–1875 годах, описывая Наполеоновские войны и Русскую кампанию Наполеона, он уже не позволяет себе пропагандистских выпадов. Здесь не встретишь слов о том, что русские – это не люди, а моллюски на дне морском, как и о том, что Россия – это холера и ложь.

Теперь в работе Мишле Россия предстает великой державой, достойной победить Наполеона, и именно Наполеон Бонапарт описывается как величайший лжец. И теперь уже даже крестьянская община – это не смерть, как Мишле писал о том в «Демократических легендах Севера». Крестьяне вовсе не ведут растительную жизнь, они желают освобождения, но только с землей; они следуют своим традициям, чтут своих святых. И Наполеону «оказалось делом крайне трудным вести французскую армию в стране не фанатично-го ханжества, как Испания, но сильно подчиненной местному кульгу».

Таковы они, метаморфозы французской души. Изменилась политическая конъюнктура, ухудшилось международное положение Франции, и страстный романтик и пропагандист Жюль Мишле, буквально на физиологическом уровне ненавидевший Россию и русских, превратился в уравновешенного, рационального и вполне объективного историка, «забывшего» о своих текстах 1850–1860-х годов.

В России книги Жюля Мишле активно издавались начиная с XIX столетия, а в 2022 году впервые на русском языке в шести томах было опубликовано полное комментированное издание его «Истории Французской революции».

Ж. Мишле.
История
Французской
революции
(Париж, 1879)

ПЕВЕЦ СИБИРСКОЙ ПРИРОДЫ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

БРАТЬЯ КАБАЛКИНЫ, ПОСТРОИВШИЕ В 1911 ГОДУ В ЦЕНТРЕ ОМСКА РОСКОШНЫЙ ДЕРЕВЯННЫЙ ОСОБНИК В СТИЛЕ МОДЕРН, РАЗУМЕЕТСЯ, НЕ ДОГАДЫВАЛИСЬ, ЧТО В КОНЦЕ ВЕКА В НЕМ РАЗМЕСТИТСЯ МУЗЕЙ РОВЕСНИКА ЭТОГО ДОМА – НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА РОССИИ ПАСТЕЛИСТА АЛЕКСЕЯ ЛИБЕРОВА, ЧЬИ КАРТИНЫ ХОЧЕТСЯ НАЗВАТЬ ПЕСНЕЙ О СИБИРИ...

«Л

УЧШЕ ВСЕГО получается, когда состояние природы и собственное душевное состояние перекликются и ты говоришь в своих работах так, как тебе хотелось бы, ты поешь собственную песню. Именно в этом я вижу смысл творчества, смысл своего искусства», – говорил Алексей Николаевич.

Алексей Либеров не уставал воссторгаться сибирской природой, перенося на полотна дремучие леса и березовые колки, величественные реки и бескрайние просторы. Он восторгался этими пейзажами. И в его работах этот восторг ощущается буквально физически.

Работы Алексея Либерова отличают тонкая гармония и уравновешенность. Искусствоведы порой сравнивают их с русской классической музыкой и говорят, что в каждой из них присутствует цветовая «взаимосвязь всех зон».

«Дело в том, что я не люблю безымянную природу. Мне всегда казалось, что у каждого дерева есть свой характер. Говорят, все деревья одинаковы – неправда, они все различны, каждое по-своему дышит. Если ветер колышет деревья, если плакучая береза качается своими плаку-

Красоту природы
маленькому Алеше открыл отец,
Николай Дмитриевич

чими ветвями – она по-другому совершенно это делает, чем, например, плакучая ива...» – объяснял мастер.

Пастелью Алексей Либеров работал в своей неповторимой манере, накладывая ее слоями, с росчерками, похожими на живописные мазки. И каждой своей картиной доказывал, что пастель есть «вид живописи». «У Алексея Николаевича работы будто маслом написаны. Другие пастелисты так не могут. Он из лишней пастели, которая опадала с листа, катал палочки и делал новую пастель – свою... Он очень много экспериментировал с пастелью, из-за чего с его картинами не любят работать реставраторы», – вспоминает известный омский художник Георгий Кичигин.

Именно пастель позволила художнику создавать особый, «либеровский колорит», построенный на мягких контрастах и неуловимых переходах тона. В его работах преобладают богатые на оттенки золотисто-охристые и жемчужно-серые тона.

ВЫБОР ПУТИ

Алексей Либеров родился в 1911 году в старинном сибирском городе Томске. Его отец, Николай Дмитриевич, был родом из города Галича Костромской губернии, из семьи потомственных священников. Но, окончив Казанскую духовную семинарию, Николай отказался от продолжения семейной династии. Он избрал стезю врача. Для этого ему пришлось уехать в Сибирь, где он поступил в Томский университет, ведь выпускников семинарий в то время принимали не все светские высшие учебные заведения. После университета Николай Дмитриевич занимался научными исследованиями, в качестве медика прошел Русско-японскую войну, работал в клинике при Томском университете. Его супруга, Антонина Ивановна, посвятила себя семье и воспитанию пятерых детей. Алексей был третьим ребенком в семье.

Большая семья Либеровых любила гулять по окрестным лесам, они собирали ягоды и грибы, летом в погожие дни устраивали пикники в самых красивых местах. «У отца была удивительная способность передавать детям свой восторг от красоты природы. Обычно приедут люди на пикник, посидят, поговорят, позагорают, и все... А отец мог взять меня за руку, повести и показать: «Смотри – это все дышит, все растет. Да

Жемчужно-серебристая
«Таежная весна»

Творческий
путь молодого
художника
определен
подарок матери –
коробочка
французской
пастели

как растет – ты погляди на эту траву, она же на этом месте совсем другая, чем рядом растет... Или посмотри, говорит, как это дерево подбоченилось – прямо человек», – вспоминал позже художник.

Способности к рисованию у мальчика проявились рано. Родители поощряли его увлечение. Алексей поступил учеником в художественную студию мастера акварели Вадима Мизерова, которого именовали «томским Чистяковым» (П.П. Чистяков – известный русский живописец и педагог, преподаватель Императорской Академии художеств. – Прим. ред.). В 1926 году семья Либеровых переезжает в Омск: отец семейства стал профессором Омского медицинского института на кафедре пропедевтики внутренних болезней – в 1944 году кафедре было присвоено его имя.

В Омске Алексей Либеров берет уроки у «самого революционного» и «самого левого художника азиатской России», организатора группы «Червонная тройка» и общества «Новая Сибирь» Виктора Уфимцева. И рисует афиши в студии «Союз-кино». Кинематограф настолько захватил молодого художника, что в 1931 году он подал документы во ВГИК на операторский факультет: «Время учебы в институте кино было очень интересным. Я увлекался революционным искусством, любил Маяковского, встречался с Мейерхольдом...»

Но тяга к живописи все же оказалась сильнее. Кинематографистом Алексей Либеров не стал. Через два года он поступил в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры Академии художеств СССР. Позже Алексей Николаевич говорил, что «ему везло на учителей»: сначала его наставником в институте был Алексей Еремеевич Карев – художник, немало сделавший для формирования ленинградской пейзажной школы. Затем его сменил Александр Иванович Савинов – живописец, прозванный «умиротворенным Врубелем».

«В академии в Ленинграде я всегда скучал по Сибирскому краю. Мне учителя говорили: что ж ты пишешь, в твоих пейзажах нет пленэрности... Ну вот посмотри: дом стоит, посмотри, какая голубая дымка там есть, а у тебя ее почему-то нет... А я отвечал, что у нас в Сибири никакой дымки нет, воздух прозрачный», – вспоминал Алексей Николаевич.

Для дипломной работы Либеров, конечно, выбрал пейзаж: «Никто из профессоров не одобрял мой выбор. По их мнению, из академии надо было выходить с тематической картиной. Только она могла бы заявить о художнике и обеспечить будущее в русле официального, регламентируемого государством искусства... Успеха дипломной картиной «Родина» я не имел...» Тем не менее его пригласили преподавать живопись в детской художественной школе при Институте имени Репина Академии художеств СССР.

ХУДОЖНИК НА ВОЙНЕ

В 1939 году Алексей Либеров был призван в Красную армию рядовым 120-го полка 69-й стрелковой дивизии. Его направили на Советско-финскую войну (1939–1940), но к тому времени, когда художник прибыл на линию Маннергейма, основные боевые действия там закончились. Тогда новобранцев отправили на Дальний Восток, где после конфликта на озере Хасан сложилась напряженная ситуация. Пока войсковые подразделения ехали через всю страну, положение успело стабилизироваться, потому два года службы под Благовещенском выдались для Алексея спокойными. Рядовой Либеров даже успевал в свободное время заниматься живописью и разводить гигантские японские пионы.

Когда грянула Великая Отечественная, дивизия, в которой служил художник, была переброшена на запад. Боевое крещение Алексей Либеров получил в районе города Белый на Смоленщине: «Помню, как на-

Портрет воина
в зимнем
маскхалате
Алексей Либеров
рисовал углем
в 1942 году
в перерывах
между боями

чался для нас фронт. Наши машины выехали из-за леса, а на встречу немцы! Мы не знали, где они, а немцы не знали, где мы. И оказались буквально в двадцати метрах друг от друга. И такая началась свалка, такой кошмар! И немцы были ошара-

шены, стали убегать, но потом опомнились, и нам пришлось очень тяжело». 107-я мотострелковая дивизия, отбивая контратаки противника, сумела сковать немецкие элитные моторизованные части. В октябре 1941-го дивизии пришлось прорываться из окружения: «...Отступая, шли через непроходимые и дремучие леса, как в Сибири. У нас в семье про такие леса говорили «шишковские». На войне особенно остро ощущаешь красоту природы, и это восприятие идет через контрасты... Только что прошли лесными тропами среди могучих, казалось, вековых деревьев, среди высоких пахучих трав, ярких цветов, и вдруг на десятки километров – израненный лес, наполовину срубленный. Это трудно даже представить. Бомбы срезали верхушки деревьев, и высотой четыре-пять метров, как телеграфные столбы, стояли пни...» Осенью 1941 года за массовый героизм 107-й стрелковой дивизии было присвоено почетное звание «гвардейская». Даже на фронте Либеров не расставался с карандашом и блокнотом: «При мне всегда был плоский ящик, к которому я

Бой
в городе.
Этот
рисунок был
в альбоме,
который
пришлось
выбросить

приспособил оружейный ремень, в нем были наброски по горячим следам войны... Ратные эпизоды, мужество однополчан, лица живых и павших воинов, развороченные разрывами окопы... Использовал для зарисовки каждую свободную минуту».

О войне Алексей Николаевич вспоминал неохотно. Но фронтовые рисунки очень ценил: «Фронтовой альбом – это записная книжка писателя, где каждый штрих, взятый с натуры, в рисунках, портретах сохранил для меня яркие впечатления, полученные на дорогах войны. Эти рисунки интересны именно как мысли о событиях, когда фронтовой эскиз становился для меня пространством и временем, а для потомков, надеюсь, это будет документом». Многие из этих набросков потом легли в основу картин «Танковый десант», «Взяли языка», «По следам немецких оккупантов», «Гвардейское знамя», «Это было под Копыловом»...

Художник очень сожалел об альбоме, который однажды пришлось бросить: «Был у меня альбом, я с ним не расставался, он постоянно болтался у меня за спиной. Однажды пришлось ползти, был прицельный огонь, и командир приказал бросить «шарманку». Пришлось отцепить альбом. Часто я его потом вспоминал». Впрочем, некоторые потерянные рисунки Алексей Николаевич сумел восстановить по памяти.

ЛИРИК, ПЕДАГОГ, ФОТОГРАФ И ОХОТНИК

Война для Алексея Либерова закончилась в 1942 году, когда он получил тяжелое ранение под Ржевом. После лечения художник вернулся в Омск. В 1943 году он был принят в Союз художников СССР. А еще через год Либеров устроил свою первую выставку фронтовых рисунков и ездил с ней по госпиталям.

Первые послевоенные годы Алексей Николаевич писал пейзажи, создавал портреты своих современников, трудился над многофигурными батальными

полотнами. Но вскоре он ощутил необходимость перейти от «рассказа к образу». К тому же в это время случилось событие, определившее его дальнейший творческий путь: «Начинал я писать масляными красками. Этому учили меня в академии. Но однажды, это было еще в конце 1940-х годов, я получил в подарок от матери заветную коробку французской пастели и стал пробовать».

В романтических, историко-эпических, повествовательно-сдержанных пейзажах художник всегда помнил о главном –

Гвардии рядовой 107-го красно- знаменного стрелкового полка Алексей Либеров.
1943 год

Супруга художника, Александра Либерова – искусствовед и педагог

человеку необходима красота. И неважно, что изображено на полотне – старый Тобольск, брезовое кружево или нефтяные вышки. Его частые путешествия по Сибири чередовались с зарубежными поездками, после которых появлялись серии работ (например, «По Венгрии», «Испания»), рассказывающие о характере каждой страны и ее природе. Но самой красивой он по-прежнему считал Сибирь.

Сразу после возвращения с фронта Алексей Николаевич собрал ребят, живших в одном с ним доме, и устроил любительскую изостудию. Затем преподавал рисование в Омской городской студии. Именно там он познакомился со своей будущей супругой, Александрой Долгих. «Он меня первый раз увидел, когда к нему в студию меня за ручку привели учительница моя – я десятый класс оканчивала – и мать моей подруги. Как воспринял мои работы Алексей Николаевич, я не знаю. Наверное, не с восторгом, потому что он в них все время что-то правил – это мне не нравилось! Но мне он нравился как художник – когда он рисовал. Потом я уехала в Ленинград, поступила в университет... В 1949 году мы встретились снова. Я работала в музее, водила экскурсии. И тогда, как рассказывал потом Алексей Николаевич, он увидел меня по-новому. И решил, что это – его судьба», – вспомнила Александра Ивановна.

Именно Алексею Либерову Омск обязан тем, что в 1960 году в педагогическом институте появился художественно-графический факультет. Либеров воспитал целую плеяду очень разных и интересных художников.

Алексей Николаевич говорил: «Мое любимое дело – искусство, и все мои стремления в нем!» Да, кинооператором он не стал, но любовь к фотографии сохранил на всю жизнь. Он держал борзых и увлекался охотой. А еще любил собирать грибы. И даже в почтенном возрасте подолгу катался на коньках на катке.

ДОМ МЕЧТЫ, СТАВШИЙ МУЗЕЕМ

Имя Алексея Либерова вошло в историю еще при жизни художника. В 1994 году в Омске был создан Государственный областной художественный музей «Либеров-центр». Здание для него Алексей Николаевич, выросший в городе, знаменитом деревянным зодчеством, выбирал сам.

В архитектуре этого особняка соединились элементы европейского средневекового и древнерусского деревянного зодчества. Двухэтажный дом, асимметричной формы, с окнами разного размера, был спроектирован «изнутри наружу», исходя из характерного для эпохи модерна принципа удобства внутренних помещений.

Изначально он принадлежал большой семье Кабалкиных. Александр, выпускник юрфака Казанского университета, был присяжным поверенным. Абрам – адвокатом и гласным городской думы. Иосиф работал главным инженером пороховых

Живописный особняк Кабалкиных, похоже, напоминал художнику родной Томск

складов. Их сестра Сара была дантистом, а двоюродный брат Николай – врачом. Через парадную дверь жильцы и гости попадали в переднюю. Из нее можно было пройти в гостиную и кабинеты, где Александр, Николай и Сара вели частную практику. Гостиная соединялась со столовой, имевшей выход на террасу с видом на реку Омь. На второй этаж вела широкая лестница из серого мра-

мора, символизирующая бесконечное течение воды как вечное движение жизни. Наверху располагались спальни хозяев и детская, пространство которой увеличивает эркер.

По меркам того времени особняк был оснащен по последнему слову техники: в нем были водопровод, канализация и даже телефон. В каждой комнате стояли чугунные батареи с рельефным расти-

Мраморная лестница – символ бесконечного течения воды, вечного движения жизни

тельным узором. Усадьбу окружала кованая ограда, к воротам вела аллея, обсаженная яблонями. Не дом, а мечта! Но прожить в нем Кабалкиным удалось недолго: в 1919 году, после падения Белой столицы, хозяева покинули свой роскошный особняк. Александр Кабалкин с семьей эмигрировал в Харбин, где скончался в 1952 году. Иосиф тоже покинул родной город, но в дороге заболел тифом и умер. Как в первые годы советской власти уцелело семейство бывшего гласного поверенного городской думы, неизвестно. Но по документам с 1919 по 1922 год Абрам Кабалкин числился сотрудником отдела юстиции Губревкома. Он стал рядовым советским гражданином – как и его сестра Сара и двоюродный брат.

С февраля 1920-го до лета 1921 года в роскошном доме располагался полномочный представитель ВЧК по Сибири Иван Павловский.

А потом живописный особняк почти на полвека стал «Вмести-

лищем муз». В 1931 году в Омск приехал новый художественный руководитель театра драмы Владимир Торский. А с ним – множество актеров, для размещения которых отвели несколько домов, в том числе и особняк по улице Думской. «...На улице 10-летия Октября, на задах краснокирпичного старосибирского здания, приютившего публичную библиотеку, чернело двухэтажное строение – это было священное для омских театралов место, ибо здесь, в плотно засе-

Постоянная экспозиция посвящена жизни и творчеству Алексея Либерова

Алексей Либеров с московским художником Александром Быховским, который был в Омске в эвакуации

ленном общежитии, жили ведущие актеры Омской драмы, которых публика нередко провожала домой после спектаклей», – вспоминал театральный критик Виктор Калиш.

Особняк превратился в коммуналку: отгородили комнаты-клетушки – по одной на семью. Парадный вход закрыли. Исчезли многие элементы интерьера. Но дом заполняла теплая творческая атмосфера.

Постепенно все жители актерского общежития получили отдельные квартиры, и в 1980-е годы здание передали профсоюзам для размещения Дома народного творчества. А потом особняк стал музеем, где после капитального ремонта началась совсем иная жизнь...

Музей начинался не с фондов, а с имени. Целью его создания было не только формирование художественной коллекции, но и организация при музее студии для одаренных детей. И сейчас здесь талантливых ребят обучают изобразительному

В университетской роще. Из цикла «Воспоминания о Томске»

и театральному искусству, игре на музыкальных инструментах, проводят музейные праздники, ездят на летние пленэры в разные города. И каждый год проходит Международный детско-юношеский фестиваль искусств «Либеровская весна».

Постоянная экспозиция музея посвящена жизни и творчеству Алексея Либерова. Здесь представлена его биография в фотографиях. А также произведения разных лет. Самое раннее из них, «Портрет матери», датировано 1944 годом, самое позднее, «Дождь в парке», – 1996-м. Всего за семьдесят лет художник создал более 3 тысяч работ.

Художественный раздел дополняют редкие фотографии, сделанные Алексеем Николаевичем, и коллекция его раритетных фотоаппаратов.

В залах музея регулярно проходят выставки художников Омска и Сибирского региона, отличающиеся особой камерностью. А в

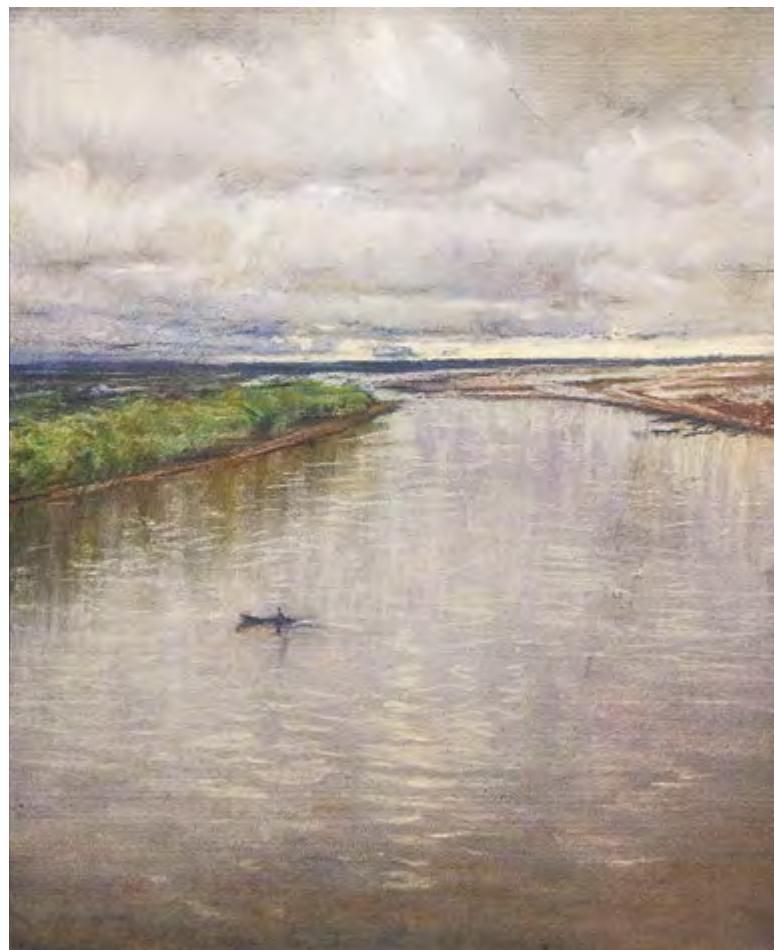

Дорога в тайге.
Вертикос.
Картина кажется написанной маслом, но это пастель

год столетия со дня рождения народного художника России Алексея Либерова здесь открылась I Всероссийская художественная выставка «Пастель России». И ныне Омск заслуженно имеют «столицей пастели».

ЗАГАДКИ СТАРИННОГО ОСОБНИКА

Как и подобает старому дому, особняк, ставший музеем, хранит много загадок. Здесь даже клады находили: во время одного из ремонтов обнаружили

Васюган.
Олицетворение
тишины и покоя

Удивительно светлая
«Дорога в непогоду»

столовое серебро и завернутую в тряпку банку с золотыми часами и украшениями. А в 2021 году в музее открылась выставка «Чердачные находки». Ведь на чердаке обнаружилось множество раритетов. Например, печатная машинка «Башкирия-7», выпущенная на уфимском заводе. Под самой крышей она пролежала не один десяток лет, но после небольшого ремонта на ней вполне можно будет печатать.

«Еще мы нашли архив артиста омской драмы Николая Ильича Слесарева – документы 1950-х годов, текст роли с карандашными пометками. Помните в фильме «Место встречи изменить нельзя» соседа убитой Липатникова, который не увлекался футболом? Так вот его играл Николай Ильич. Он много характерных ролей сыграл, но в основном на театральной сцене», – поясняет главный идеолог чердачных «раскопок», хранитель музея Сергей Руденко. «У нас батарея замечательная. Вам не показывали? Пойдем, –

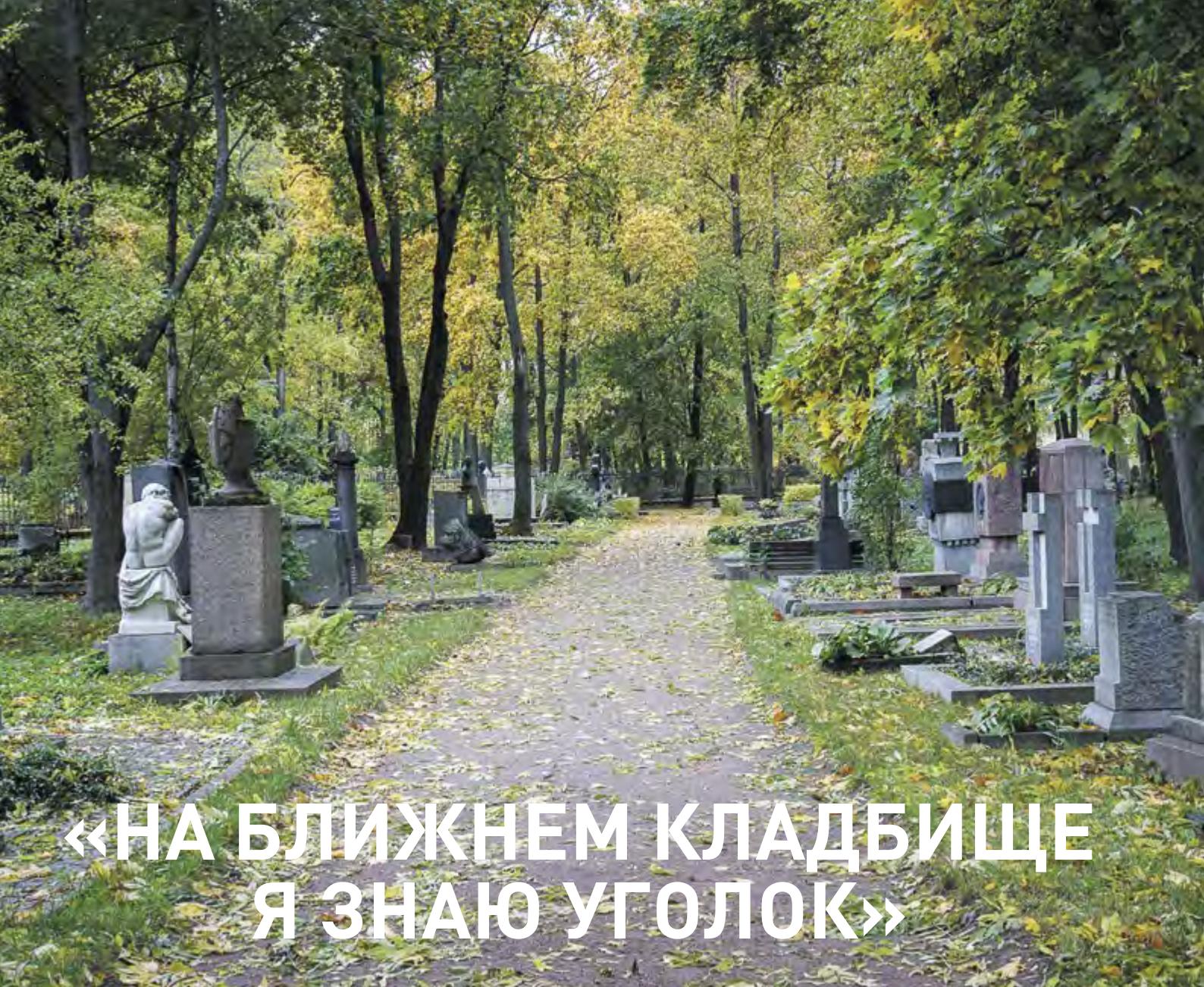

Сергей Руденко
рассказывает
о тайнах
старинного
особняка

приглашает методист научно-просветительского отдела музея Мадина Насковец. – Она рабочая, мы ею гордимся, всем показываем. Каким образом она уцелела во время ремонта – неизвестно». Изящная узорная секция – единственный фрагмент, сохранившийся от батарей, которые были изначально установлены в особняке. Все остальные были утрачены во время капитального ремонта. Но кто же все-таки построил этот особняк? Сейчас музейщики склоняются к мнению, что автором проекта был известный красноярский архитектор Леонид Чернышев. Выпускник архитектурного отделения Московского училища живописи, ваяния и зодчества и Художественного училища при Петербургской академии художеств, Чернышев был главным архитектором проходившей в Омске в 1911 году грандиозной Западно-Сибирской выставки. Правда, эскиза особняка Кабалкиных в фондах красноярского музея, куда после смерти архитектора передали все его имущество, нет. Впрочем, тому есть логичное объяснение. Наследие Чернышева поступило в музей сразу после его смерти в 1932 году. В то время на модерн смотрели скептически, потому многое было утеряно, возможно, и эскиз этого удивительного дома..

А творчество Алексея Либерова теперь изучают и в школе: на странице учебника «Изобразительное искусство» среди полотен Левитана и Саврасова помещена репродукция картины Либерова «Васюганские просторы». ■

«НА БЛИЖНЕМ КЛАДБИЩЕ Я ЗНАЮ УГОЛОК»

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ВОЛКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ПЕТЕРБУРГЕ ВОЗНИКЛО КАК НЕБОЛЬШОЙ ДЕРЕВЕНСКИЙ ПОГОСТ ДЛЯ ЗАХОРОНЕНИЯ БЕДНЯКОВ. А ЗАТЕМ ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ ЗДЕСЬ НАШЛИ МНОГИЕ ВИДНЫЕ ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРИТИКИ. И ТЕПЕРЬ ЗДЕСЬ МУЗЕЙ-НЕКРОПОЛЬ «ЛИТЕРАТОРСКИЕ МОСТКИ». КАК ЖЕ ТАК ВЫШЛО?

КОНЕЧНО, В ИДЕЙ-ном смысле все понятно: в смерти все равны, а уж русских художников, всегда сочувствующих угнетенным и слабым, и вовсе соседство с простым народом не должно смущать. Но погребениями все же ведают живые, и часто совсем не философски настроенные граждане. Неужто в дело вмешались высшие силы? Кладбище при деревне Волково было устроено еще в 1756 году

на месте старого погоста при церкви Иоанна Предтечи в Ямской слободе. Хоронили здесь городскую нищету – как придется, без порядка, часто без должных обрядов, за погребениями не следили. Место было сырое, могилы затапливали разливавшейся речкой Волковкой. Слава у кладбища была дурная, попасть сюда никому не хотелось. А потом здесь похоронили Александра Радищева. С него все и началось.

«ПЕРВОПРОХОДЦЫ»

Автор знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» родился в очень богатой и знатной семье, но привилегиями, данными ему при рождении, он распорядился весьма легко-мысленно. Такова уж была его пламенная натура: чем шире открывались для него возможности к блестящей и беззаботной жизни, тем явственнее обнажались перед ним все несовершенства и несправедливости жиз-

ни. Во время учебы в Лейпциге он лишь заразился модными идеями европейских просветителей – о естественных правах, общественном договоре, политической свободе. Из службы в Сенате он вынес лишь то, как ужасно российское правосудие, как трепетно оно по отношению к самым отъявленным мерзавцам, если они занимают высокое положение, и как безжалостно к задавленным и неимущим. Во что вылились эти впечатления Александра Николаевича известно: он написал свой легендарный труд, в котором с гневом обрушился на жестоких помещиков, глупых чиновников, призвал к отмене крепостного права и экономическим реформам. Это и для XIX века было слишком дерзко, а уж в конце XVIII выглядело чистейшим сумасбродством. В общем, вернувшись в Петербург из илимской ссылки и восстановившись в правах Радищев смог лишь при Павле I. При Александре I ему даже доверили работу над конституционным проектом. Вот только писатель не понял, что особого усердия на этом поприще от него никто не ждал, и вновь пустился во все тяжкие: заговорил о свободе печати, отмене дворянских привилегий. Его окоротили. И Ради-

щев то ли умышленно, то ли по неосторожности в приступе отчаяния выпил яд. Поползли разные слухи. Семья писателя не защитила: дети были еще недостаточно взрослые, с отцом философ еще раньше рассорился. В общем, Радищев странно жил и странно умер. И было реши-

Первым посетителей Литераторских мостков встречает храм Воскресения Словущего

тельно непонятно, как поступить с ним после смерти. Вот и похоронили философа от греха подальше на окраине столицы, где находили пристанище лишь безвестные бедняки. Подумали, видно, что место, неприбранное и топкое, поглотит и «некошрошую» славу, время поможет. Просчитались. Как там? Не место красит человека? Похороны писателя в сентябре 1802 года открыли новую страницу в истории Волковского кладбища. На могилу Радищева стали приходить люди, с каждым годом все больше и больше – в основном представители зарождающейся русской интеллигенции. Они приносили цветы, произносили пыльные речи и в конце концов образовали здесь что-то вроде кружка.

Может быть, со временем народная тропа и заросла бы. Но в январе 1831 года на Волковском кладбище похоронили поэта Антона Дельвига – из-за плохого материального положения вдова литератора не могла похоронить его, как планировалось, в Александро-Невской лавре. А в 1848-м здесь появилась могила Виссариона Белинского. И если Дельвига в 1934 году все же перезахоронили на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры, то Белинский покоятся на берегу Волковки до сих пор. Последний путь критика либерального толка оказался печальным. Попрощаться с неистовым Виссарионом пришли человек двадцать. Последние годы Белинский сильно болел, истратил на лечение последние деньги, влез в долги – хоронить семье его было не на что. Друзей, желающих помочь, тоже не оказалось: большой классик под конец жизни успел разойтись со многими товарищами по литературному цеху. «Это были литературные похороны, не почтенные,

«Роскошней тень от лип,
склонившихся в кружок, и звонче
пенье птиц над старыми крестами», –
написал когда-то один из
обитателей Волковского кладбища,
Семен Надсон

Писатели, ученые,
революционеры –
кто только не обрел
покой на берегу реки
Волковки

впрочем, ни одной литературной и ученой знаменитостью, – вспоминал Иван Панаев. – Даже ни одна редакция журнала (за исключением редакции «Отечественных записок» и только что возникшего «Современника») не сочла необходимым отдать последний долг своему собрату, который честно всю жизнь отстаивал независимость слова и мысли, всю жизнь энергически боролся с невежеством и ложью. Из числа двадцати, провожавших этот гроб, собственно литераторов было, может быть, не более пяти-шести человек, – остальные принадлежали к людям простым, не пользовавшимся никакою известностью, но близким покойному».

Но стоило ветру истории подуть в другую, вольную сторону, замаячили после смерти Николая I политические и экономические реформы, и наследие Белинского вдруг пришлось ко двору. Через десять лет после смерти критика его статьи стали издавать отдельными сборниками, о нем заговорили с одобрением некогда консервативные профессора, теплые воспоминания о нем начали публиковать даже в тех изданиях, где раньше его разносili в пух и прах. Потянулся народ и к его забытой

Писарев
«расположился»
прямо напротив
Белинского
и Добролюбова

могиле. Там появился памятный обелиск, цветы. А вскоре и новый сосед.

В ноябре 1861 года рядом с Белинским похоронили другого известного критика – Николая Добролюбова. Похороны эти были уже куда более пышными и многолюдными, чем проща-

ние с его предшественником. Еще бы! «Луч света» погас. Это сегодня школа нас этим «лучом» так просканировала вдоль и поперек, что глаз дергается, и хочется уже куда-нибудь отползти, хоть бы и в самый дальний угол какого-нибудь темного царства. А в XIX веке критика Добролюбова была прорывом, вызовом и бунтом. Речь на похоронах Добролюбова держал Чернышевский. По воспоминаниям, он рыдал, был вне себя. «Какого человека мы потеряли, ведь это был талант, – говорил автор «Что делать?». – А в каких молодых летах он кончил свою деятельность, ведь ему было всего двадцать шесть лет, в это время другие только учиться начинают... Добролюбов умер от того, что был слишком честен».

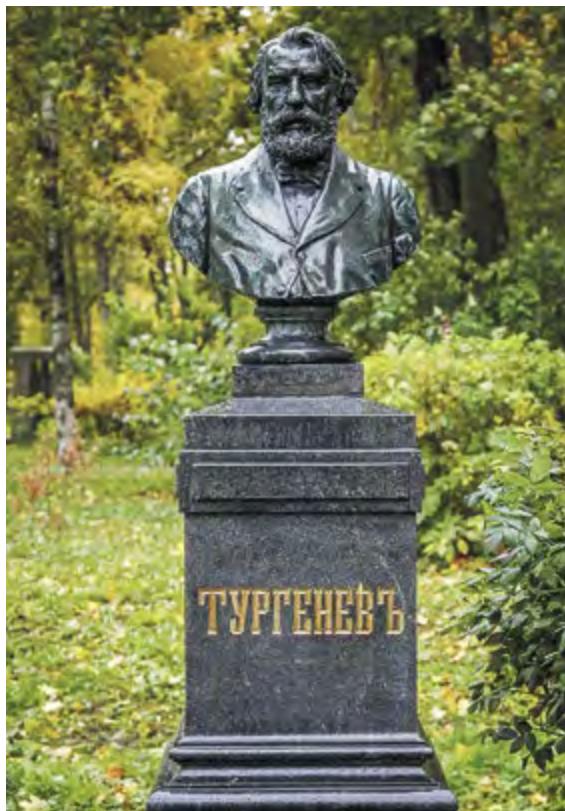
Могилы Белинского и Добролюбова огородили одной оградкой, благоустроили территорию вокруг, сделали новый настил из досок – негоже ведь навещающим почивших классиков ходить по болотной грязи. Дорожку, ведущую к могилам критиков с Расстанной улицы, назвали Литераторскими мостками. Место превратилось в своего рода продолжение салонов либерального, нигилистического направления.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САЛОН ПОД ОТКРЫТИМ НЕБОМ

В 1868 году в непосредственной близости от погребения Белинского и Добролюбова появилась могила еще одного видного критика своего времени – Дмитрия Писарева. Интересно, что дерзкого индивидуалиста похоронили не рядом с коллегами, а на другой стороне дорожки, прямо напротив могилы Добролюбова. При жизни критики спорили друг с другом – не поделили женщину: сражались за право считать свое представление о Катерине из «Грозы» самым истинным – то ли она революционерка, восставшая против угнетения, то ли она истеричка, не отдающая отчета своим действиям. Расположились в оппозиции и после смерти.

Похороны Писарева тоже были многолюдными. Однако не очень понятно, кого было больше: поклонников его творчества или агентов Третьего отделения. Сотрудники политической полиции оставили, кажется, не меньше воспоминаний о печальном событии, чем коллеги-литераторы. Один с неудовольствием отмечал, что гроб с критиком больше напоминал пирамиду из цветов, другой заметил, что похоронили мятежного критика рядом с могилой известно-

го нигилиста Ножина, умершего во время следствия по делу о покушении Дмитрия Каракозова на императора Александра II. Следующее громкое событие на Литераторских мостках случилось в 1883 году, когда скончался Иван Тургенев. Умер писатель в Париже, прощание с ним началось еще во Франции.

Тургенев хотел быть похороненным рядом с могилой Пушкина, но не чувствовал себя достойным этой чести

Николай Добролюбов буквально сгорел от чахотки, не дожив до 26 лет

Проститься с русским классиком пришли Эдмонд Абу, Жюль Симон, Эмиль Золя, композитор Массне, хорошо известный в Петербурге актер Дьедонэ, с прощальной речью выступил известный историк религии Жозеф Ренан. А сколькие увидеть классика в последний раз так и не смогли! Ведь на Парижский вокзал, с которого гроб с телом Тургенева отправляли в Россию, можно было попасть только по пропускам.

В России прощания с писателем ждали так сильно, что это напугало власть. Полиция опасалась провокаций. Губернаторам и градоначальникам, по чьим территориям должен был пройти поезд с гробом писателя, предписали не допустить панихид на станциях. Друг Тургенева и редактор «Вестника Европы» Михаил Стасюлевич негодовал: «Как будто не тело великого русского писателя везут, а Соловья-разбойника!» Петербургский градоначальник Петр Грессер и вовсе потребовал согласовать с ним все речи, из де-

Блок не хотел пышных надгробий – на Смоленском кладбище ему был установлен простой деревянный крест. Когда прах перенесли на Литераторские мостки, то здесь появилась строгая черная стела

«Пусть арфа сломана – аккорд еще рыдает!..» – писал Надсон в 1886 году, незадолго до своей смерти

сиятка вариантов он утвердил только три. Вместе с отдельными речами был забракован также один венок, окаймленный символически разорванной цепью. Его прислал князь Бебутов от Тифлисской городской думы. Кроме того, в столице заранее подготовили целые отряды агентов для участия в процессии, а полиция оцепила Волковское кладбище.

Вопреки опасениям властей нарушить установленный порядок никто не рискнул. И это притом, что проводить Тургенева прибыли 176 делегаций от разных творческих обществ и земств, а сама процесия растянулась на несколько верст. Юрист Анатолий Кони увидел в этом силу и мудрость провожающих: «Прием гроба в Петербурге и следование его на Волково кладбище представляло необычное зрелище по своей красоте, величавому характеру и полнейшему и единодушному соблюдению порядка». А вот сестра Ленина, Анна Ульянова, объяснила это «единодущие» отчаянием и страхом: «Вся погребальная процесия была ската тесным кольцом казаков. На всем лежал отпечаток угрюности и подавленности. Ведь опускался в землю прах неодобряемого правительством «неблагонадежного» писа-

Дмитрий Григорович обещал Тургеневу встречу после смерти и слово свое сдержал – его могила находится неподалеку

теля. <...> На кладбище пропускали немногих, и мы не попали в их число. Потом попавшие рассказывали, какое тяжелое настроение царило там, как наводнено было кладбище полицейскими, перед которыми должны были говорить немногие выступавшие». К слову,

о речах перед полицейскими. Известно, что Дмитрий Григорович выступил со своим заранее одобренным текстом так и не смог – расплакался. Свое прощание он завершил словами: «До скорого свидания, дорогой, незабвенный друг».

Да, Григоровича впоследствии похоронили там же – на Литераторских мостках. Но прежде последнее пристанище здесь нашли писатель-народник Федор Решетников, несчастный Всеволод Гаршин, язвительный Салтыков-Щедрин, затравленный реакционной критикой Семен Надсон. А позже к собратьям по перу присоединились всем, казалось бы, чужой Николай Лесков, грустный и строгий Глеб Успенский и другие. Много-много других.

Впрочем, хоронили здесь не только литераторов, но и ученых. В конце XIX века в северной части Волковского кладбища появились могилы биолога, этнографа и путешественника Николая Миклухо-Маклая, историка Николая Костомарова. А в 1907 году десятитысячная процесия проследовала по Расстанной улице, прощаясь с Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Еще позже тут обрели покой известный во всем мире физиолог Иван Павлов и прославленный физик Александр Попов.

Салтыков-Щедрин на гостей смотрит строго, внимательно

Гончаров перебрался к коллегам на Литераторские мостки с Никольского кладбища Александро-Невской лавры

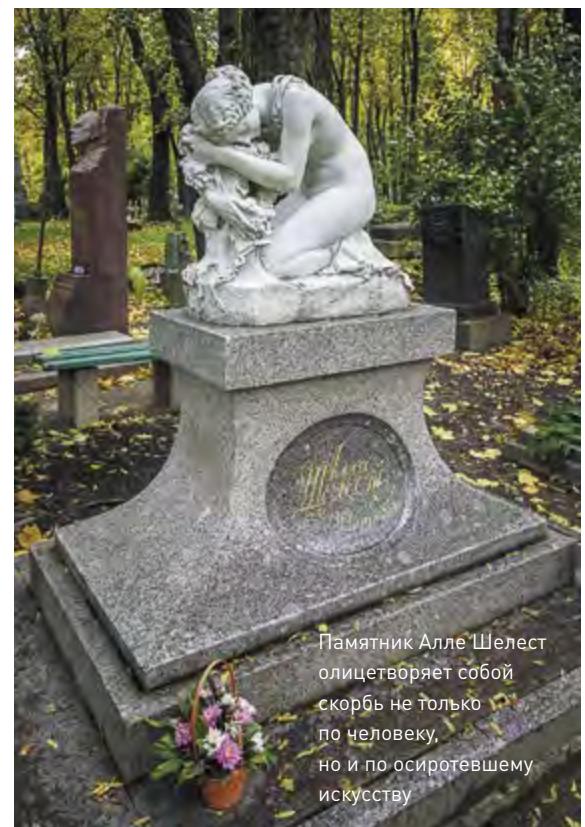
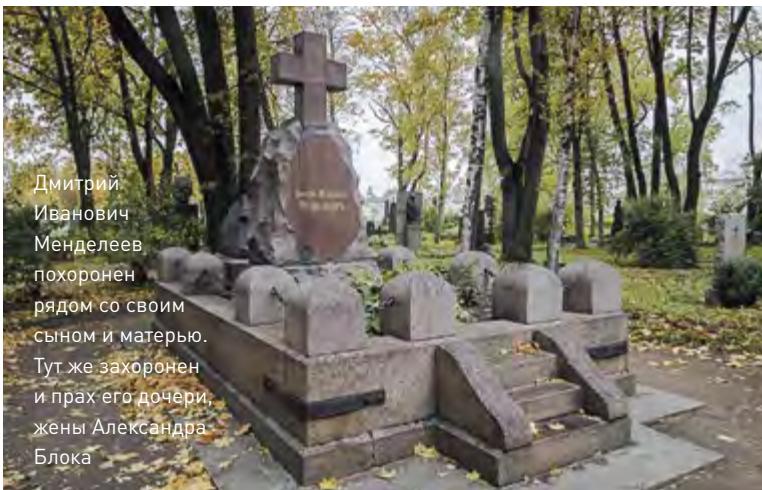
МУЗЕЙ

В начале XX века Литераторские мостки перестали быть местом силы для революционно настроенной молодежи – политика ушла на улицы и фабрики. А кладбище стало тем, чем ему и пристало быть – островком покоя и печальной красоты, местом, куда можно прийти, вырвавшись из сути настоящего, чтобы почтить память ушедших, подумать о прошлом и будущем, задуматься наконец о вечности и той силе, которая приводит в движение наш грешный мир. Политическую значимость кладбищу постарались вернуть уже после революции. В 1935 году здесь была похоронена Анна Ульянова – рядом с матерью, сестрой и мужем. В том же году

Литераторские мостки стали частью Государственного музея городской скульптуры. Главными «экспонатами» были признаны, естественно, стелы с барельефами на месте погребения членов семьи Ленина. В 1951–1952 годах стелы заменили на мемориальный комплекс, который посетители некрополя видят и сегодня. В центре скульптурной композиции – фигура матери, прижимающей к груди письмо – знак неразрывной связи с детьми, томящимися в тюрьмах и ссылках. С открытием музея расширилась и «экспозиция». В конце 1930-х – начале 1940-х годов сюда были перенесены могилы известных деятелей искусства и науки с других кладбищ. Так, на Литераторские мостки «пере-

ехали» Иван Гончаров, Николай Помяловский, Александр Блок. Причем могила Блока вообще раздвоилась.

Перенести прах поэта на Литераторские мостки задумали в 1941 году, но война и блокада этому помешали. Через три года захоронение Блока и его родных на Смоленском кладбище являло совсем печальное

Памятник Алле Шелест олицетворяет собой скорбь не только по человеку, но и по осиротевшему искусству

Лирику настоящего поэта не может заглушить ни время, ни война

зрелище, но оно все-таки сохранилось – кто-то за ним по мере сил ухаживал. Основатель музея-некрополя «Литераторские мостки» Николай Успенский вспоминал: «Во время блокады с захоронения исчез крест, развалилась от ветхости деревянная скамейка, провалился и самый холм, и ко дню переноса останков мы застали на могиле Блока почти ровное место с едва взрыхленным земляным холмиком, украшенным как-то неведомой заботливой рукой длинными осенними ветками и опавшими листьями того же у подножия могилы растущего клена. Между листьями виднелась воткнутая в землю узкая железка с грубо написанной надписью «Блок».

Лишать поэта привычной могилы казалось неправильным, но эту часть Смоленского кладбища власти решили сровнять с землей. Из прежней могилы извлекли только череп Блока, который был положен на Волковском кладбище в чужую могилу – на месте семейного захоронения барона Швахтейма. Здесь Александру Блоку установили скромный черный обелиск. Хоть тут учли его завещание – не делать ему пышных надгробий. Но вообще, конечно, все это было странным, идея переноса могилы пред-

Актерская
дорожка
на кладбище
тоже довольно
протяженная

Искусство вечно.
Балерина
лишь присела
отдохнуть

ставлялась бессмысленной, кощунственной, и потому многие люди продолжали приходить почтить память любимого поэта на Смоленское кладбище. В 1970-х здесь появился новый памятник. Теперь поклониться Блоку приходят на обе могилы. Да, создание музея было непростым, но все же официальное придание некрополю особого

статуса стало благом. Любое кладбище нуждается в уходе и защите, а то, на котором покоятся столь много выдающихся деятелей искусства и науки, – в особенности. А еще кладбище – вечное царство мертвых – должно жить.

Широкая дорожка литераторов со временем разветвилась на много других. Свои «мостки» появились у музыкантов, актеров, артистов. Петербуржцы приходят сюда положить цветы не только на могилы любимых писателей, но и на могилу композитора Василия Соловьева-Седого, известного своими песнями военного времени. Приходят и к дирижеру Карлу Элиасбергу, под чьим управлением в августе 1942 года в блокадном городе была исполнена Ленинградская симфония Дмитрия Шостаковича. На актерскую дорожку сворачивают посетители, чтобы навестить Ефима Копеляна, Василия Меркурьева, Евгения Лебедева, Юрия и Андрея Толубеевых. Здесь же похоронен основатель Театра юного зрителя Александр Брянцев. В 2012 году тут простились с народным артистом РСФСР Анатолием Равиковичем – Карлсоном и Санчо Пансой, Мармеладовым и Хоботовым. На Волковском кладбище представлены многие из искусств.

Среди писателей, музыкантов и ученых покоятся и создатель Ленинградского ТЮЗа Александр Борячев

Но еще здесь рождается новое. Речь, конечно, о скульптуре. На территории музея находится более 500 надгробных памятников, представляющих историческую и художественную ценность.

Одним из символов некрополя является памятник балерине Алле Шелест, выступавшей на сцене Государственного академического театра оперы и балета им. С.М. Кирова. Мраморная скульптура была создана Анатолием Дёмой по мотивам хореографического цикла миниатюр Леонида Якобсона «Роден». По сути, в женской фигуре раскрывается образ античной музы. Мраморная богиня в окружении крестов и надгробий, конечно, печальна и безутешна, но так красива и молода, что невозможно не думать о вечном возрождении искусства. А вот балерина Агриппина Ваганова запечатлена в камне как будто в один из тысячи моментов жизни: она сидит в минуту отдыха, задумчивая и сосредоточенная. Одета балерина в репетиционный костюм, в руках у нее ее собственная книга «Основы классического танца»...

На Литераторских мостках много скульптур, запечатлевших память о войне. Так, памятником уже упомянутому Василию Соловьеву-Седому служит брон-

зовая лира, накрытая плащпалаткой. Это послание нам, потомкам, убеждение, что искусство переживает любые исторические катастрофы.

А композиция «Парящая Ника» несет в себе идею справедливости, неотвратимости победы добра. Изначально скульптура предназначалась для монумента «Защитникам Ленинграда» на

Могила «основателя» Литераторских мостков Александра Радищева утеряна, но в память о писателе на кладбище установлен кенотаф

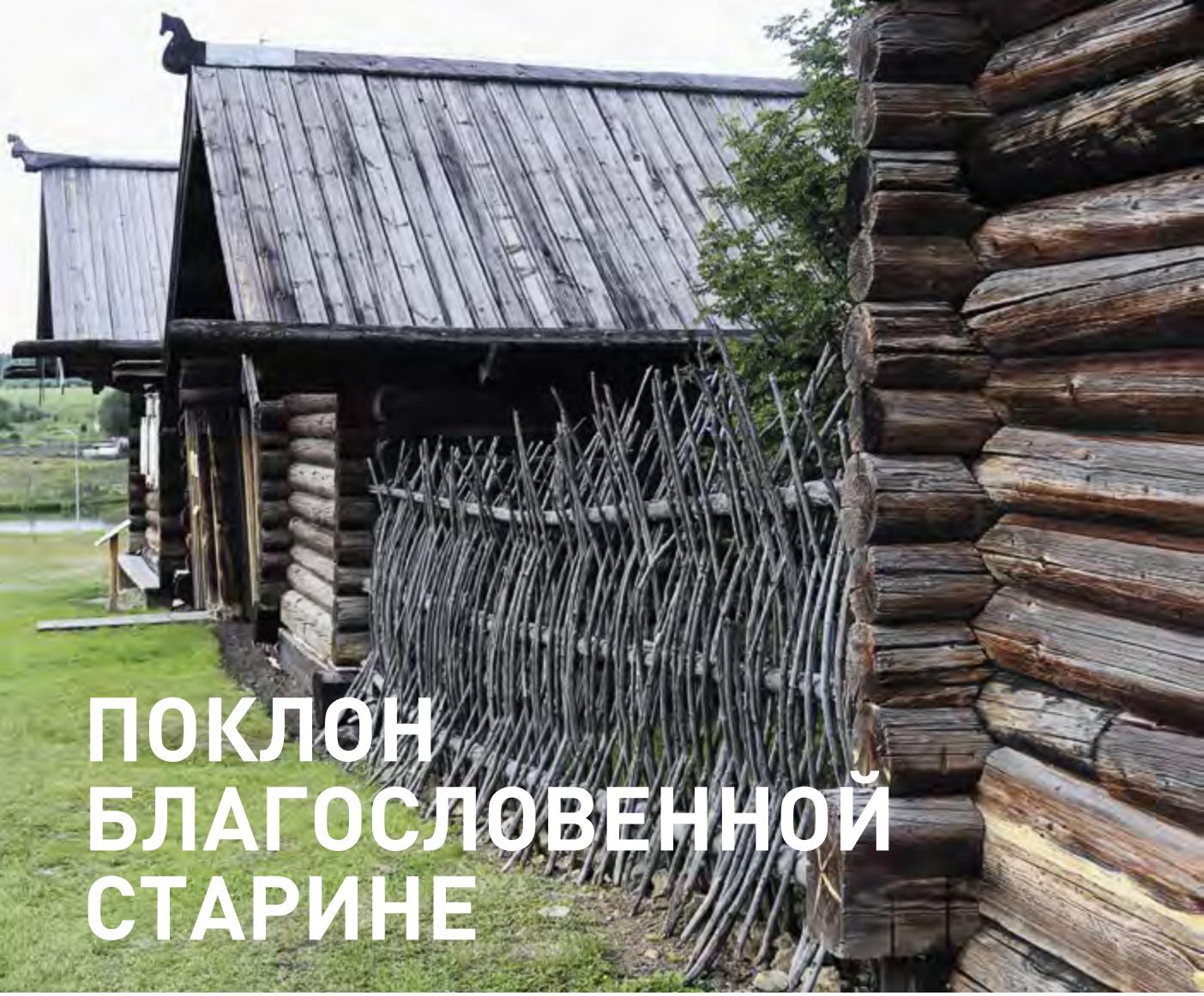
Средней Рогатке, но сейчас является памятником своему создателю – скульптору Михаилу Аникушину. И здесь, в тиши могил, Ника, скорее, символизирует вечную жизнь.

В центре некрополя сегодня стоит памятник «голосу блокады» – Ольге Бергольц. Ленинградская поэтесса была похоронена здесь в 1975 году, и долгое время надгробием ей служил лишь деревянный футляр в виде мольберта. Памятник, изображающий музу блокадного города, стоящую с блокнотом у окна, появился только в 2005 году.

Рассматривать скульптуры и стелы Волковского кладбища можно вечно: их много, каждая по-своему удивительна. В каждой – история жизни и смерти. Каждая говорит нам: искусство, культура, наука – это и есть жизнь. Это и есть путь в вечность.

Ведь даже могилы утрачиваются, а память о людях остается. В конце концов и могила «первоходца» Литераторских мостков, Александра Радищева, оказалась утерянной. О том, что писатель был здесь погребен, свидетельствует сегодня лишь кенотаф и табличка на стене храма Воскресения Словущего. И память продолжает жить в сердцах людей.

Да, дело, конечно, в сердце, в том, о чем оно здесь бьется и чем успокаивается. Ведь в конце концов и скульптуры, и фамилии на надгробиях перестают занимать – внимание рассеивается, мысли и чувства уносятся в иную реальность. Остается только мягкий шаг и шелест листвы, пение птиц и шум машин за рекой, прохлада в тени и блики солнца. И с каждым новым шагом «роскошней тень от лип, склонившихся в кружок, и звонче пенье птиц над старыми крестами». И глубже понимание, что когда-нибудь и сам станешь частью этого огромного мира: легким дуновением, чьим-то воспоминанием, новой возможностью. «Я был. Я есть. Я буду снова» – вечная повторяемость. Вечная музыка жизни. ●

ПОКЛОН БЛАГОСЛОВЕННОЙ СТАРИНЕ

АВТОР

МАКСИМ ГУСЕВ [ФОТО АВТОРА]

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР, МЕЛЬНИЦА, СТАРИННАЯ ЧАСОВНЯ ЗОСИМЫ И САВВАТИЯ СОЛОВЕЦКИХ, КРЕСТЬЯНСКИЕ УСАДЬБЫ РАЗНЫХ ВЕКОВ. ВСЕ ЭТО – ЭКСПОНАТЫ МУЗЕЯ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА И НАРОДНОГО ИСКУССТВА В НИЖНЕЙ СИНЯЧИХЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ, СОЗДАННОГО ПОЧТИ ПОЛВЕКА НАЗАД.

«**О**

СТОРОЖНО, НЕ ушибитесь». – Экскурсовод Марина Махнёва приглашает в дом зажиточной крестьянской семьи XIX века, с которого мы начинаем знакомство с музеем. Дом – классический пятистенок под четырехскатной крышей, украшен богатой резьбой, свидетельствующей о том, что семья здесь жила не бедная. Дом делился на повседневную избу, где семья жила и работала, и на чистую комнату – «белую горницу», в которой отмечали праздники. Проходим в низкий дверной проем и оказываемся в теснова-

той избе. «Знаете, почему надо наклоняться при входе? Так строили неспроста: понимали, что связи между бревнами ослабевать не должны. Ну, и чтобы теплый воздух в избе держался, а не выдувался при открывании-закрывании дверей», – говорит Марина Ивановна. По диагонали от входа – красный угол с иконами, первый взгляд входящего в избу падает именно на него. Вот голбец – деревянный пристрой у печи, отсюда спускались в подклет. Мужская боковая лавка при входе – окна от нее выходят во двор, чтобы хозяин в любое время мог наблюдать за проис-

ходящим. Поперечная лавка напротив двери – место для женщин, занятых рукоделием. Это же и место для сна. Марина Ивановна объясняет, что в крестьянском быту кровать появилась только во второй половине XIX века, а до того люди спали и на лавках, и на полу. В избе есть еще один предмет, знакомый и человеку XXI века: «стоячок», или «стоялка», – небольшой манежик для ребенка, который уже опирается на ножки, но ходить еще не научился.

А во дворе дома внимание привлекает двухэтажный амбар с воротами-завознями, в которых видно специально выпиленное отверстие для кошки. «Прямо в амбар заводили телеги с мукой или зерном и рассыпали в лари по сусекам... Я когда это рассказываю, слушают не только дети, но и взрослые. Люди смеются, потому что впервые в жизни увидели, что такое сусек», – улыбается Марина Ивановна. Затем подводит к кованым саночкам-салазкам. Оказывается, в детстве на них катался создатель музея – Иван Данилович Самойлов.

РАЗОБРАТЬ И СОБРАТЬ В ЧЕТЫРЕ РУКИ

Иван Самойлов родился в деревне Исаково в 1922 году. Прошел Великую Отечественную. После войны заинтересовался историей Урала, тогда же начал собирать коллекцию древнерусского и народного искусства. Задумал создать музей деревянного зодчества, чтобы сохранить образцы местной народной архитектуры. И реализовал свою мечту: музей заработал в 1978 году. Объекты архитектуры XVII–XIX веков были свезены в Нижнюю Синя-

чику из шести районов Свердловской области. Самойлов так радел за свое дело, что во время работы передавал часть зарплаты музею. То же самое он делал и на пенсии. Сам жил весьма скромно.

По словам директора музея Валентины Ращектаевой, Иван Данилович очень переживал из-за Спасо-Преображенской церкви – единственного «экспоната» музея, построенного непосредственно в Нижней Синячихе. Каменную церковьозвели в селе в первой трети XIX века, когда этот населенный пункт

Часовня
Зосимы
и Савватия
Соловецких –
один из
наиболее
колоритных
экспонатов
музея

еще назывался Нижнесинячи-хинским заводом – здесь работал железоделательный завод, владельцем которого был представитель династии уральских промышленников Сергей Яковлев. Он и распорядился построить церковь, «краше которой нет в округе». В 1823 году она украсила село. Но через сто лет советская власть устроила в ней зернохранилище.

«Я не мог смотреть на памятник, который угасает и умоляет о помощи», – писал позже в своих воспоминаниях Самойлов. С 1968 года с бригадой местных плотников он лично занялся восстановлением церкви, вкладывая в работу свои средства. Со временем, несмотря на непопулярность такого дела в СССР, ему стали помогать и местные власти, и влиятельные лица со всего Урала и даже из-за его пределов. «За десять лет реставрация была закончена – Иван Данилович открыл в здании церкви народный музей с коллекцией уральской домовой росписи, сберечь которую он обещал себе, лежа в госпитале после ранения на фронте Великой Отечественной войны», – говорит Валентина Анатольевна. – Он рассказывал, что, закрывая глаза, вспоминал цветы, нарисованные на потолке родительского дома, которыми любовался еще мальчишкой. И дал слово: если выживет, то обязательно сохранит для потомков эту роспись».

Вернувшись на родину, Самойлов устроился землеустроителем и вскоре в одной из деревень натолкнулся на поленницу, в которой увидел расписные доски. Он их выкупил и с того времени стал коллекционировать уральскую роспись.

Сегодня в Нижней Синячихе собрана уникальная коллекция. «Это гордость не только нашего региона – всей России», – уверяет директор музея. По ее словам, Самойлов страдал от того, что видел, как умирали любимые им деревни и села, а люди уходили из своих домов и больше не возвращались.

Коллекция
детских саночек,
на каких-то
из них в детстве
катался сам
Ваня Самойлов

Иван Данилович понимал, что важно сберечь деревенские усадьбы, часовни, церкви, кузницы, мельницы. Со временем он собрал и привез в Нижнюю Синячиху все основные объекты, в том числе, к примеру, мельницу-шатровку из глухомани Гаринского района. Это один из самых колоритных экспонатов музея, хотя внутренний механизм мельницы пока не восстановлен. Долго искал он и водянную мельницу, и поиски эти в конце концов увенчались успехом. Еще один объект – 20-метровую сторожевую башню с фрагментом частокольной крепости – Самойлов, после длительной переписки с краеведами и сельсоветами, обнаружил в окрестностях города Артемовского. Валентина Ращектаева рассказывает, что Иван Данилович вывозил новый объект вдвоем с помощником на наемном транспорте. Сначала будущий экспонат, состоящий более чем из 50 венцов, две недели бережно разбирали, а потом так же аккуратно, в четыре руки, собрали на новом месте. «Это удивительно: они это сделали вручную, вдвоем, на голом энтузиазме», – говорит Марина Махнёва и отмечает, что по такому же принципу перевозили сюда и многие другие объекты.

Этот задор и самовольное поведение коммуниста Самойлова очень не нравилось высокопоставленным гостям. Много позже, когда создателя экспозиции уже не стало, некоторые из гостей музея наотрез отказывались слушать, когда им говорили что-то доброе про Ивана Даниловича. «Не надо нам про Самойлова рассказывать», – заявила мне как-то группа товарищей, которых я водила по музею. В другой раз мужчина тоже попросил не упоминать Ивана Даниловича, а увидев на втором этаже церкви коллекцию уральской домовой росписи, разбередившей, видимо, его душу, искренне извинялся за свои слова», – рассказывает Марина Ивановна...

То, что в XVII веке считали усадьбой, в наши дни кажется лишь избушкой. Но от этого ценность объекта ничуть не меньше!

Подлинным богатством коллекции музея является уральская домовая роспись

ПРОТЕЗЫ ДЛЯ ДОМОВ

В избе XVII века, в отличие от более поздних, всего одно помещение. Чтобы попасть в него, снова пришлось низко наклониться. Ловлю себя на мысли, что всякий, кто попадает сюда, словно отвешивает поклон этой благословенной старине. Взгляд притягивает настенная роспись.

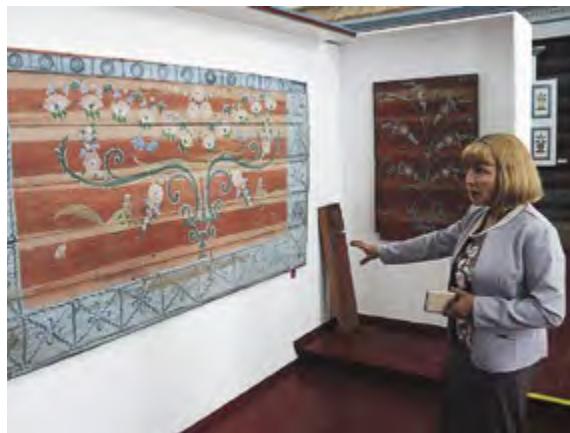
Марина Махнёва показывает бабий кут – местечко у печи, где женщины стряпали, шили, пряли, хранили посуду и некоторые продукты. «Меня часто спрашивают: мол, как дети то появлялись в старину, когда и кроватей-то в домах еще не было? – смеется Марина Ивановна и дает подсказку: дескать,

все это часто происходило во время покосов или на сеновале. – В доме вообще уединиться было сложно, семьи-то большие у всех, да на печи еще обычно бабка старая лежит!»

Следующая остановка – усадьба XVII века. Она представлена со всеми типичными постройками того времени – колодцем, поилкой для скота, сделанной из 234-летней сосны, навесами для телеги и орудий производства, дощатым и бревенчатым сарайями, колодцем с журавлем и низенькой баней всего с тремя венцами.

В избе – широкая массивная лавка и уже знакомый «стоячок» для детей. Внимание привлекает наклонный приступочек для непрошеных гостей. В те времена без приглашения в избу к хозяину можно было войти только до матицы – наклонной балки, под которой встать в полный рост было нельзя. Незваный гость мог немного посидеть на приступочке. Но если хозяин его не приглашал, то долго оставаться в избе не получалось...

К тому времени, когда Валентина Ращектаева заняла пост директора, музей в своей основе был уже сформирован. После смерти Самойлова выбор

А это журавль – элемент легендарного колодца. В музее говорят, что пройти мимо него и не сфотографироваться мало кому удается

Министерства культуры Свердловской области пал на нее. Власти прекрасно знали, что в своем селе Костино она создала не менее уникальный историко-художественный музей колхозного дела.

«О том, чтобы занять место Ивана Даниловича, я вообще никогда не думала, потому что искренне любила свою работу, – вспоминает Валентина Анатольевна. – Видимо, во время министерской проверки наш сельский музей произвел впечатление – за пять лет работы мы собрали в фонд около 6 тысяч предметов. И когда власти начали искать директора в музей Нижней Синячихи, позвали меня».

От предложения Валентина Анатольевна отказывалась почти год, но после настойчивых уговоров согласилась. С тех пор каждый день она ездит сюда на работу, преодолевая 60 километров...

С Иваном Даниловичем она знакома не была. Знала лишь, что в Нижней Синячихе работает удивительный человек, который уже в 1980-х годах понимал, как и за счет чего должен будет работать музей. И сегодня работа здесь продолжается по его пла-

нам. «Музей ведет масштабную работу по сохранению всех деревянных экспонатов, – говорит директор. – У нас регулярно проводятся инженерные исследования, на каждый объект мы составляем план по сохранению.

У этой классической мельницы-шатровки туристы чаще всего делают селфи. Потому что удержаться невозможно!

Недавно в районе дули сильные ветра – ущерб, конечно, был. В одном месте сорвало наличник. Для таких случаев у нас в штате есть плотники, которые оперативно устраняют последствия, не нарушая концепцию по сбережению. Выпал гвоздь? В запасниках есть кованые гвозди. Мы покупаем и складируем дерево, которое идет на замену выходящих из строя элементов. Чем-то смазывать, пропитывать свои объекты мы можем только по согласованию с управлением по охране объектов. Большой плюс, что наши здания не электрифицированы – это бережет их от попадания молний. Впрочем, громоотводом здесь служит церковь, которая всегда принимает на себя удары стихии».

Разрушающиеся от старости элементы реставрируют, из-за чего часто консультируются со специалистами музея в карельских Кижах. Марина Ивановна показывает деревянный фундамент одного из объектов: «Коллеги нас научили, например, делать протезы домам – кусок дерева вырезать, и на пустое место вкладывать новую часть».

Марина Махнёва долго работала с Самойловым. Вспоминает, как еще в 1994 году пришла

устраиваться в музей – готова была работать даже уборщицей. Но в музее тогда не было ставок, поэтому ушла ни с чем. Однако вскоре ее, учителя английского языка, попросили провести экскурсию для гостей из США. «Помню, иду, что-то активно рассказываю иностранцам, а Иван Данилович в это время работал у какого-то объекта и услышал меня, – улыбается Марина Ивановна. – Тем же вечером он взял меня на работу, а позже назначил хранителем всех музеиных фондов».

Для полной реализации концепции Самойлова, которую он так и не успел воплотить в жизнь (Иван Данилович умер в 2008 году), музею не хватало конного (постоялого) двора. Его прототип разыскали в селе Лучинкино – до революции оно относилось к Тюменскому уезду Тобольской губернии. В Нижней Синячихе срубили точную его копию.

«Это двор, который содержали старообрядцы», – говорит Марина Ивановна, когда мы входим на территорию одного из самых поздних объектов музея под открытым небом.

Над воротами пучок соломы – подсказка для путников: здесь

В Нижней Синячихе прекрасно все – от расстановки экспонатов до рукотворной изгороди, которую сделали, чтобы животные не гуляли среди объектов

Лукошки, корзины, лапти, прялки – этого добра здесь чуть ли не на каждом углу хватает!

можно накормить лошадей. У входа гостей встречает хозяин. Сени были теплые – гости могли обогреться с дороги. Приезжим обязательно подавалась чарка вина, желающие заказывали горячий обед.

«Жила семья хозяина в избе, небогато, но добротно, – продолжает Марина Ивановна. – Здесь – моленная, в ней часто не было окна, чтобы люди, молясь, не отвлекались. Здесь матушка-свекровь – она же старшая хозяйка-большуха, а это скитница – товарищ по вере. В ее руках лестовка, то есть древнерусские четки».

КЛАДЕЗЬ СТАРИНЫ ДАЛЕКОЙ

Музей деревянного зодчества продолжает развиваться, количество натурных экспонатов растет, появляются новые планы. Сейчас, например, музей ищет типичный дом рыбака. Говорят, раньше в русской глубинке такие домики встречались часто. Они располагались в стороне от деревень. В них рыбаки могли заночевать или отдохнуть во время непогоды. В проекте – и типовая заимка. Это тоже небольшой дом, где крестьяне останавливались во время походов за грибами и ягодами, а охотники – в период промысла.

«Все это нам предстоит восстановить, – говорит Валентина Анатольевна и добавляет, что ничего страшного нет в том, что самойловские экспонаты – подлинные, а те, что появились после его смерти, в основном «новоделы». – Надо понимать, что сегодня мы уже не найдем многих объектов. Мы внимательно исследуем территории, связываемся с сельскими администрациями. Подходящих нам экспонатов на близлежащих территориях уже точно нет, но мы ищем и на удаленных землях.

И там-то, в небольших деревнях, где сохранились три-пять домов, настоящий кладезь старины далекой! Например, в Махнёвском районе можно найти уникальные вещи – мы недавно привезли оттуда 20 предметов домовой росписи, это богатейший материал! И люди с радостью передают нам эти вещи, понимая, что мы их сохраним для истории». Пожалуй, об этом думали и жители Нижней Синячихи, когда помогали создававшемуся на их глазах музею. Дедовы деревушки из сарая и бабушкины реликвии, найденные на чердаке, они передавали в фонды музея.

А сегодня пожинают плоды своих трудов: село расцвело, заиграло новыми красками и приобрело известность. Жители, конечно, привыкли к наплывам туристов, но не смирились с выходками некоторых гостей, поэтому пристально следят, чтобы те вели себя деликатно, берегли всю эту красоту.

«Местные жители посещают музей бесплатно – мы знаем их вклад в наше общее дело и ценим его, – поясняет директор. – Люди сегодня вправе делать замечания туристам вести себя прилично, не мусорить и ничего не ломать».

Что-то есть бесконечно родное в обстановке, созданной в музее. Вот и типичная горница с уральской росписью – глаз не оторвать!

Валентина Ращектаева не только сохраняет, но и приумножает красоту, которую придумал когда-то Иван Данилович Самойлов

Активнее всего в Нижнюю Синячиху едут жители регионов Большого Урала и Москвы – здесь принимают до 80 тысяч человек в год. Китайцы часто приезжают целыми автобусами, а европейцы – группами по три-пять человек.

В музее давно поняли, что показывать экспозиции без души невозможно – посетитель должен ощутить атмосферу традиционного русского быта, поэтому теперь тут проводят мероприятия, в ходе которых гостям показывают, например, традиционное чаепитие.

Валентина Ращектаева сетует, что музею не хватает площадей, ведь помимо показа натурных экспонатов под открытым небом здесь ежегодно проводят до полусотни стационарных выставок, а места для них катастрофически мало.

Еще музейные работники ежегодно организуют до 80 передвижных выставочных проектов, которые проводят совместно с другими музеями и образовательными учреждениями. На них, кстати, здесь делают особую ставку, потому что понимают: некоторых взыскательных туристов от посещения Нижней Синячихи отпугивает отсутствие привычной инфраструктуры. Кафе здесь нет, ближайшая гостиница – в соседнем Алапаевске, до которого 15 километров. К тому же зимой объекты не отапливаются. В музее о своих «слабых сторонах» знают и с недавних пор привлекают местных жителей к организации «удобств». Одни бабушки в дни массового приезда туристов пекут пироги и приглашают к себе на чай, другие хозяйки принимают гостей на ночлег за символическую плату.

И все же туристы массово едут сюда, чтобы увидеть дело рук человеческих на фоне нерукотворной красоты – природа и ландшафт идеально дополняют концепцию, придуманную Иваном Самойловым, и делают музей притягательным. И, как написал в книге отзывов один из посетителей, «очень русским».

ЗАПЕЧАТЛЕННАЯ НЕУЛОВИМОЕ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ВПЕРВЫЕ РИММА КАМКИНА ПОБЫВАЛА В ОМСКЕ СОВСЕМ МАЛЕНЬКОЙ ДЕВОЧКОЙ. ОНИ С МАМОЙ ПОШЛИ НА БЕРЕГ ОМИ. ВЫШЛИ НА ПЕСЧАНЫЙ ПЛЯЖ, ГДЕ НА МОСТУ МАЛЬЧИШКИ УДИЛИ РЫБУ. РИММА ПОДОШЛА К САМОЙ ВОДЕ. И ТУТ ПОРЫВ ВЕТРА СДУЛ С ЕЕ ГОЛОВЫ ТОЛЬКО ЧТО КУПЛЕННУЮ ОБНОВКУ – ШЛЯПКУ ИЗ ВЫСУШЕННЫХ ВОДОРОСЛЕЙ. МАЛЬЧИШКИ ПОЙМАЛИ ЕЕ, НО НАМОКШАЯ ШЛЯПКА БЕЗНАДЕЖНО РАСТЯНУЛАСЬ. ВСЕ ВОКРУГ СМЕЯЛИСЬ, А ДЕВОЧКЕ БЫЛО ТАК ОБИДНО, ЧТО ОНА РАЗРЫДАЛАСЬ.

СЕЙЧАС НА ЭТОТ БЕРЕГ выходят окна ее мастерской. Здесь Римма Петровна Камкина пишет удивительные картины. Во время разговора с ней быстро забываешь, что моей собеседнице 91 год.

«Я все хорошо помню. Вот тут на пляже я купалась, под мостом мыла ноги. Сейчас уже ничего там нет». – Рассказывая об изменившемся пейзаже за окном, Римма Петровна ставит чайник и накрывает стол, отодвинув кисти и бумагу. В ее мастерской картины повсюду: развешаны на стенах, стоят у стены, лежат стопками. Ведь она рисует каждый день. О том, сколько у нее работ, Римма Петровна даже не задумывается: «Считать их, что ли?» Изображенное на ее картинах живет, струится как вода в реке. Дома и пейзажи полупрозрачны, силуэты людей похожи на тени. Неслучайно акварели Риммы Камкиной искусствоведы называют «жемчужными». Работает она быстро. «Если у меня есть настроение, я сажусь и пишу. Акварель ведь течет как музыка. Она прозрачная, ее надо чувствовать, ухватить главное... Я быстро пишу акварели».

Она все время в поиске тем, образов, вдохновения, ищет и находит удивительные вещи. Старинный ключ; умывальник музейного вида – «под Седельниковом это было, он весь заросший, в тенётах в углу висел»; корни багульника, напоминающие застывшую балерину; корзина на чердаке заброшенного дома в Муромцеве – такие находки художница называет «начердачное». Полки в ее мастерской забиты всяческими диковинками.

Глядя на ее удивительные акварели, сложно поверить, что профессионального художественного образования художница не получила. Но это так. Римма Петровна Камкина окончила историко-филологический факультет Омского пединститута.

БРУСНИЧНЫЙ КИСЕЛЬ И ТЕНИ НА СТЕНАХ

Рисовать она начала в раннем детстве, а первой ее краской стал... брусничный кисель. «Мама ушла, а я взяла ложку киселя и плеснула им на стену. Он течет, а я его ловлю. И вдруг поняла, что это очень красиво», — вспоминает Римма Петровна. — А если попадается ягодка, то ее можно раздавить и получить цветной сгусточек, вокруг которого растекается нечто розовое и красивое. И я начала это практиковать. А потом нашла уголек возле печки: мы топили березовыми дровами, а угли березы черные как тушь. И я сделала еще одно «открытие»: углем можно рисовать!»

Жажду творчества не могли сдержать никакие увещевания. Однажды, когда мама в очередной раз ругала дочку, соседка остановила ее: «Женечка, миная, ты что делаешь? А вдруг дочка рисовать будет? Просто ребенок хочет рисовать, а ты ей не даешь. Пусть измажет стены». И мама отвела Римме кусок стены возле печки: «вот здесь рисуй, а дальше не надо».

Художнице тогда было 2 года. Желание рисовать, похоже, передалось Римме по наследству. Ее мама, Евгения Камкина, преподавала в школе черчение и рисование, причем тоже была самоучкой, художественное училище так и не окончила: родилась дочь и стало не до учебы. Не менее важную роль в судьбе будущей художницы сыграли тени на стенах. «Мама мне рассказывала, что я следила за тенями на стенах, раскрыв рот. А я помню такое: отец идет вдоль стены, отбрасывая тень, проходит угол, а у него тень от носа — длинная, как клюв у птицы, он повернулся, тень от носа «сломалась», и я начала хохотать... Смотрю на папу и показываю пальцем то на его нос, то на стену, — рассказывает Римма Петровна. — Эти тени на стенах меня поразили. Как будто на живые картины смотришь. Мы ведь тогда еще кино не видели. Я до сих пор вспоминаю

Из фондов музея «Искусство Омска»

эти тени на стенах». Так что зыбкая, колеблющаяся реальность на картинах Риммы Камкиной родом из детства.

От угля с киселем девочка перешла к карандашу и краскам. Она раскрашивала в книгах буквы, превращая их в разнообразные силуэты. Как будто знала, что в будущем ее живопись будет неразрывно связана с литературой. «Печатный текст я старалась местами закрасить, что-то для меня это значило, наверное. Вроде вот это домик, а это — вроде бы дерево... То есть получалась фантасмагория какая-то, и мне это нравилось», — говорит художница. А вот уроки рисования в школе, как ни странно, пришлись Римме не по нраву: «Поставят стакан, чашку. «Нарисуйте чашку». А мне не хотелось. Мне хотелось рисовать что-то такое цветное, плавущее...».

Из фондов музея «Искусство Омска»

«Кто весел — тот смеется, кто хочет — тот добьется, кто ищет — тот всегда найдет!..»

ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ

«В Иркутске мы жили в «движенском дворе». Назывался он так потому, что там жили семьи железнодорожников, а мой отец работал бухгалтером на железной дороге. У нас была комната и кухня».

Римма Петровна родилась в непростые времена — в 1930-е годы, «когда с хлебом было плохо, а сахара не было вообще». И в Сибири вспыхивали крестьянские восстания, на которые люди решались от безысходности, «потому что отобрали все до последней курицы». «Нас спасали орехи и грибы из леса и коза, которую купила мама. Еще спасало то, что давали Байкал и Ангара — кета и омуль, — вспоминает Римма Петровна. — А в 1936 году нам пришлось бежать в Казахстан. Если бы мы не уехали, отца, скорее всего, не было бы. Его допрашивали всю ночь, утром он пришел измученный. А за что? Он ведь был самый обычный счетный работник, мещанин из Муромцева. Мама — из крестьян, из-под Полтавы. Таких историй тогда было немало. Времена не выбирают, в них живут и умирают».

После школы Римма Камкина снова отправилась в уже знакомый ей Омск и поступила на историко-филологический факультет педагогического университета. «Тогда только закончилась война, учебников почти не было. Да вообще ничего не было. Мы жарили вермишель на масле, заливали ее яйцом и считали, что это вкуснейший ужин», — объясняет художница. Кажется, она никогда не унывает. И понятно, почему песня «Веселый ветер» из знаменитого кинофильма «Дети капитана Гранта» у нее самая любимая. «Кто весел — тот смеется, кто хочет — тот добьется, кто ищет — тот всегда найдет!» Кстати, та самая река, которая когда-то сыграла досадную шутку с маленькой Риммой, в итоге ей покорится. В институте Римма Камкина увлечется греблей и будет плавать на лодке по Оми. После института молодую учительницу направили по распре-

В начале творческого пути. На этой фотографии Римме 2 года

делению в село Поречье Муромцевского района Омской области. Уроки, которые она вела в сельской школе, очень отличались от обычных. «Что я делала? У меня на уроке истории все рисовали. Пришли как-то из рено посмотреть, как работает учитель, и никак не могли понять: литература это, история или рисование? Все рисуют средневековые города, купцов, мортиры, а еще читают стихи...». Впрочем, в Поречье Римма Камкина проработала недолго, несмотря на уговоры остаться, уехала в Омск. Но устроиться работать по специальности в городе ей не удалось. И тогда она пошла в художественную мастерскую делать рекламные вывески и плакаты.

Эта работа, хоть как-то связанная с рисованием, стала первым шагом на пути Риммы Камкиной в большое искусство. А затем произошла судьбоносная встреча. Однажды сотрудников мастерской попросили принести то, что они рисуют в свободное время. Посмотреть эти работы пришел известный омский художник Алексей Либеров. «Я принесла большую папку, в которой было много акварелей: детишки в воде возятся, домики старинные, заборчики всякие. Либеров посмотрел и сказал: собирайте это все и приходите по адресу Лермонтова, 8. Там у нас готовится художественная выставка, и вы сможете принять в ней участие», – рассказывает Римма Петровна. – Я сначала даже не поверила. Я ведь всегда не для кого-то, а для себя рисовала, мне хотелось писать не оттого, что это кому-то надо, а оттого, что это надо мне. На выставку отобрали четыре мои акварели. Это была Вторая зональная художественная выставка «Сибирь социалистическая», 1967 год...». Потом были другие выставки – в Омске и Новосибирске, Москве и Санкт-Петербурге. В Союз художников Римму Камкину приняли единогласно, несмотря на отсутствие художественного образования. Она просто приехала в Москву и продемонстри-

из фондов музея «Искусство Омска»

Живопись для Риммы Камкиной всегда была неразрывно связана с литературой

Каждая выставка художницы становилась окном в пушкинский Петербург

ровала руководству Союза свои работы. Профессиональные акварелисты долго и безуспешно искали на них следы карандаша и не могли поверить, что она пишет без наброска. «Они ходили и внимательно рассматривали акварели, искали карандаш, а его нигде не видно. Понимаете, они считали, что писать Пушкина без предварительно го карандашного наброска – это нонсенс. А у меня получается. Интуитивно», – улыбается Римма Петровна.

ВДОХНОВЛЯТЬСЯ ПУШКИНЫМ И ДОСТОЕВСКИМ

Трудно отделаться от ощущения, что Римма Петровна живет одновременно в разных временах: в современности и в любимой Пушкинской эпохе. Она может открыть волшебство пушкинского стиха даже человеку, равнодушному к русской классике – в этом мне довелось убедиться лично.

«Когда я читаю Пушкина, стихи как будто подхлестывают меня.

из фондов музея «Искусство Омска»

ная жизнь. Здесь нет прохожих, но иногда могут встретиться собачки. А еще – петербургские львы, которых художница называет «лёвы». Кажется, они тоже живые – хранители, философы, стражи... В поэзию Пушкина будущая художница влюбилась еще в раннем детстве: «Революция прошла, люди живут плохо, голодно, холодно, а мама с сестрой ночью сидят с гитарами и на два голоса поют «Сижу за решеткой в темнице сырой...». Думают, я сплю. Напротив печка белая светится, в окно луна заглядывает, я вижу два силуэта с гитарами... Эти силуэты, неясность, недосказанность, этот мотив... Когда мама сказала, что эти стихи написал Пушкин, я поняла, что Пушкин – это кто-то, кого надо обязательно увидеть, узнать о нем». Потом мама принесла книгу и сказала трехлетней дочери: «Римма, это – Пушкин». И показала портрет. «Кудрявые волосы и глаза, которыеглядят прямо на меня. Я посмотрела внимательно и сказала: «Славный парень». И все засмеялись, – вспоминает Римма Петровна. – И я сразу почувствовала, что это – что-то главное, что-то, о чем мне нужно будет или рассказать, или станцевать».

У ее любимого героя на акварелях разные лица. Римма Петровна придает Пушкину черты других известных людей, словно бы он живет во всех них. Например, у нее есть работа, в которой Пушкин очень похож на Виктора Цоя. Есть Пушкин тревожный, Пушкин озорной. Вот Пушкин в Екатерининском парке, под сенью дуба – и так схожи ветви дерева и тонкие пальцы поэта. Вот совсем маленький кудрявый «Пушкиненок». В общем, настоящая ве-реница метаморфоз великого поэта... Петербург Достоевского Римме Камкиной тоже хорошо знаком. «Когда я была в Петербурге, то ходила по местам, описаным в его книгах, и думала.

из фондов музея «Искусство Омска»

Картинами сами перед глазами возникают», – делится художница. Ее работы словно окна в пушкинский Петербург. Понятно, что к городу на Неве Римма Петровна относится трепетно: «Это особенный город. Он словно какая-то волна – держит, качает, убаюкивает и вдохновляет. Без Петербурга нас не будет, это наша душа... Знаете, после окончания десятого класса я хотела уехать в Царское Село и мыть полы в лицее, где учился Пушкин, ходить по этим коридорам, по этим местам. Но не сложилось».

Изданный в 2013 году альбом репродукций Риммы Камки-

ной неожиданно раскрывается на изображении совсем иного Петербурга. На иллюстрации стеной встают огромные волны, расшвыривающие утлы лодочки, и только несокрушимый Медный всадник возвышается посреди бушующей стихии. «Это XIX век, наводнение в Петербурге... Я никогда не видела наводнения, но я его почувствовала под впечатлением от поэмы «Медный всадник».

В парящем мистическом мире ее Петербурга всем владеет Пушкин. Он и сейчас ходит по этому городу, это его другая веч-

В мастерской

Петербург на картинах Риммы Камкиной – город особый, где ничего не происходит случайно

ИЗ АРХИВА МУЗЕЯ «ЛИБЕРОВ-ЦЕНТР»

Вот идет человек. Сначала он выходит из своей комнаты – под самой крышей на пятом этаже, где обычно живут самые неимущие. Потом он идет через мост, замедляет шаги. Вот он остановился, задумался и понял: что-то я не так сделал, надо поправить, надо поменять жизнь. С Невы потянуло холодом, большая туча повисла над мостом, на котором стоит одинокий человек. Эта тема всегда тревожила Достоевского – что происходит с одиноким человеком?» Достоевским она увлеклась еще в те времена, когда училась в пединституте, хотя в программе вуза его произведений не было. Знакомство началось с «Преступления и наказания». И до сих пор том Достоевского лежит на столе художницы. «Если мне грустно, представляю, как Раскольников лежал в каморке, вспоминаю, о чём он думал. Он не знал, куда убежать от себя, понимал, что его все время преследует одно и то же...

Акварель надо делать сразу. Пончувствовал – рисуй. Сразу, быстренько

Для художника очень важно не просто так рисовать кого-то, не зная, не представляя, кто он. Нужно обязательно знать своего героя», – объясняет Римма Петровна. Она создала серию иллюстраций к произведениям Достоевского. «Там есть одна акварель. На фоне светящегося окна, где

переплет как крест – символ терпения, – стоит согнутая старушонка. Мы ведь читаем у Достоевского о том, что все мы одиноки, – говорит Римма Петровна. – Я сама этого не понимала, когда рисовала. А когда закончила, когда работы напечатали в книге – посмотрела и ахнула. Так само собой рисует-

ИЗ СОБРАНИЯ ОМСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ РОССИИ

Санкт-Петербург.
За углом
Исаакий.
1989 год

изфондов музея «искусствоомск». фотограф альберт готовцев

ся – рука движется, будто кто-то ее ведет... Наверное, он ведет – Достоевский. Он будто бы каждую человеческую душу знает – он знает тебя, знает меня и знает каждого... Он просто рассказывает о тебе».

Петербург Пушкина у Риммы Камкиной – музикальный и прозрачный, Петербург Достоевского совсем иной – мрачный и суровый, но эта темнота не беспросветна. На картине всегда есть какой-то просвет – надежда или хотя бы намек на нее.

Конечно, два любимых автора Риммы Камкиной очень разные. Но есть то, что их объединяет: «интерес к человеку, боль за человека».

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С УДИВЛЕНИЯ

Римма Петровна принципиально не пишет с натуры. Она всегда работает «от впечатления». Ее картины – запечатленные впечатления. Запечатленные, но не застывшие. Причем рисовать то, что ее впечатлило, Римма Петровна может в любых условиях. «Как-то я была с группой художников в Паланге. Начался штурм, все побежали к автобусу, а я осталась на берегу – у меня бумага лежала прямо на мокром песке. Я под дождем рисовала штормовое море, там какая-то шаланда болталась на воде – она у меня изумительно получилась. Все в автобус залезли и меня ждали,

Того, что
принято
называть
внутренним
огнем,
у Риммы
Петровны
больше, чем
у молодых

я вся мокрая с этой акварелью бежала. Задние сиденья освободили и положили туда лист сушиться. На нем песок отпечатался – такие камешки получились из следов от песчинок: точка и вокруг светится», – рассказывает художница. Будто бы ягодка из киселя в далеком детстве...

А вот старая, канувшая в небытие Тара. «В Таре чувствуешь себя в каком-то другом времени. Видишь окошечко, вспоминаешь: мы там жили. Хозяйка с ведром идет – баба Настя или баба Нися, худенькая старушонка. Собака из конуры гавкает, куры по двору ходят. Было жарко, вдруг слепой дождь пошел, и эти куры кинулись врасыпную по двору», – вспоминает Римма Петровна.

На ее картинах есть и Омск, причем все петербургское, что есть в этом городе, на них становится еще более петербургским. Например, Никольский собор узнаешь не сразу, его можно принять за один из храмов Северной Пальмиры.

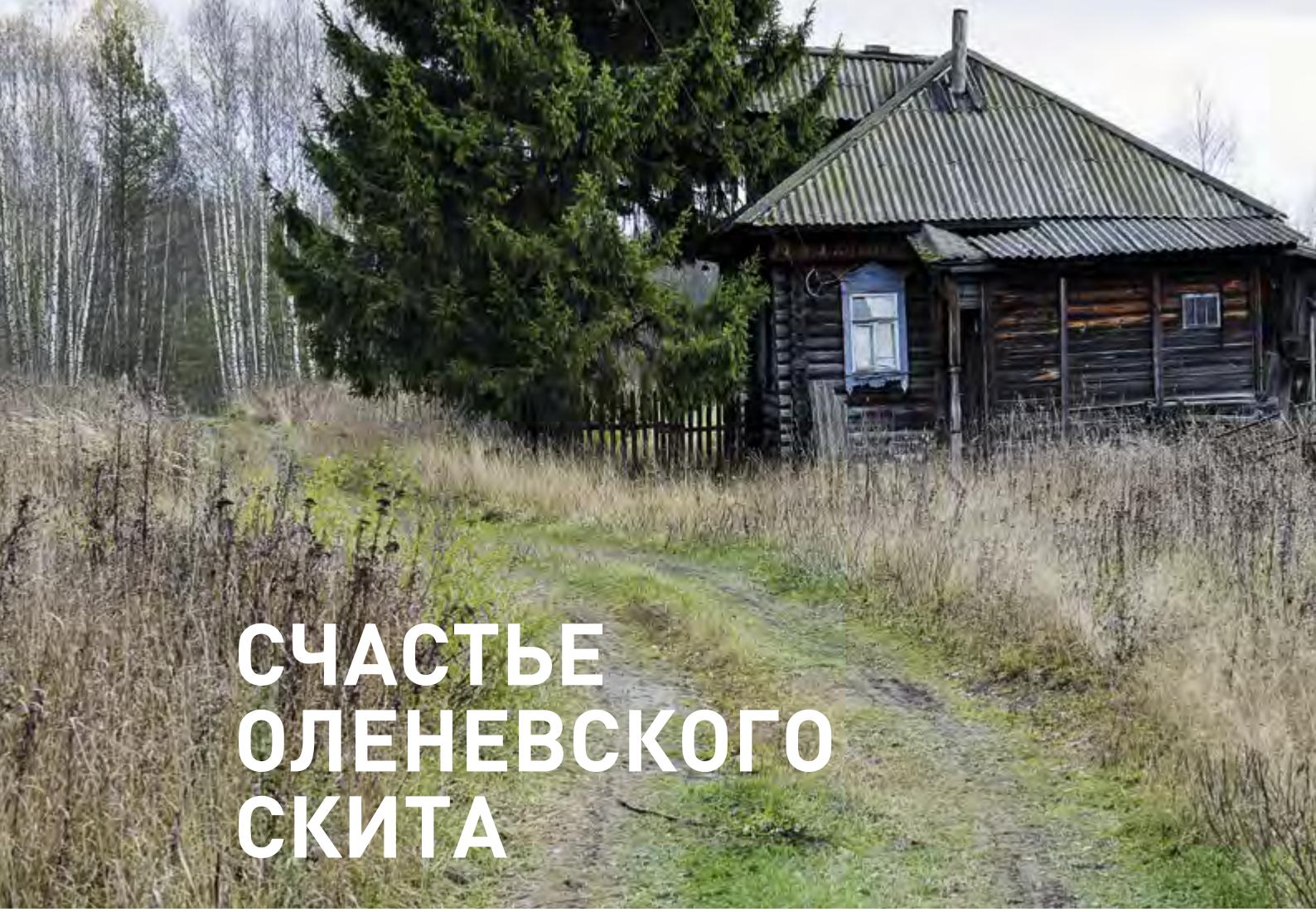
А вот действительно Петербург. Строгановский дворец, вид на Петропавловку, Александр Сергеевич с дамой. Еще Пушкин... Настоящий, живой человек. «А вот эта акварель... Если бы ты посмотрела, как я ее делала, ты бы подумала, что такого не бывает. Я прямо в ударе каком-то была, я так быстро ее сделала, а потом бросила ее на пол, под диван ее швырнула. Что-то я засомневалась... Потом вспомнила о ней, достала, поднесла к зеркалу – оно никогда не обманет. Посмотрела – лицо живое, глаза на меня смотрят».

У Риммы Петровны получается запечатлеть неуловимое – ее картины дышат, живут. «Все идет от удивления: мне нужно, чтобы у меня все появлялось и улетало куда-нибудь. Понимаешь, я должна это делать, я ногами порой сижу...».

В октябре Римма Петровна отметила свое 92-летие. А через полтора месяца, 8 декабря, когда празднуется День художника – ее не стало...

Санкт-Петербург.
Казанский
мотив.
1990 год

СЧАСТЬЕ ОЛЕНЕВСКОГО СКИТА

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В МУЗЕЕ ГОРОДА СЕМЕНОВА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ МОЕ ВНИМАНИЕ ПРИВЛЕКЛА РАСКРЫТАЯ КНИГА. НА ПОЖЕЛТЕВШЕЙ ВЕТХОЙ СТРАНИЦЕ КАРАНДАШОМ БЫЛ ПОМЕЧЕН АБЗАЦ: «ВЫСОКИМ БУРЬЯНОМ ПРОБИРАЛИСЬ МЫ К ЕДИНСТВЕННОМУ, НО И САМОМУ ПОЭТИЧНОМУ ПАМЯТНИКУ СТАРИНЫ: В ОГОРОДЕ СРЕДИ БУЙНОЙ РАСТИТЕЛЬНОСТИ БУРЬЯНА НАХОДИТСЯ МОГИЛА ФЛЁНУШКИ – ГЕРОИНИ РОМАНА МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО. БОЛЬШОЕ КАМЕННОЕ НАДГРОБИЕ С ПОЧТИ РАЗРУШЕННЫМИ НАДПИСЯМИ УКАЗЫВАЕТ МЕСТО ПОГРЕБЕНИЯ ФЛЁНУШКИ, В ИНОЧЕСТВЕ МОНАХИНИ ФИЛАГРИИ».

АВТОР КНИГИ – ЮРИЙ Прилуцкий. Под этим псевдонимом публиковался священник Семеновского уезда Петр Романович Шумилин. Вдохновленный образами романов Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах», он в начале XX века посетил Оленевский скит на реке Керженец. Кто оставил эту карандашную метку? Этот вопрос не выходил у меня из головы, пока я доби-

рался до лесной деревни Большое Оленево, расположенной на месте бывшего Оленевского скита. Рядом со мной в автобусе ехали бабушки с рюкзаками и пластиковыми ведрами, живо обсуждавшие Сутырское болото, на котором местные жители десятилетиями собирают клюкву. Узнав, что мне нужно в Большое Оленево, бабушки поправили: «В Кельи!» А заодно просветили, что выйти мне нужно на повороте в лес, а не в самом Сутыре.

ЛЕСНАЯ ДЕРЕВНЯ

Ночью выпал снег, к утру он растаял, и под ногами хлюпает грязь. Лапы елей колышутся на ветру. Дорога уводит все дальше в лес, с каждым шагом сердце бьется чаще в предчувствии чего-то неизвестного. И хотя Оленевского скита нет уже более века, воображение рисует в конце пути старинные избы из толстых бревен с подслеповатыми оконцами, окруженные поросшими мхом крестами. На деле все оказалось иначе... На вешалке висят разноцветные детские куртки, из вороха которых выглядывает солидный бинокль. Ясно, что в этом доме много детей. Они скачут по лестнице, сидят на диване и на полу, качаются в веревочном гамаке, подвешенном к потолочной балке. Самая младшая, 4-летняя Светлана, сидит на руках у мамы – Елены Блиновой. Сегодня в многодетной семье Блиновых событие: 7-летний Валентин научился выговаривать букву «р» и теперь без умолку перечисляет слова, которые начинаются с нее. Одной рукой Елена держит дочку, другой перелистывает аль-

Редкий гость
заглядывает
в этот лесной
угол, а когда
выпадет снег,
то их и вовсе
не будет...

бом с фотографиями рубежа XIX–XX веков нижегородского фотографа Максима Дмитриева. Судя по ним, двухэтажный бревенчатый дом Блиновых стоит на месте, где располагалась Пальцевская обитель Оленевского скита. Когда Блиновы только переселились в деревню, местные бабушки часто говорили им, что живут они на месте Пальцевской обители. А мать бывшей хозяйки дома звали Манефа Чечина. Любопытное совпадение: Манефами звали нескольких настоятельниц обителей Комаровского скита, где происходит действие романа «В лесах». Кстати, Чечины – самая распространенная фамилия в Большом Оленеве.

Я рассказываю Елене о том, как добирался до деревни пешком, и вдруг ловлю себя на мысли о неуместности сетований по поводу плохой дороги. Молодая женщина с детьми на руках и рюкзаком за спиной ходила по ней многократно. А сколько ведер клюквы и грибов она перетаскала из леса! Когда Блиновы переехали в Большое Оленево, то попытались решить вопрос с ремонтом дороги, однако этому

Это еще не все
дети Елены, трое
учатся в Нижнем
Новгороде

С клювой никакая
зима не страшна

воспротивились сами местные.
Не надо – и всё тут. А то понадеют всякие.

Летом в этом лесном уголке обитают всего человек двадцать – дачники приезжают. Зимуют здесь только Блиновы и Николай Петрович Чечин, живущий на соседней улице. Остальные до апреля перебираются в город Семенов. Правда, нынешней зимой 83-летний Николай Петрович тоже собирается оставить родную деревню. Так что впервые за тридцать лет Блиновы будут зимовать одни в лесной деревушке с пятью детьми: 13-летним Иваном, 11-летним Левой,

9-летней Алена, 7-летним Валентином и 4-летней Светланой. Троє старших – 21-летняя Василина, 19-летний Всеволод и 16-летний Светослав – учатся в Нижнем Новгороде...

Пока мы беседуем, Иван присоединяется со двора стопку дров, аккуратно складывает ее, снимает шапку и важно, как взрослый, утирает со лба пот. Волосы у него, как у всех мальчиков в семье, подстрижены в скобку. Я пью чай из большой чашки, смотрю на молодую женщину в окружении пятерых детей и думаю о том, что благодаря этой удивительной семье у почти заброшенного людьми угла появляется надежда на новую жизнь.

СВОЙ ДОМ

Елена и Сергей познакомились во время учебы на биофаке Нижегородского университета. Она – горожанка, он – вырос в селе. Ходили в походы и мечтали о собственном домике в какой-нибудь лесной деревушке. А потом решили воплотить мечту в жизнь. Однажды открыли атлас Нижегородской области и начали искать деревни. Свою первую экспедицию совершили по северу области. Но чевали у сердобольных бабушек, повсюду спрашивали про жилье. Сначала поселились в поселке Сосновка Уренского района. В заброшенном доме была мебель, посуда и домашний текстиль, правда, не было света и воды, дверей и стекол в окнах. Да и крышу надо было срочно чинить. В этом доме они прожили год. Елена там и рожать собиралась, но не позволила мама. Пришлось вернуться. Так что Василина, Все-волод и Светослав родились в Нижнем Новгороде.

Объявление о продаже недостроенного жилья в деревне Большое Оленево Елена нашла в газете. И отправила мужа «на разведку». Место Сергею понравилось, дом купили. Супруги Блиновы работали тогда в пансионате на берегу Горьковского моря. Осенью взяли отпуск и пешком пришли в Большое Оленево – с рюкзаками, посохами и детьми. Пока дом достраивали, жили в палатке. Строительные материалы и продукты помогали доставлять друзья и отец Елены. Все своими руками обустраивали.

В то время к ним часто наведывался Николай Петрович Чечин, убеждал Блиновых уехать, страшал, что погубят они здесь детей. Он помнил такие снежные зимы, когда за продуктами приходилось на лыжахходить в соседнее село. Старик и предположить не мог, что после переезда в Большое Оленево Блиновы обзаведутся еще четырьмя малышами.

Первую и вторую зиму они жили в одной комнате на первом

этот натюрморт из камней, мха, корней, веточек дети сделали своей маме ко дню рождения

вом этаже. А потом все стало налаживаться. Со временем Блиновы завели декоративных кроликов, декоративных кур, павлина. Но более всего немногочисленных жите-

лей Большого Оленева поразил другой питомец семьи. В клубе «Серая лошадь» Блиновы купили оленуху Герду. Раз они живут в Большом Оленеве, то у них должна быть в хозяйстве оленуха! Герда стала любимицей всей деревни, по улицам которой гуляла безбоязненно. Затем Блиновы приобрели жеребенка – так в Большом Оленеве впервые за много лет появился конь.

Предупреждения соседа о жестоких зимах Елена вспомнила два раза. Как-то пригласили детей на новогоднюю елку в школу села Хахалы. Елена с маленькими Ваней и Левой осталась дома, а с Василиной, Все-володом и Светославом в Хахалы отправился отец. Возвращались вечерним автобусом, но когда пошли пешком от Сутыря к Большому Оленеву, то начался такой сильный снегопад, что от дороги и следа не осталось. Сергей понял, что они заблудились, позвонил жене, попросил выйти к окопице и посветить фонарем. Елена оставила в доме спящего Ваню, укутанного в одеяло Леву положила в плетеные санки, в которых

В семье Блиновых скучно не бывает

обычно возили дрова, впряженясь и пошла сквозь метель к околице. Сильный ветер едва не сбивал с ног, снег слепил глаза, тяжелые санки затрудняли движение. Но Елена добралась до околицы, стояла и светила фонарем, пока не появились муж и дети...

Вторая история случилась в конце марта. Елена была на вось-

мом месяце беременности. Она не углядела за 2-летним Иваном, который увязался за старшими братьями, побежавшими в лес. А братья его не заметили. Иван отстал от них, добежал до леса, встал и плачет. Елена стоит в нескольких метрах от него и подойти не может. Ребенка наст держит, а беременная женщина сразу проваливается в

Какое
удовольствие
собраться
у костра!

глубокие сугробы. Мужа в тот момент дома не было. Хорошо, на крик прибежал сосед Николай Мартынов. Принес лыжи, добрался до Ивана и принес его матери. А Елене от переживаний плохо стало, пришлось звонить мужу, чтобы он срочно вернулся. К счастью, тогда все обошлось...

Весной на огороде Блиновы сажают сельдерей, батат, репу, редьку, капусту, огурцы, морковь, тыкву, кабачки, картошку. Елена – большая любительница цветов – приспособила под клумбы развалившиеся деревянные лодки, обнаруженные детьми на берегу речки Чернушки, которая впадает в Керженец. Раньше реки разливались так сильно, что половодье достигало окраин деревни. А вот болотных топей, о которых писал Мельников-Печерский, Елена тут не нашла. Есть только Келейное Кривое болото, простирающееся до села Хахалы, которое относится к

Иван с конем
Дариком

особо охраняемым природным территориям. Местные жители называют его Сутырским. Елена там однажды заблудилась, а вот ее дочь Василина, которая сейчас учится в Нижегородском художественном училище, часто ходила на это болото, забиралась на высокую ольху и приманивала пару серых журавлей, подражая их крикам. Девушка даже картину написала, на которой она сидит на дереве и зовет птиц. Ее же кисти принадлежит зимний пейзаж Большого Оленева. На полотне – конь Дарик, запряженный в сани, в которые грузит дрова брат Всеволод. А сколько у Василины рисунков с изображением оленухи Герды! Когда та умерла, девушка обсадила ее могилу сиренью и спиреей. Места тут такие, что можно и кабанов встретить, и медведя. Косолапый недавно напугал Чечина, оставив следы на его пасеке. С того дня старик хо-

дит в лес только со свистком. «Сначала он ругался, советовал уехать, а когда у нас появились новые малыши, то ходил к нам в гости каждый день и просил у них ручку поцеловать. Так они ему нравились! – рассказывает про своего соседа Елена. – Он на гармошке хорошо играет. Жаль только, не зовут его никуда. Если у него что-то не

так с телефоном, то он бежит к Ивану. Сын тут всем бабушкам и дедушкам телефоны настраивает». В деревне давно уже стало обычным делом обращаться за помощью к Блиновым. Сергей помогает всем по хозяйству, для пожилых соседей он как «скорая помощь». К Елене приходят те, кому нужно сделать инъекцию или перевязку.

На зимнем пейзаже Большого Оленева кисти Василины Блиновой дрова занимают видное место

НА МЕСТЕ СКИТА

О том, что они живут на месте, где когда-то располагался Оленевский скит, Елена и Сергей узнали случайно от своего бывшего однокурсника по биофаку, Сергея Сурова. Он который год в Государственном природном биосферном заповеднике «Керженский» руководит программой по восстановлению северного лесного оленя (см.: «Русский мир.ru» №2 за 2019 год, статья «Мечта о северном олене». – Прим. ред.). Приехав впервые в гости к своим друзьям, Суров огляделся вокруг и сказал: «Так это и есть тот самый знаменитый Оленевский скит?» С романом Мельникова-Печерского «В лесах» Елена познакомилась, когда они с мужем жили еще в поселке Сосновка в Уренском районе. Книгу она нашла в заброшенном доме. До этого про керженских старообрядцев не знала ничего. Даже когда местные бабушки супругам сообщили, что на месте Большого Оленева стояла Пальцевская обитель, Блиновы не придали этим словам особого значения. «Первое, что нам сказали, когда мы сюда приехали,

что вон там клад зарыт! – вспоминает Елена. – На том месте нашелся большой черный крест из латуни».

Лишь позже из книг, взятых в городской библиотеке, Блиновы узнали, что начало Оленевского скита связано с именем

Велосипедов у Блиновых целый парк, а еще у них есть голубятня...

святого Макария Желтоводского, основавшего в 1434 году монастырь в устье реки Керженец. Но в 1439-м обитель была разорена войсками хана Улу-Мухаммеда. Большинство иноков были убиты, остальных, включая Макария,вели в плен в Казань. Однако вскоре хан отпустил Макария и монахов. Преподобный повел людей к реке Унже, где в 1439 году возник Макарьево-Унженский монастырь. Но не все иноки ушли с Макарием к Унже. Часть из них осела на правом берегу Керженца, где и был основан скит, который одни называют Оленейским, а другие – Оленевским (по преданию, на этом месте Макарию явился олень, что преподобный расценил как знак свыше. – Прим. ред.).

В XVII веке обитатели скита не приняли церковные реформы патриарха Никона и давали приют беглым священникам, также ушедшим в раскол. Скит пережил «Питиримово разорение», но все же был закрыт властями в 1737 году. Возродился он спустя четверть века – после изданного в 1762 году указа Екатерины II, прекратившего преследования старообрядцев. В начале XIX века Оленевский скит был одним из крупнейших на Керженце. В 1834 году по указу Нижегородского губернского правления был составлен план скита с обозначением обителей и келий: в нем на площади в 71 десятину проживали 432 человека. «Нынешняя деревня занимает лишь незначительную часть той территории, на которой располагался скит», – объясняет Елена, показывая карту скита XIX века, которую нашел кто-то из друзей-историков Блиновых.

В 1853 году в империи вышел закон об упразднении «противозаконных раскольнических соборищ», в том числе скитов и монастырей. Спустя два года жители Оленевского скита, где оставались 1 схимонахиня и 48 инокинь, были переселены в Улангерский скит. В отчетах 1857 года скит Оленевский чис-

лится «бывшим», однако священники города Семенова в рапортах отмечают, что многие «скитницы упраздненного скита проживают по месту прежней прописки». Каждая обитель скита имела свою настоятельницу, по имени которой она и называлась. Так, обитель Пальцевская получила название по имени игумении Лампиады Пальцевой. «Узнав, в каком месте мы оказались, — вспоминает Елена, — мы испытывали какой-то трепет по отношению к тем людям, которые тут веками жили и молились. Когда дети подросли и мы как-то обустроились, то стали обращать внимание на все, что связано со старообрядчеством».

Блиновы еще застали в живых старообрядку Софью Александровну Шажкову, которая строго допрашивала их, какой они веры. Называть себя приверженцами старообрядчества они не спешили. Но, пожив тут, Елена считает, что чувствует духовное родство с наследницами Оленевского скита.

СТАРЫЕ КРЕСТЫ

...По просьбе мамы Иван приносит большую картонную коробку. Как выяснилось, принадлежит она Светославу, который учится сейчас в техникуме в Нижнем Новгороде. Вообще-то он не любит, чтобы в нее кто-то заглядывал без его разрешения, но Елена готова сделать исключение. В коробке хранятся старые медные и латунные крестики, распятия и детали икон. Их нашли во время работ на огороде. Вот, к примеру, большой наперсный крест, видимо, принадлежал настоятельнице обители. Он носился поверх одежды, а потом прибивался к деревянному кресту на могиле. Когда крест стгнил и упал, наперсный крест оказался в земле. Елена предполагает, что наперсный крест принадлежал последней настоятельнице Пальцевской обители, Лампиаде. Найден он под старой рябиной, под которой, по некоторым сведениям, и была захоронена Лампиада Пальцева. Елена попросила

Николай Петрович Чечин показывает детишкам Блиновых старинное надгробие, оставшееся от старообрядческого кладбища времен Оленевского скита

сына никому эти находки не отдавать. И пока Блиновы живут на территории бывшего Оленевского скита, эти кресты будут оставаться здесь.

На следующее утро мы с Еленой отправились на кладбище Большого Оленева, где старые старообрядческие кресты с голбцами соседствуют с обычными. Но

сначала мы зашли к Николаю Петровичу Чечину. Напротив его дома лежат два могильных камня со старообрядческого кладбища. 83-летний старик помнит, как еще ребенком бродил по нему и собирал медные таблички. Николай Петрович рассказал, что в детстве его водили в моленный дом, где строгая женщина в черном одеянии говорила мальчишкам: «Выплюю ремнем, надеру вихры, идите молиться!» Этот моленный дом еще лучше помнит 85-летняя Зоя Серафимовна Цедиленкова. Ее с подругой Клавдией взяла к себе в ученицы Мария Абрамовна Стройнская, которая до своей смерти в 1952 году проживала в доме у въезда в деревню. Его считали скитским. Мария Абрамовна носила тем-

Свидетели скитской жизни

ную одежду и платок «на распутьинку». В доме стены нескольких комнат были увешаны иконами, сохранившимися еще со времен Оленевского скита. Они снимались со стен только тогда, когда в Большом Оленеве

во время засухи проводились крестные ходы. После смерти Марии Абрамовны иконы были разданы жителям Большого Оленева, позже некоторые из них передали в старообрядческий храм Николая Чудотворца

Автор романа «В лесах» П.И. Мельников-Печерский, когда приезжал в Оленевский скит, видел его другим

в Семенове. За могилой Марии Абрамовны следит сын Зои Серафимовны Андрей. Высаживает цветы, подновляет крест с голбцом. Сама старушка бережно хранит дома лестовку, оставшуюся от матери.

...На старом кладбище Большого Оленева тихо и сумеречно – свет плохо пробивается сквозь ветви высоких сосен. Почти на всех старых крестах одни и те же фамилии: Чечины, Цедиленковы, Серовы. «Вот, не зря сходили, – тихо говорит Елена. – То, что Мария Абрамовна выбрала двух девочек в качестве учениц, это для меня новая информация. Сколько раз ни говоришь с ней, всегда что-то новое узнаешь. Сейчас жалею, что мы не записали рассказы бабушек, которых застали еще живыми».

Елена оглядывается вокруг, всматриваясь в имена на крестах. Еще во времена первого при-

Крест с этой табличкой поблизости от дома Блиновых

езда в Большое Оленево, когда Блиновы изучали окрестности, они пришли на это кладбище. И случайно наткнулись на старый крест с латунной табличкой. Елена говорит, что ей запомнилась надпись на ней: то ли «Флёна Васильевна», то ли «Флёна Васильева». А позже Елена перечитала роман Мельникова-Печерского, в котором одна из главных героинь носит имя Флёнушка, и вспомнила о кресте на кладбище. Не раз она его искала, но так и не нашла. То ли табличка с креста упала, то ли крест стенил, то ли заросло то место бурьяном и кустарником.

Конечно, вряд ли это могила той самой Флёны – лукавой и озорной героини романа, любимицы матушки Манефы из Комаровского скита. Да и то ли это кладбище? Юрий Прилуцкий пишет, что Мельников-Печерский в романе дал героине вымышленное имя, настоящее же имя прототипа Флёнушки – Александра. Более ста лет назад скитница, проводившая Прилуцкого до могилы, рассказала гостю любовную историю, поч-

Сегодня об
Оленевском
ските
напоминают
только кресты

Пруд вырыли
на случай
лесных
пожаров

ти совпадающую с историей, описанной у Мельникова-Печерского. Прилуцкий добавляет лишь один мрачный штрих: «На другой день по пострижении на рассвете в келью к Флёнушке пробрался ее любовник, сначала лаской и уговорами склонял ее бежать из скита, но потом, когда Флёнушка резко и наотрез ответила ему на предложение, зверски изрубил ее топором... Трудно разбираемая надпись на надгробии гласила о печальной развязке романа...»

КЕРЖЕНЕЦ

Перед отъездом из деревни Большое Оленево я решил взглянуть на устье речки Санохты, к которому летом 1890 года причалил писатель Владимир Короленко, желавший увидеть обители Оленевского скита. Сопровождать меня на Керженец вызвался Иван. Мальчик натягивает высокие резиновые сапоги, с сомнением смотрит на мои ботинки и предупреждает, что нам предстоит форсировать глубокие

Иван Блинов
опытный
проводник по
окрестностям,
талантливый
изобретатель
и верный
помощник
своих
родителей

лужи. Входим в лес. Иван сетует, что в этом году было мало грибов, а затем неожиданно спрашивает, не знаю ли я, что означают красные цифры, которыми помечены некоторые березы. «Не знаю», — признаюсь я. Мой ответ его разочаровывает.

Помолчав, он сообщает, что вообще-то любит ходить босиком. Летом он босиком доходил почти до самого Керженца. Заметно, что Иван рад возможности поговорить с новым человеком, рассказать о всех мало-мальски значимых событиях в его жизни. Вот, говорит, зимой в сильные морозы топят печи два раза в день. Такое бывает часто. И тут же добавляет, что дрова на эту зиму заготовлены в нужном количестве. Затем объясняет, что дорогу, по которой мы идем, весной затопляет — вода из Санохты поднимается. А на самой Санохте бобры плотину построили. «Вон там бобры орудуют!» — кричит Иван, заприметив поваленное дерево. Потом показывает лабаз, устроенный охотниками на другом берегу реки. Иван охотников не жалует. Он, как и

его мама, очень любит животных. Даже змей. Течение Санохты заметно ускоряется, в густых зарослях деревьев виден просвет, блестит вода... Русло делает поворот —

Елена благодарна Большому Оленеву за те счастливые годы, что он подарил ее семье

и вот наконец устье. Керженец течет медленно, заросшие лесом берега реки круты. «Священным Иорданом» называли Керженец пришедшие сюда первые раскольники.

Где-то здесь писатель Короленко, оставив лодку на берегу, прошел пешком до Оленевского скита. Описывая почти заброшенное поселение, он с горечью отмечал: «Умирает исконная старая Русь... Русь древнего благочестия, Русь потемневших ликов, Русь старых исправленных книг, Русь скиотов и пустынного жития, Русь старой буквы и старого обряда, Русь, полная отвращения к новшествам и басурманской науке... Умирает старая Русь, так стойко державшаяся своим фанатическим усердием против не менее фанатического утеснения... Теперь она умирает тихою смертью, под широким веянием иного духа... Гонения она выдержала. Не может выдержать равнодушия...»

Мы с Иваном тронулись в обратный путь. Предания старины ему, конечно, не интересны. Мальчик с увлечением рассказывал, как недавно он с младшим братом без помощи взрослых запустил самодельную гидростанцию на Санохте. В узком месте русла поставили две доски, пустили поток на самостоятельно смонтированное колесо с лопастями. Вырабатываемую энергию направили на устройство, которое мальчики установили на дереве. Полученных вольт достаточно, чтобы зарядить смартфон, фонарик или переносной аккумулятор. Правда, вода колеса сбила, но Иван его отремонтировал и скоро переустановил. Зимой Санохта в этом месте не замерзает, так что запасом электричества Блинновы будут обеспечены.

Рассказывая о планах, маленький изобретатель в старых резиновых сапогах шагал так быстро, что я едва поспевал за ним. Да и за его полными юной свежести и задора мыслями... ☺

ПРОСТО МАМА

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

МАРИЯ МАЛОВА. ИЗ ПЕРВЫХ СЛОГОВ ЕЕ ИМЕНИ И ФАМИЛИИ СКЛАДЫВАЕТСЯ СЛОВО «МАМА». ЕЕ ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ – МАРНОВА: ОПЯТЬ, КАК НИ КРУТИ, ПОЛУЧАЕТСЯ «МАМА»... НАВЕРНОЕ, ТАКОЙ «РЕБУС» В ЕЕ ИМЕНИ НЕСЛУЧАЕН. ОНА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МАМА, НАСТОЯЩАЯ МАМА. ПРИЧЕМ НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ РОЖДЕННЫХ ЕЮ ДЕТЕЙ. В СЕМЬЕ МАЛОВЫХ ПОМИМО ЧЕТВЕРЫХ КРОВНЫХ РАСТУТ ДВОЕ УСЫНОВЛЕННЫХ ДЕТИШЕК С СИНДРОМОМ ДАУНА.

МОЛОДАЯ, ВЕСЕЛАЯ, энергичная – Маша все делает быстро, двигается стремительно и при этом от нее веет уютным теплом. Таким, какое и должно исходить от настоящей мамы. О своей семье она говорит просто и спокойно и никаким подвигом усыновление особенных детей не считает. ...Сначала у Маши и Вячеслава родился Ваня. И почти сра-

зу родители задумались о втором ребенке. Но случился выкидыш, и Маша стала уговаривать супруга усыновить малыша – переживала, что больше не сможет родить. Однако возможности взять приемного ребенка на тот момент не было: для усыновления нужно иметь определенный социальный статус, владеть хоть какой-нибудь недвижимостью. «Мы были бедны как церковь

ные мыши, – смеется Мария. – Усыновить мы никого не могли». В то время молодая семья только перебралась из Москвы в Касимов, жила на съемной квартире и никакой собственностью не обладала.

Спустя четыре года после первенца у Маловых родилась Матрона. «Когда я была беременна Матрежей, меня преследовала мысль, что с ребенком будет что-то не так. Я много раз слышала, как у пар, которые долго хотели второго ребенка, малыш появлялся с особенностями. Почему-то я решила, что у нас будет именно так», – вспоминает Маша. – Я постоянно читала о возможных болезнях и была готова ко всему. Когда Матреша родилась абсолютно нормальным ребенком, я даже переспрашивала у врачей: «Как – все в порядке? Помимите внимательнее». Я всегда боялась: мы так ее ждем, она наверняка будет особенной. Она, конечно, особенная, но в другом плане: заговорила в полтора года, сама научилась читать, очень старательная, всегда добивается поставленных целей, волевая».

ВСЕ-ТАКИ НАШ...

Вскоре после появления Матреши семья обрела собственный дом. «Как только у нас появилось свое жилье, муж мне сказал: вот теперь можно подумать и об усыновлении. Я сначала удивилась – Матреша совсем маленькая. А он мне: «А чего тянуть? Ты же постоянно мне говорила, что где-то плачет наш ребенок». Я думаю, пока предлагают, надо соглашаться», – с улыбкой вспоминает Маша.

Когда Маловы пришли в опеку с крохотным малышом на руках, на них, конечно, посмотрели с удивлением. Но они от своего решения не отступили. Прошли обучение в школе приемных родителей – Маша и сегодня с благодарностью вспоминает те уроки, которые морально подготовили к предстоящим трудностям и до сих пор помогают справляться со многими проблемами.

«Я всегда хотела близнецов и мечтала, что мы возьмем малыша и они с Матрешей будут как двойня. Моя мама говорила, что лучше взять ребенка по возрасту ближе к Ване, – рассказывает Маша. – Но я почему-то не могла смотреть базу таких детей. Открываешь эту картотеку, и перед тобой мелькают личики. Как можно выбрать? Вот он вынырнул из огромного океана детского горя, ты мог дать ему семью, он мог стать твоим, но ты его пролистнешь... Ну, к примеру, цвет глаз не понравился... Но ведь это не магазин. Поэтому мы готовились к усыновлению, но базу данных я не смотрела. У моей мамы более крепкие нервы, я попросила ее подобрать внука. Доверила это воле Божьей – если ребенок наш, он все равно будет нашим».

В этот период семья Маловых была занята на строительстве церкви во имя мученика Никиты в поселке Ташенка – местные жители собрали деньги иозвели храм. Поэтому молитвы семьи были обращены к святому Никите, родители думали, что и ребенок у них будет Никита. И мама Маши вскоре нашла

Остается только удивляться, как у мамы хватает сил на шестерых детей, дом, театр, общественную деятельность...

Самой младшей, Ксюше, достается больше всего любви – от каждого в этой семье

3-летнего мальчика, которого звали Никита. «Такой мальчишка чудесный, – сказала мама. – Просто удивительно, что его никто до сих пор не забрал».

ПОД ПОКРОВОМ МУЧЕНИКА НИКИТЫ

Маша представляла, как будет водить Ваню с Никитой в бассейн, как они будут гулять, общаться с друзьями. Она посмотрела фотографии и видео с Никитой, и вот тут-то пригодился опыт, приобретенный во время второй беременности: она сразу увидела, что у мальчика синдром Дауна. Рассказала супругу, но он сказал только: «Ну, он же Никита. Значит, это тот, о ком мы попросили». Мама Маши очень переживала: как она, акушерка с двадцатилетним стажем, просмотрела характерные признаки? Просила передумать, взять другого малыша. Но ни Машу, ни ее мужа диагноз не испугал. «Сейчас с такими детьми активно работают, решила, что будем заниматься – не зря же я педагог по профессии. Хотя, конечно, страх был, – признается Маша. – И даже когда приезжали к Никите, была небольшая тоска, я все думала: ну почему ты с синдромом? С другой стороны, понимала: не было бы синдрома, и его бы здесь не было». Маша признается, что и у нее, и у мужа были небольшие сомнения до того момента, пока они не увидели Никиту. «Когда мы приехали,

его вывели за руку, он так обрадовался. Это был какой-то взрыв эмоций, – с нежностью вспоминает Маша. – И когда мы его увидели, я, может быть, и сожалела о его состоянии, но сомнений в том, что он наш, не было. Еще я сожалела о прошедших годах, когда он был без нас... Потому что он перенес серьезную операцию на сердце и был в тот момент один. У него был страшный порок сердца. И рядом не было мамы... От него, видимо, отказались, когда подтвердился диагноз. Просто удивительно, что Никита после стольких испытаний остался открытым ребенком. Думаю, если бы он сразу был дома, у него было бы совсем мало отличий от обычного мальчика – они были бы минимальны».

Сейчас Никита учится в средней школе, неплохо говорит. Хотя, конечно, пережитое не прошло бесследно: психологических проблем у него хватает, поэтому мама постоянно на связи с психологами. «Несмотря на все трудности, Никита был совершенно очаровательным малышом, а с годами стал еще очаровательнее», – говорит мама. Про Никиту она может рассказывать долго, вспоминая упорные занятия и период привыкания. Они сразу решили, что ребенка усыновят – опека здесь не подходит. Супруги вспоминали страшную историю, как у знакомых забрали находившегося под опекой ребенка: их сыновья – кровный и приемный, оба с синдромом Дауна –росли как близнецы. Трагательную историю про особенных братьев показали по телевизору. Когда родные родители приемного мальчика увидели сюжет про счастливых солнечных двойняшек, поняли, каким смыслом растет сын, решили вернуть ребенка себе. Форма опеки оставляет такую возможность. И братьев, которые всегда были вместе, разлучили. Пережитую каждой трагедию не описать. Чтобы не

Мария Малова считает, что есть общие черты, которые объединяют людей с синдромом Дауна: их природная душевная озаренность и эмоциональная чуткость

испытать ничего подобного, Маловы сразу решили оформить усыновление, ликвидировав какую бы то ни было разницу с кровными детьми. Прошли процедуру судов и

стали настоящими родителями для Никиты.

«Когда мы увидели его в детском доме, он был маленький и круглый, как шарик. За год он у нас вытянулся на 20 сантиметров, стал высоким, изменился до неузнаваемости», – говорит Маша. Конечно, она активно занималась с Никитой, стала искать родителей с такими же детками в Касимове, в Рязани и вскоре узнала об организации «Добрые сердца», в работу которой сразу влилась. «Благодаря информации удалось переломить ситуацию с отношением к детям с синдромом Дауна. Сейчас есть определенная процедура, как сообщить маме о диагнозе ее малыша. Раньше говорили: «У вас даун». И многие мамы пугались и отказывались даже взглянуть на ребенка. Сейчас сначала обязателен контакт мамы и малыша, а уж потом информация. И даже то, как ее подать, имеет значение. «Родители отказываются от таких детей, потому что боятся. А когда есть поддержка, это переносится намного легче», – объясняет Маша. – И когда начала работать организация, у нас прекратились отказы».

Маша и Вячеслав познакомились еще в школе, на спектакле, в котором играли роли супружев

МЛАДЕНЕЦ С ВЗРОСЛЫМ ВЗГЛЯДОМ

За двенадцать лет работы «Добрых сердец» все малыши с синдромом оставались в семьях. Кроме одного случая. Руководитель организации позвонила Маше с просьбой помочь найти хотя бы временных родителей для новорожденной девочки, от которой отказалась родная мать и которая угасала на глазах. И Маша не задумываясь ответила, что они возьмут девочку. «У меня сердце затрепетало, по-другому не могу сказать, – делится Маша. – Как говорят, все захолонуло». Наверное, сердце мамы и не могло по-другому. Девочке было совсем плохо, она теряла вес, таяла на глазах. «Когда мы первый раз ее увидели, она весила 1 кило-

грамм 900 граммов, хотя родилась 2 килограмма 500 граммов. Сима лежала в палате, в самом дальнем углу. Заходишь, лежит существо – совсем бледное, малюсенькое. Крохотный кулечек. И совсем не детские глаза, которые как будто смотрят в душу, – вспоминает Мария. – Я взяла ее на руки, а она совсем кроха, как кукла. Я держу эту малышку, хочется прижать ее к себе и сбежать. Муж потом признался, что и у него было желание унести ее с собой. С этого момента у меня как заноза поселилась в сердце – быстрее бы ее забрать». К счастью, оформить все удалось очень быстро. 7 ноября будущие родители первый раз увидели Симу, а 22 ноября уже забрали домой. В нача-

ле 2016-го усыновили Никиту, а к концу года – еще и Серафиму. «Симочка впервые улыбнулась только в полгода. И то не мне, а Ване. До этого смотрела на нас как партизан на фашистов, – смеется Маша. – Мне все время казалось, что она спрашивает своим пронизывающим взглядом: «Где ты была?» Иногда мне хочется, чтобы ее мама увидела, какая она хорошая. Но потом сама себя одергиваю: лучше, чтобы не видела. Я вот все время думаю: люди, зачем вы отказываетесь от своих детей? Это такая глупость, – говорит Маша и показывает фотографии Симы. – Она просто солнышко, она так всех любит. А какая она красивая, хотя собрала почти все стигмы, то есть характерные признаки синдрома Дауна».

С того момента, когда Сима впервые улыбнулась, все пошло хорошо. В детсаде ее обожают – она охотно всем помогает, много знает, много умеет, вот только речь отстает. «Она знает буквы, ищет знакомые и читает по ним. Если у Никиты дизартрия (нарушение произносительной стороны речи. – Прим. ред.), то у Симы алалия (отсутствие или недоразвитие речи у детей при нормальном слухе и первично сохранном интеллекте. – Прим. ред.), надо речь «вызывать», активизировать мозг», – объясняет Маша. Она – почти профессиональный логопед; к своему филологическому решила получить еще и образование дефектолога. А «почти» – потому что не смогла окончить последний курс, хлопоты с детьми совсем не оставили времени на учебу, но Маша планирует все-таки завершить обучение. С проблемой Никиты Маша справилась, с Симой продолжает много работать, сейчас они пытаются изучать жестовый язык. Жесты могут помочь развернуть ее речь, – объясняет Маша. – Я согласна, чтобы был хотя бы жестовый язык, но чтобы она могла высказаться, выразить свои эмоции. Это минимум, ну а максимум – чтобы она могла пространно выразить мысль». И мама верит, что это возможно, а вера мамы, как известно, может горы свернуть...

ТАКИЕ РАЗНЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

Вскоре после появления Симы у Маловых родилась Люба. И вот тут сбылась мечта Маши о близнецах. Они разные во всем, даже внешне контрастные – светлая и темная, но у них сложилась своеобразная близнецowość. «Когда Любочка родилась, Симе был 1 год и 2 месяца, она еще даже не ходила, была ползунком. Пошла она к 2 годам, и вскоре после нее пошла и Люба. Я их вместе таскала на руках, радовалась, что сбылась моя мечта о близнецах, правда, моя спина об этом, видимо, не мечтала», – смеется Маша. Сейчас такие разные близнецы Сима и Люба живут в одной комнате, вместе ходят в садик, скоро пойдут в один класс. Похоже, самим близнецам вместе очень комфортно – жизни друг без друга они не представляют.

Через три года после Любы родилась Ксюша – самая младшая Малова. «Многие думают, что маленькой тяжелее всего – детей так много, что на нее совсем нет сил. На самом деле ей достается больше всего любви – от каждого члена семьи, – делится Маша. – Самое затратное время на детей у меня было, когда у нас был один ребенок, потому что помимо того, что его надо было кормить, мыть, одевать, с ним надо было играть не переставая – он занимал 100 процентов моего времени. Помню, приезжала к маме в гости, он убегал с детьми – у мамы тоже маленькие дети, и я чувствовала себя непривычно: у меня освобождались руки».

А у бабушки с дедушкой и правда много детей. Вообще, про семью Машиных родителей можно написать отдельную статью: в ней 9 детей. Первой родилась Маша, потом ее брат. Из-за осложнений во время родов брат родился с серьезными проблемами, и маме сказали, что детей у нее больше не будет. А она всегда мечтала о большой семье. И тогда родители приняли решение об усыновлении. Кстати, Маша принимала в этом активное участие – ей на тот момент было 15. Сегодня старшему из Машиных приемных братьев 16 лет, самой младшей сестре – 6.

Многим
трудно понять,
почему
коренные
москвичи
променяли
столицу на
провинцию.
А для Маловых
родными
стали Касимов
и Рязань

В семье
Маловых
главный
приоритет –
дети

Наверное, потому для Марии настолько естественной была тема усыновления. «Я всегда хотела много детей. Когда была маленькая, всегда рисовала комнатку, где спят родители и дети, и представляла, сколько кроватей можно поставить», – вспоминает Мария. – Всегда мечтала о большой семье, хотя я, конечно, люблю путешествовать, люблю яркие впечатления, общение. Но дети – это приоритет».

Первенцем в семье Маловых был Ваня, а вот кого считать вторым – вопрос спорный. С одной стороны, родилась потом Матрона, но при этом Никита старше Матроны, а появился он в семье чуть позже. Эта небольшая путаница никого не смущает, тем более потом все пошло своим чередом: следующей появилась Серафима,

следом за ней – Люба, а после нее – Ксюша. Кстати, имена для своих детей супруги выбирали задолго до их появления. Знали, что первым будет Ваня – в честь Иоанна Шанхайского, которому и молились еще до рождения сына. Матрона, Никита, Серафима, Любовь... Святые появлялись в жизни семьи Маловых сами собой, родители чувствовали их «кураторство». Ксюша, к примеру, родилась точно в день Ксении Петербургской... При этом святые покровители ощущались независимо от того, рожденные или усыновленные дети приходили в семью.

«ОСОБЕННЫЙ» ТЕАТР

Об усыновлении Маловы задумывались еще до появления собственных детей. Они познакомились в школе. Папа Маши, Сергей Марнов, – учитель истории, писатель, театрал, сам писал пьесы. Он организовал школьный театр, на одном из спектаклей которого и произошло судьбоносное знакомство. «Мы играли мужа и жену в пьесе по повести Фазиля Искандера «Кролики и удавы». Он был задумавшийся кролик, а я – его жена-крольчиха. У меня были игрушечные крольчата заткнуты за пояс, – вспоминает Маша. –

Маловы сразу
приняли в семью
приемных детей,
устранив все
различия между
кровными
и усыновлен-
ными

Имена для
будущих
детей Маловы
выбирали
заранее

Когда я его увидела, сразу поняла, что это он. Стали общаться, дружить». Маша и Вячеслав стали вместе ходить в храм, и это определило их будущую жизнь. Но это стало понятно лишь несколько лет спустя. Поначалу Вячеслав осваивал профессию программиста, но вскоре почувствовал – это не его. Оставил учебу, ушел в армию. А после службы понял, что хочет стать священником.

А потом они вместе с Машей решили отправиться в глубинку. Многим не понять такое реше-

ние двух коренных москвичей, но они своим выбором довольны. Направление подсказала сама судьба: много лет назад, когда Машина бабушка продала московскую квартиру, родители смогли приобрести первую машину и дачу. Но поскольку денег на Подмосковье не хватило, дача оказалась верст за 200 от столицы – в деревеньке Гиблицы в Касимовском районе Рязанской области... Туда Маша с родителями ездила лет с пяти. Поэтому когда Машин супруг стал священни-

ком, они, почти не задумываясь, распрошались с московскими благами и отправились в Касимов. «Город чудесный. Здесь замечательные, очень интересные люди. Это просто малый Питер, – с любовью рассказывает о новой малой родине Мария. – Когда возвращаюсь из поездки, мы въезжаем в Касимовский район, я уже чувствую себя дома. Здесь все родное, много знакомых. И когда я уезжаю, всегда жду, когда вернусь домой».

В этом маленьком, но очень уютном городке и обосновалась семья Маловых, пополнив ряды ярких и необычных касимовских обитателей. Отец Вячеслав служит в храме, с этого года пробует себя еще и в качестве школьного учителя – преподает историю. А благодаря Маше в мещерском городке появился театр, в котором играют особенные дети. «За последние десять лет Касимов сильно изменился, а сначала кружков для нестандартных детей у нас, конечно, не было. Были логопеды, психологи, бассейн. Но хотелось чего-то более творческого, хотелось найти единомышленников. Когда родители особенного ребенка приводят своего малыша в обычную среду, они сталкиваются с такой проблемой, как отторжение. Твой ребенок может слишком громко крикнуть, несвоевременно побежать... Тяжело чувствовать осуждение. Хотелось создать пространство, где мы будем свободны от этого, где дети смогут вести себя непринужденно», – рассказывает Мария Малова. – Мы с моей подругой, у которой сын тоже с особенностями, решили взяться за это. Обратились к логопедам, нам дали список телефонов особенных детей. С этого, можно сказать, и начался наш театр».

Мария обзвонила родителей и предложила попробовать сделать что-то для себя: не думала, что они будут выступать перед зрителями, просто хотелось, чтобы дети могли почувствовать себя успешными. Первой работой стала «Курочка Ряба». «Мы выбрали этот спектакль потому, что там минимум слов. Нерече-

вые детки были мышками, кошками, кто мог сказать несколько слов – говорил. У каждого была своя роль, – разъясняет режиссер Маша. – Поначалу у нас был ужас. Часть родителей даже откололась, побоявшись участвовать в таком балагане. Но мы продолжали репетировать. По большому счету, это был клуб для себя – так мы могли задействовать своих детишек. А потом нам дали возможность выступить на сцене, причем не просто так, а привели целый класс зрителей. И вдруг те, кто на репетиции никак не мог собраться, сконцентрировались, подтянулись – сцена подействовала волшебно. Наши особенные детки вдруг почувствовали себя артистами. И первое выступление прошло очень успешно. Это было 16 мая 2018 года – можно считать, что тогда наш театр «Добрые сердца» и появился». Творчество увлекло, сейчас постановки идут в режиме нон-стоп – один спектакль сдан, следующий на очереди. Причем особенные актеры справляются и с довольно сложным материалом: к примеру, прошлой постановкой была «Алиса в Стране чудес».

47-Я ХРОМОСОМА

Знаковым для театра стал спектакль «Хромосоня». Обычно Мария Малова берет то или иное произведение и адаптирует его для постановки. С «Хромосоней» все получилось иначе. Это постановка по книге Светланы Нагаевой, тоже мамы особенного ребенка, которая хотела доступно объяснить детям все про дополнительную, 47-ю хромосому – в книге это особая «обнимательная» хромосома. Светлана – мультипликатор, она сделала мультик об этом, но, увы, он так и не вышел на экраны. К мультфильму была написана музыка, которую Светлана передала касимовскому театру. Так что спектакль получился еще и с оригинальной музыкой. С «Хромосоней» труппа сначала побывала в Рязани, а потом касимовские предприниматели помогли собрать деньги, чтобы театр отправился на фести-

валь в Сочи. Оттуда актеры вернулись лауреатами первой степени. А соревновались они с детьми без особенностей. На следующий год театр «Добрые сердца» собрался покорять Питер, но пандемия смешала планы, поездку пришлось отменить. Но репетиции продолжались. Когда нельзя было собираться в закрытых помещениях, репетиции проходили на улицах города, на набережной. Там, к примеру, сняли «Сказку о рыбаке и рыбке», роль моря в постановке успешно сыграла Ока.

«Меня очень радует, что к нам нередко приходят родители с обычными, как принято говорить, «нормотипичными» детьми, просто потому, что им нравятся спектакли. Поэтому театр у нас по-настоящему инклюзивный. Мне кажется, это огромная польза для обычных детей – они видят таких разных людей и понимают, что те не стали отверженными из-за своих особенностей. Дети учатся воспринимать друг друга такими, какие есть, учатся взаимопомощи, – говорит Маша. –

Такие контрастные близнецы, Сима и Любя, всегда и везде держатся вместе

Каждый в семье
Маловых может
проявить себя

Меня часто спрашивают: как вы с ними управляетесь, в чем секрет? А никакого секрета нет. Мы просто создали для детей с особенностями благоприятную среду. Если прийти к нам на репетицию, то можно принять ее за балаган. Новые родители, которые приходят с детьми, смотрят поначалу на все это с опаской. Даже на генеральной репетиции может быть полный разнос, а во время выступления дети собираются, и все проходит хорошо». Сейчас Маша даже не может назвать точное количество поставленных спектаклей. Их много. А дети, которые в них участвуют, чувствуют себя настоящими артистами.

Год назад Мария Малова стала лауреатом Всероссийской премии «Особенное счастье» в номинации «Чужих детей не бывает» – ее дело получило заслуженную оценку. Как у Марии хватает времени и на театр, и на шестерых детей, и на домашнее хозяйство, и на общественную жизнь, знает, наверное, только она. «Конечно, что-то нам недоступно, но это «что-то» нас с мужем и без детей вряд ли бы привлекло. К примеру, мы бы не стали ходить по ночным клубам, даже если бы была возможность, – смеется

Маша. – А путешествовать можно и с детьми. Конечно, дальние поездки пока трудно планировать, но что-то посмотреть все равно можно. Мы мечтаем о поездке по России, хотелось бы увидеть Байкал и Дальний

Главное условие для понимания в семье – супруги должны смотреть в одном направлении

Восток. Но пока дети маленькие, это только мечты, надо, чтобы самому младшему было лет пять. Вот подрастут, надеюсь, сбудутся наши мечты о путешествиях. Очень хочется посмотреть Россию: дух захватывает, когда видишь, какая там красота за Уралом. Хочется все посмотреть, а потом вернуться сюда, домой...». В тихий и счастливый дом, в котором живут спокойствие, умиротворение и счастье. В семье Маловых есть главное условие для счастья каждого – любовь. Большая, безусловная. Все шестеро детей окружены ею, и нет никакой разницы, кто из них родился в этой семье, а кто был в нее принят. «Мы с мужем всегда думали, что у нас будут усыновленные дети», – говорит Маша. Вместе они уже много лет, и приемные дети в семье Маловых родителей появлялись на глазах будущего супруга. Кстати, он стал для многих из них крестным отцом, читал малышам сказки, вместе с Машей гулял с ними. «Так что у него тоже не было никаких предрассудков по поводу крови, генетики и тому подобного», – говорит Маша. – Мы были готовы взять ребенка другой национальности. Один из моих приемных братиков, к примеру, киргиз. Я и сейчас готова взять ребенка с другим цветом кожи – чем больше они отличаются от нас, тем интереснее». Маша говорит обо всем этом так легко, что невольно заряжает своим отношением к миру – после разговора с ней многое кажется проще и легче.

«В рассуждениях о крови и генетике меня удивляет один момент: а кто сказал, что твоя кровь будет хорошая? – продолжает Маша. – Ведь в роду у каждого из нас можно найти много всякого. Сколько проблемных детей вырастает в очень хороших семьях. Кровь не все определяет. Вот муж – он тебе по крови неродной человек, а становится самым родным. Так и с детьми. Был неродным – стал родным».

После такой простой формулы даже трудно что-то добавить...

В РУССКИЙ ЛЕС СО СВОИМ КРУАССАНОМ

автор

НАТАЛЬЯ РАЗУВАКИНА

фото

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ГДЕ ЖИЛЬ? А ЖИЛЬ В ЛЕСУ. ЕГО КОНДИТЕРСКАЯ LA FORET, ЧТО ПО-РУССКИ ОЗНАЧАЕТ «ЛЕС», РАСПОЛОЖЕНА В ОДНОМ ИЗ САМЫХ ЖИВОПИСНЫХ И БОЙКИХ МЕСТ ПЕРЕСЛАВЛЯ-ЗАЛЕССКОГО – В САМОМ ЦЕНТРЕ, У СЕРГИЕВА МОСТА. ЗДЕСЬ УТКИ И ЧАЙКИ, И АЛЛЕЯ ВДОЛЬ БЕРЕГА, ГДЕ СВЕТЯТ ВЕЧЕРАМИ СКВОЗЬ ЛИСТВУ ДЛИННОШЕИЕ ФОНАРИ, И КУПОЛА ЦЕРКВЕЙ – ВОТ ОНИ, РЯДОМ... АРОМАТЫ СВЕЖЕИСПЕЧЕННЫХ КРУАССАНОВ ВПЛЕТАЮТСЯ В АТМОСФЕРУ ДРЕВНЕГО РУССКОГО ГОРОДА НА УДИВЛЕНИЕ ГАРМОНИЧНО.

«ГДЕ ЖИЛЬ?» – В очередной раз оглядываюсь я и вижу его – как всегда, легкого, улыбчивого, с неподражаемым блеском ярких глаз... Но ему снова некогда, он подвижен как ртуть, он уже переговорил с шеф-поваром и менеджером – и растворился, оставив в воздухе флёр истинного французского обаяния. Или это просто запах кофе?

МАКАРОН И КАРТА МИРА

День, когда мы наконец встретились с Жилем Вальтером для обстоятельной беседы о жизни, оказался не самым удачным для La Foret: не получились макароны. В стенах кондитерской слово «макароны» автоматически читается правильно: нет-нет, не наши привычные мучные гарниры, а разноцветные таблетки миндалевых беze. Во

Франции их, кстати, покупают исключительно в подарок, здесь же – лакомимся сами... Так вот макароны как раз и не получились. Жиль разводит руками: осень! Резко изменилась погода, подул холодный ветер – и тесто среагировало! И шеф-повар обеспокоен, ведь технологию он нарушить не мог... Процесс священен, о нем Жиль может говорить долго и вдохновенно. О том, например, что крем для пирожных нельзя забыть на столе на десять минут, ведь свежесть продукции – дело чести. О том, что лишние 2 грамма соли на мешок муки сделают весь мешок непригодным для выпечки, хоть выбрасывай... Но мне хочется не про продукты, мне интересен сам Жиль, его линия жизни. И не зря я позвала поучаствовать в беседе и его Лику – русскую женщину, жену... Ведь – cherchez la femme?

Но нет. «Понимаешь, его история с Россией – это история не про нас с ним, не про наш союз, а про его самореализацию. У каждого человека есть своя карта мира. Того мира, где ему никто не будет крылья обрубать! Вот для Жиля этот мир – Россия», – объясняет мне Лика сразу самое главное, пока мы вдвоем сидим за столиком у окна в ожидании, когда Жиль закончит наконец ртутное движение среди гостей и сотрудников своей лесной полянки.

La Foret –
маленький
сладкий рай
на французский
манер.
Где хорошо
хозяину – хорошо
и посетителям!

ВЕЧНАЯ СВЕРХСРОЧНАЯ

...Ему 50 лет, а в России он – со студенчества. Родом из маленького городка в Эльзасе. Мама – учительница, папа – директор завода. Жиль поступил в парижский экономический вуз на факультет, связанный с международной экономикой. Когда же пришло время службы в армии, выбрал альтернативный вариант – службу по контракту на мирной ниве. В случае Жиля это была работа во французском посольстве в Москве.

Россия притягивала как магнит. Сведения о Советском Союзе как о далекой стране одинаковых людей, грустных и странных, полученные из школьных учебников, были перечеркнуты еще во время первого путешествия в Петербург, в начале 1990-х. А в Москве Жиль – экономический атташе Франции – оказался, зная всего лишь несколько русских фраз. Однако жить предпочел не внутри посольства, а среди москвичей, общаясь много и

жадно, к тому же и поездок по всем странам СНГ было предостаточно – и русский язык освоился сам собой. Пролетели 16 контрактных месяцев, и был заключен еще один контракт, и еще...

Постепенно контрактник-сверхсрочник понял: я здесь живу. В России. Но откуда все эти поджаристые круассаны и разноцветные пирожные, почему вдруг – кондитерская? Где карьера экономиста-международника, ведущего

французского специалиста по России? Неужели Жиль Вальтер, птица высокого полета, выбрал траекторию столь приземленную?

Такие вопросы могут возникнуть только в русской голове. Во всяком случае, не во французской. «Они не только очень любят покушать, у них отношение к еде – предмет национальной гордости! – рассказывает Лика. – И готовит дома Жиль почти всегда сам, я у плиты не стою, но даже не в этом дело... У них профессии, связанные с приготовлением пищи, чрезвычайно престижные и, как правило, мужские!»

Так что никакого шага назад – линия только на взлет, уверенная и прямая.

СНЫ О ЧЕМ-ТО БОЛЬШЕМ

Приземлившийся наконец у краешка нашего стола хозяин заведения разъясняет, что уважение, каким пользуется во Франции кондитер (не путать с пекарем и, тем более, с поваром!), сравнимо ну разве что с уважением к работе шахтера или сталевара у доменной печи здесь, в России. На кондитера во Франции учатся три года, причем половина времени это практика. И это работа, которую надо любить настолько, чтобы внутренне согласиться ею жить. Именно потому, наверное, в производственном цехе La Foret (здесь же, под крышей симпатичного желтого домика) персонал чуть ли не сплошь французский. Мест-

ные жители, впрочем, тоже проходят. Их берут и... увольняют. Или они увольняются сами. Менеджер резок: «Да потому что русские не любят работать! Не хотят и не умеют! Не выдерживают – по 70–80 часов в неделю, и объемы наши – это же не дома на кухне! И день зарплаты чтобы в начале алкогольной сессии не превращать! И вставать в пять утра – каждый день!» Жиль выслушивает горячий монолог своего товарища (русского, кстати) и снижает градус: «У меня некоторые русские и по 100 часов в неделю работали. И работать они умеют. Но француз живет для работы, а русскому надо понимать, что он делает и для чего, ему всегда надо что-то большее...»

Они уже не помнят, кому первому пришло в голову переехать в Переславль – Жилю или Лике

Кафе – уголок
Франции – вот
в этом желтом
доме у Сергиева
моста

Круассаны в любой французской кондитерской в Москве, или в Нью-Йорке, или, допустим, в Токио примерно одинаковы. И только в маленьком российском городке у Жиля Вальтера они не просто как в Париже, а как в лучшем парижском заведении. Да! Чуть не забыла: еще полсотни лет смахните для аутентичности. Это тот самый праздник, который всегда с тобой. Та самая Франция, которая – любовь и боль. Боль, потому как нет больше страны детства нашего героя, в чем он все глубже убеждается с каждым своим посещением родителей, оставшихся в далеком Эльзасе. Если б не они – и не ездил бы. «Ностальгии нет, вообще. Там каждый сам по себе, никто не гуляет по улицам вечерами... Есть районы, куда ни врач, ни пожарный не поедет – боятся. Там совсем мрачно». А в La Forêt – легко и ярко, и та самая Франция из песен и фильмов нашего детства... В противовес – и по велению души! Души владельца кафе, конечно. Ведь нужно быть французом, чтобы кондитерское дело стало делом чести, чтоб свою сказку в жизнь претворять – через добывание настояще-

го сливочного масла («только из Белоруссии, там еще советские ГОСТы!»), через тщательный выбор муки («годится и самая дешевая, местная, но надо дать отстояться – будет больше клейковины!»), через строгость гастрономической традиции, священного ореола вокруг которой русскому человеку ощутить, кажется, не дано. Это не хорошо и не плохо, просто такая ментальность. Мы в массе своей в отношении к еде – скорее, ванゴловские едоки картофеля. Жиль уже не удивляется, что в его кафе почти не заходят местные жители. Посетители – в основном туристы: приехавшие на пленэр художники или москвичи, снявшие здесь на лето домик... «Я открывал кондитерскую в 2016 году с расчетом, чтобы хоть раз в неделю люди, здесь живущие, приходили бы ко мне всей семьей, устраивали бы маленький праздник... Французы ведь тоже не едят пирожные каждый день, но вот раз в неделю – непременно! Цены у нас ниже московских, сдерживаю именно поэтому. Но – увы. Переславцы лучше купят раз в неделю торт за 300 рублей в супермаркете за углом, чем придут сюда...».

ВСЕ – В ЛЕС!

Тем не менее La Forêt в Переславле-Залесском – место особое, магически-притягательное для разного рода чудаков, не умеющих жить обыденно, от зарплаты до зарплаты. Здесь собираются художники, поэты, философы всех мастерий. Как-то темным холодным вечером зашел некто в длинном подряснике, отрекомендовался странствующим монахом и попросил чего не жалко, ибо денег нет. Не жалко для него оказалось большой кружки какао с маффином в придачу. Сидел, грелся, говорил-говорил... А еще кошка как-то все в окна заглядывала, являлась с неделю одна и та же. Была кошка ничья – стала Жиля и Лики. Первого своего кота, кстати, Жиль двадцать лет назад с дискотеки принес... «Он всех готов собрать, а собак наших балует как! То сыр у им, то колбаски, но им же нельзя! Очень животных любит, дома-то в детстве у него только птички были, а сейчас... так, пять кошек у нас, значит, и две собаки», – загибает пальцы Лика. Да что кошки. Недавно в цокольном этаже здания Жиль открыл бар – и статус клуба свободных людей теперь ощущается в La Forêt еще реальнее. Картины

В детстве у
Жиля была лишь
птичка в клетке.
А сейчас он
жизнь свою
не мыслит без
животных!

местных художников по стенам, библиотека редких книг (бери с полки, читай!), сцена – и оборудование отличное, хороший звук... Концерты, встречи, литературные вечера.

Интересно, что вокруг Жиля, в его уголке Франции у Сергиева моста, собрался круг людей, что оставили однажды мегаполисы и выбрали, ощущив как свою, ту же точку на карте России, что и Жиль. «Переславль – он же особенный... Кто сюда жить переберется, у того начнется все с нуля, и много испытаний пройти придется, но обязательно к новому выйдешь. К чему-то главному!» – делится Лика. Рассказывает, как долго они с Жилем искали место для будущей своей дачи и оказались здесь случайно в гостях. И купили домик – сначала холодный, летний... И как тянуло сюда из Москвы даже зимой, и притянуло. Перебрались совсем. А кафе назвали La Foret – так, потому что Переславль-Залесский! Москва рядом, на машине менее двух часов, – а будто и впрямь в лес уехали... В тот самый мифический русский лес, что служит тайной метафорой глубинного ухода от суety мирской. Ухода в себя. И к себе истинному, и к корням своим...

О ХОРОШИХ ПРОДУКТАХ, СВОБОДЕ И ЖЕНЩИНАХ

«Когда я, бывая во Франции, пытаюсь говорить о России, о свободе, о возможностях, которые открываются только здесь, то меня даже слушать не хотят, – с явной горечью говорит Жиль. – Мои ровесники, приятели-одноклассники, считают, что я обработан российской пропагандой. Но ведь в Европе утрачена даже свобода слова! Попробуй где-то изложить свои мысли о происходящем в мире, и если они будут отличаться от официальной линии государства – тебя уволят с работы, тебя просто никуда на работу не возьмут! А то, чем я тут занимаюсь, во Франции сейчас просто невозможно: задушат налоги. Да и работать так желающих все меньше, люди стали не те. Лет через двадцать останутся ли вообще настоящие кондитерские в Париже? Я говорю о России, о стране, где возможно свободно дышать, развиваться, делать свое дело, и меня слышат мои родители и люди их поколения. Они еще помнят другую Францию, они способны думать...».

Кофе остывает, круассан на блюдечке дразнит меня все сильней, и, решив уже закруглить беседу, я устраиваю небольшой

блеск. Всего три вопроса, и первый из них – про француженок. Как же не поговорить с французом о женщинах? Ох, лучше бы не спрашивала. Обычно ровно веселый Жиль вдруг начинает едва ли не кипятиться. «Это же очевидно, понимаешь, очевидно! Русская женщина – это женщина! А французская – давно уже не женщина! Как я могу относиться к существу, которое оскорбляется в ответ на мою галантность? Которое не дает заплатить за себя в кафе, открыть перед ней дверцу автомобиля, помочь надеть пальто? Сын моего друга учится в Париже в институте, завел роман с француженкой, и вот они разругались, когда он помог ей выйти из машины! Она оскорбилась, она начала материться! И это – женщина?!»

В разговор вступает Лика, горестно подтверждая, что массовая эмансипация лишает привлекательности и мужскую половину европейцев – ей приходилось видеть французского дипломата, даже не думающего уступить кресло вошедшей даме при отсутствии других мест для сидения... Казалось бы, мелочь, но женщина стала другом, товарищем и братом, одним из одинаковых пластмассовых человеч-

Эта пара органично вписывается в любой интерьер. Но пространство собственной кондитерской им особенно идет!

ков в мире, будто построенном из «Лего», и мир этот стал скучнее стократ... Где же французский шарм? «О, это уже миф!» Еще вопрос – о русских. Что же в нас главное – на его французский взгляд? Жиль призадумался. Молчал. А потом сформулировал четко: открытость и честность. Лика, прожившая в свое время во Франции год (тоже по контракту – работала с детьми и учila язык), дала свои пояснения. В западном мире статус человека важнее самого человека. К тебе относятся тем или иным образом исключительно в зависимости от твоего статуса. Тебе радуются или тебя не замечают, с тобой учатывы с прохладцей или тебе подобострастно заглядывают в глаза, только просканировав автоматически твой уровень потребления. Как одет, на чем при-

ехал, где работаешь, с кем знаком. В России же человек – это именно человек. А все остальное, все связи-должности-одежки – дело восемнадцатое. Тем более что и меняется все это – в одночасье. Отсюда и отношения. Мы живем все вместе под одним небом, мы готовы скорбеть вместе и вместе радоваться, и радоваться друг другу – просто так... Что европеишу и непонятно, и ошеломительно. После опыта жизни во Франции окунуться в наш российский мир бывает фантастически хорошо... Именно этот мир и оказался Жилю точно по мерке. Именно этот мир запечатлен на той самой личной карте его. Хотя думает он всю жизнь по-французски и сны видит – о детстве – эльзасские... «Мне не хватает здесь моих французских друзей, моих приятелей,

с которыми я вырос, – отвечает он на мой последний вопрос о нехватке привычного, – и еще не хватает... хороших продуктов! Но я ни секунды не пожалел, что переехал в Россию, потому что только у России сейчас есть шанс...». Жиль не договорил, что за шанс, потому что мы видим вдруг в окне огромную радугу, и выбираем на улицу, и смеемся, и говорим друг другу, что это – добрый знак.

А радуга такая красочная, толстая, как в пластилиновом мультфильме, стоит коромыслом над всем Переславлем-Залесским, над всеми нашими лесами, над лесом-La Foret... Цвета ее – яркие, как самые что ни на есть натуральные красители тех самых пироженок-макаронов, которые сегодня не получились. А завтра – получатся, точно-точно!

ТРИ ПАМЯТНИКА

автор

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

фото

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

АХ, БУДЕТ БОЛЬШОЙ ОШИБКОЙ ПРОСКОЧИТЬ, НЕ ЗАМЕТИТЬ, НЕ РАССМОТРЕТЬ СРЕТЕНСКИЙ БУЛЬВАР, ТОРОПЯСЬ К ЧИСТЫМ ПРУДАМ ИЛИ, НАПРОТИВ, ПОСПЕШАЯ К БУЛЬВАРУ РОЖДЕСТВЕНСКОМУ. КОНЕЧНО, ГИГАНТЫ БУЛЬВАРНОГО КОЛЬЦА ЗОВУТ, ПРИВЛЕКАЮТ, МАНЯТ, ТАЯТ, НО МАЛЫШ, БУЛЬВАР СРЕТЕНСКИЙ, ПО-СВОЕМУ УНИКАЛЕН.

КТО-ТО ИЗМЕРИЛ И ВЫяснил, что именно этот бульвар самый короткий в Москве – 214 метров... Поразительная точность замерщика. На глазок он соперничает только с бульваром Никитским,

бывшим Суворовским, – тот тоже совсем не длинный. Но есть у Сретенского бульвара и другая, абсолютно чемпионская цифра. Именно здесь расположена высшая точка семи холмов московских.

165 метров над уровнем моря. Сретенский бульвар – это такой московский Эверест.

Если вы замерли здесь на минутку, осознайте, товарищ: вы стоите на самой вершине исторической части Москвы. Выше Кремля. Выше дома Пашкова. Выше Ивановской горки... Понимаете? Вы стоите на самом пике Москвы!

А если немножко включить воображение... Кое-что вспомнить из школьной программы... Вот хотя бы из курса отечественной литературы.

Именно здесь осенней ночью 1912 года девятнадцатилетний экс-кутаисец Владимир Маяковский читает свои самые первые стихи уже признанному в узких богемных и художественных кругах, всегда уверенному

Тургеневская
площадь.
Оттепель.
Новогодние
украшения
в центре Москвы
стали традицией

Рождественский
бульвар, самый
крупный из
московских,
катится вниз
от Сретенских
Ворот к Трубной
площади

в себе тридцатилетнему Давиду Бурлюку. И слышит рык на весь бульвар:

– Да вы же гениальный поэт!
«Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженно-го эпитета обрадовало меня. Я весь ушел в стихи», – напишет он позже в автобиографии. Понимаете?! Вот здесь, где вы только что прикурили, родился 110 лет назад поэт Владимир Владимирович Маяковский. А сто лет назад другой будущий гений русской литературы, уже не такой и молодой, потрепанный Гражданской войной и тифом, экс-доктор, экс-киевлянин Михаил Афанасьевич Булгаков, выходит на бульвар из соседне-го большого дома и тяжко присаживается на бульварную скамеечку – уф, выбита первая

зарплата в ЛИТО, каких усилий
ему это стоило...

В «Записках на манжетах» он так вспомнит эти лихие времена: «Сегодня я получил деньги. Деньги!.. С момента начала со-
ставления ведомости до момен-
та получения из кассы прошло
22 дня и 3 часа».

Ну и, конечно же, как не вспом-
нить отрывок из «Золотого теленка»: «Через два месяца на Сретенском бульваре откры-
лось новое заведение под выве-
ской «Промысловая артель хи-
мических продуктов «Реванш». Артель располагала двумя ком-
натами. В первой висел пор-
трет основоположника социа-

лизма Фридриха Энгельса, под
которым, невинно улыбаясь,
сидел сам Корейко в сером ан-
глийском костюме, продерну-
том красной шелковой ниткой.
<...> В задней комнате находи-
лось производство. Там стояли
две дубовые бочки с манометра-
ми и водомерными стеклами,
одна – на полу, другая – на антре-
солях. Бочки были соединены
тонкой клистирной трубкой, по
которой, деловито журча, бежа-
ла жидкость. Когда вся жидкость
переходила из верхнего сосуда
в нижний, в производственное
помещение являлся мальчик в
валенках. Не по-детски вздыхая,
мальчик вычерпывал ведром

жидкость из нижней бочки, тащил ее на антресоль и вливал в верхнюю бочку. Закончив этот сложный производственный процесс, мальчик уходил в кортору греться <...> Александр Иванович и сам точно не знал, какого рода химикалии вырабатывает артель «Реванш». Ему было не до химикалиев. Его рабочий день и без того был уплотнен. Он перезжал из банка в банк, хлопочая о ссудах для расширения производства».

Да-да, именно сюда, на Сретенский бульвар, нагрянет через год (!) суровая комиссия и застанет здесь единственного работника артели, мальчонку двенадцати лет, и убедится: «Жидкость, так деловито журчавшая в клистрийной кишке, по вкусу, цвету и химическому содержанию напоминала обыкновенную воду, каковой в действительности и являлась».

Как современны Ильф и Петров, не правда ли? Ничуть не устарели.

* * *

В конце семидесятых годов прошлого века первые столичные хиппи частенько собирались у памятника Надежде Константиновне Крупской. Это называлось на их языке – «встретиться у Мадонны».

Ирония... Ничего от Мадонны в этом памятнике нет и быть не может.

Стоит, укутавшись в тяжелый, теплый, сибирский платок, молоденькая миловидная девушка. Даже не стоит, пожалуй, а идет, делает первый, решительный, определяющий всю дальнейшую жизнь шагок, вон, каблучок ботинка приподнят... Взгляд уверенный. Но тревожный. Что-то там ждет ее впереди? Ветер в лицо. Морозит от памятника, заставляет поежиться...

Конечно, прямоугольные гранитные доски, пилоны, поставленные вертикально до неба, с ее поздними цитатами не украшают, а нарушают композицию. Портят впечатление. Размывают образ. Да и кто их читает теперь, эти цитаты? Убрать? Нет,

Елка на
Тургеневской
площади.
В перспективе
здания
«Лукойла»

убрать их нельзя, памятник, это ведь тоже документ ушедшей эпохи...

Крупская на бульваре совсем не случайно. И она некогда выходила из дома, откуда недавно выходил Булгаков. Выходила с другим, начальственным настроением... Комиссариат проповеди, где ее слово – закон. Именно Крупская поможет Булгакову обосноваться в Москве на законных правах, поддержит его просьбу-мольбу о выделении квартиры.

А дом этот – всем домам дом, крепость, дворец, памятник архитектуры федерального зна-

чения, произведение искусства, имеет сразу три адреса, но главный из них – Сретенский бульвар, 6/1. Рассматривать дом снаружи можно часами. Он занимает целый квартал! Два корпуса. Шпили. Лепнина. Скульптуры. Башенки. Часы. Эркеры. Барельефы. Модерн. Эклектика. Смешение стилей.

Нарядный, огромный, надежный и уютный очаг песочного цвета, выстроенный как доходный дом главного в стране страхового общества «Россия» в 1902 году.

Дворовая чугунная решетка с вензелями и та – предмет изуче-

Памятник
Надежде
Крупской на
Сретенском
бульваре как
символ девушки,
ходящей
в революцию

Красавец-дом бывшего страхового общества «Россия» стоит на самом высоком месте Москвы

ния. Пока во дворе не прописалась могучая стая современных авто, киношники в очереди стояли, чтобы снять здесь кусочек дворянской жизни – экипаж, лошади цокают, ворота, извоз-

чик, фонарь, дворник, подъезд, дама под вуалью возвращается вечером домой из театра... Или с тайного свидания?

В дореволюционные времена в этом доме жили очень бога-

тые люди. Знаменитые ученые, преуспевающие адвокаты, распоропные дельцы, промышленники, банкиры... Только они могли себе позволить такую роскошь и набор удовольствий: потолки высотой 4 метра, огромные, девяностох комнатные квартиры со всеми удобствами, лифты, телефоны, горячая вода, отопление... Собственная мини-электростанция, работающая на нефти, собственная артезианская скважина для питьевой воды.

На рубеже XIX–XX веков эти места выглядят островком тишины и благополучия. Развеселая Грачевка ниже, Сухаревский шумный рынок – и того дальше, и уж совсем далеко, за популярными Чистыми прудами, притаилась Хитровка. А здесь под липами чинно прогуливаются

Знаменитый проходной двор знаменитого дома ведет со Сретенского бульвара в Бобров переулок

Бобров переулок
соединяет
Мясницкую
улицу
и Милютинский
переулок

дамы с изящными зонтиками, мужья которых, чисто выбри-
тые и пахнущие дорогим одеколоном, с самого утра делают
денеги.

В советские времена здесь рас-
положилась масса нужных но-
вой власти учреждений, включая
Главное управление артилле-
рии, куда как-то заглянул и Вла-
димир Ильич Ленин. Мемо-
риальная доска о том визите
напоминает.

Громадина дома поражает, он
всюду – и с бульвара, и с Бобро-
ва переулка, и с Фролова пере-
улка, и с Тургеневской площа-
ди – отовсюду виден, солиден,
могуч. Не дом, а учебник для
юных архитекторов и студен-
тов, задачка для фотографов,
поди сними ее грамотно, чтобы
в объектив влез... И ведь за три
года построили – на века.

Мой друг
и учитель Михаил
Юревич Быков
(1960–2020).
Постоянный
автор журнала
«Русский мир.ру».
Одна из
последних
фотографий...

А в домике по соседству, на первом этаже, в мутноватом оконце, приkleен нынче листок с крупными черными буквами и без всяких знаков препинания – «Дядька Кофе Тут». Тоже ведь своего рода ирония, спаси-
тельная дружелюбная ирония
наших дней.
Зайти, что ли?

* * *

Милютинский переулок. Быв-
шая улица Мархлевского. Вот
сюда ноги сами сворачивают.
Немудрено, именно здесь по-
стигал науку репортёрскую,
учился азам спортивной жур-
налистики в самом начале де-
вяностых годов. Или в конце
восьмидесятых? Какая теперь
разница...

Мой приятель и одновременно
наставник сказал однажды:

– Всё! Ухожу в «Московскую
правду». Есть вакансия. Про хок-
кей ваять. А ты, значит, зани-
маешь мое штатное место. Хва-
тит с тебя внештатной работы.
Будешь теперь в срочном по-
рядке обозревать в нашем род-
ном еженедельнике массовую
физическую культуру по месту
жительства. Полоса в неделю.
Понял?

Вид на Тургеневскую площадь, слева здание театра под руководством Александра Калягина

— Как — массовую... я же про футбол...

— Про футбол, — сурово сказал наставник, — каждый дурак напишет. Прочтется! Потому что про футбол. Ты научишься писать про физкультуру, причем так, чтобы читали. Понял?

— Понял.

— Ну а раз понял, дуй в Спорткомитет города. Улица Мархлевского, 18. Днём там и ночуй. Пригодится.

Наставника звали Михаил Юрьевич Быков.

Он ушел в «Московскую правду» ваять про хоккей, а я отправился в нынешний Миллютинский

переулок, в Спорткомитет города, где и в самом деле много чему научился. Потому что толково и грамотно «начирикат» 200 строк о плоскостных районных сооружениях, только что возведенных где-нибудь в Орехове-Борисове, или в Отрадном, или в Митине — это вам не про «Спартак»—«Динамо» ваять. Надо ведь, чтобы прочли. И не только создатели этих самых сооружений.

Спорткомитет города, ныне департамент, располагался на остатках бывшего имения купца и фабrikанта Миллютина, чьим именем и назван был переулок. Дух купеческий, предпринимчивый, победительный в этом здании никуда не делся. Я это почувствовал сразу. Тут все стремились победить, выиграть, обхитрить, разбогатеть, приумножить, а потому все были хорошо одеты, бодры, щустры, внимательны и часто улыбались.

К тому же наступали новые времена.

Рядом, в бывшей католической церкви, располагалось что-то угольное. На перекуре я обратил внимание, как блестит обувь этих угольщиков. Все они были при галстуках. И тоже улыбчивы, веселы. Туда-сюда сновали по усадебному двору темные «Волги».

На другой стороне бульвара расположилось кооперативное кафе. Не такое знаменитое, как на Кропоткинской, а для народа попроще. В заведении было два блюда — борщ московский и телятина на гриле. Стоячка! Очерь! Но вкусно! По-домашнему. Перекуры — на улице. Получив гонорар за массовку по месту жительства, приходил в эту «стекляшку» и приводил приятелей, которые тоже высоко оценили сретенскую кооперативную стряпню.

На останках усадьбы купца Миллютина в одноименном переулке расположены департамент спорта столицы [Москомспорт] и другие учреждения

«Стекляшка» не сохранилась, пала в боях за накопление первоначального капитала. Не сохранился и бар, в котором однажды немногочисленные спартаковские фанаты смотрели футбольный матч. Разведчик «коней», то есть цэсковец, посчитал зрителей матча по голосам и вскоре в бар ворвались фанаты ЦСКА, числом превосходящим... Не тут-то было! «Спартаки» устроили засаду. Охоту на живца. Зрители оказались приманкой! Через минуту из соседнего двора с ревом налетело большое и свежее войско красно-белых!

В пяти шагах от Лубянки прошла рядовая массовая фанатская потасовка тех удивительных лет.

Походы в Спорткомитет в самом деле пригодились.

Чтобы сократить путь от метро, я частенько ходил именно двором бывшего доходного дома страхового общества «Россия». Иногда ворота во двор были закрыты. Во дворе снимали кино из прошлой, дворянской жизни.

Поначалу памятник Владимиру Григорьевичу Шухову мне не очень понравился. Мне показалось, что создатель знаменитой башни, проектировщик нефтяных производств, мостов, специалист по железным конструкциям в строительстве уж больно оптимистично выглядит. Легковесно, неубедительно.

Плащ развеивается... под мышкой рулон чертежей... бодро этак шагает... чуть ли не улыбается... какие-то рядом его изобретения в миниатюре... неминуемо оторвут и сдадут в цветмет.

Какой-то Паганель... Или даже Айболит – сумки с красным крестом на боку не хватает.

А потом присмотрелся, привык. Почему, в самом деле, настоящий ученый должен быть показательно серьезен? Стоит ли ему так уж хмурить брови и напирать на значительность мрачным выражением лица?

Нет, не стоит! И поставлен памятник замечательно, в открытии бульвара. И пьедестал оригинальный, со смыслом.

И смотреть на Шухова хорошо именно с Тургеневской площади или от самого метро.

Прекрасно выбрано место. Я заметил, что нынешняя молодежь

собирается все чаще не у памятника Крупской, а именно здесь, у Шухова.

Как-то просвещенный бомж, прикорнувший неподалеку на лавочке и пробудившийся очень вовремя, чтобы стрельнуть сигарету, доходчиво мне объяснил:

– Этот памятник очень хороший. Нужный. Потому что дядька этот – большой человек! Он телевизор изобрел. Башню? И башню тоже он изобрел. Сначала изобрел телевизор, а потом и башню к нему. А как же. Куда ж без башни. Без башни нельзя...

От Шухова хорошо смотреть на Тургеневскую площадь. Площадь как большое чайное блюдце, наклоненное влевую сторону. Того гляди, разольется. Зато площадь у Мясницких Ворот беспокойства не вызывает, ровенькая, аккуратная.

Городские власти озабочились здесь десятком удобных переходов для пешеходов. От Шухова, от бульвара идешь напрямую до входа в метро, удобно. Не то что раньше – обходи до метро кругом...

Приятно смотреть от Шухова влево и вправо на длинную Мясницкую. Когда отреставри-

рутуют наконец Почтамт, вид будет еще симпатичнее.

Приятно, что в этом месте Мясницкая в основном сохранила прежний, старомосковский вид. Приятно, что площадь у

метро «Чистые пруды» наконец-то освободили от ларьков и сомнительных закусочных.

И, конечно же, необходимо признать, лишний раз подчеркнуть, что ни блестящая на солнце не-

В этом здании на углу Мясницкой улицы и Чистопрудного бульвара с 1869 года располагалась главная телеграфная станция столицы

лепая в целом башня «Лукойла», ни советское министерское здание, отданное ныне большому российскому банку, в подметки не годятся творению архитектора Проскурнина.

Красавец-дом 1902 года, стоящий, как и положено, на горушке (помните, 165 метров над уровнем моря!), словно посмеивается над располагающимися в низинке незадачливыми собратьями.

...Вот, зашел вроде бы на минутку на Сретенский бульвар, всего-то 214 метров в длину, чтобы идти себе потом дальше – к Чистым, Грибоедову, Покровке, Язу, и застрял. Загляделся. Окунулся в недавнее прошлое. Такое, значит, это местечко – неторопливое, и каждому москвичу тут есть про что вспомнить и про что рассказать. ■

Наземный вестибюль станции метро «Кировская» (архитектор Николай Колли) построен в 1935 году. В начале 1990-х станция обрела нынешнее название – «Чистые пруды»

ЗЕМЛЯ ЛАНИ

автор

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

НА ОДИННАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ПРЕБЫВАНИЯ В НОВОЙ ГВИНЕЕ МЫ БУДТО ПЕРЕНЕСЛИСЬ ВО ВРЕМЕНА МИКЛУХО-МАКЛАЯ. ГОЛЫЕ ПАПУАСЫ С КОПЬЯМИ И СТРЕЛАМИ ШЛИ ПО ДОРОГЕ, ЧТОБЫ СРАЗИТЬСЯ СО СВОИМИ ОБИДЧИКАМИ. ОНИ УЛЮЛЮКАЛИ И ПОДРАЖАЛИ ВОЮ ЗВЕРЕЙ...

СНАШИМ ДРУГОМ, папуасом Эбиусом, мы встретились в столице Балиемской долины – городе Вамене. Эбиус подкатил на трехколесном велотакси. Мы оставили вещи у его друга Кивилона и поехали на мотоциклах в деревню Василимо, где начинался этнофестиваль...

«УА», ИЛИ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В БОЙ!

Наверное, это самое аутентичное и массовое действие, которое сейчас можно увидеть на острове Новая Гвинея. В независимой Папуа – Новой Гвинее (ПНГ) на фестивалях папуасы уже давно наряжаются в юбочки из соломы. А здесь участники выступают нагими. Сотни голых людей поначалу повергают в шок, привыкаешь к этому не сразу. Участники фестиваля – поборники старых традиций, съехавшиеся из разных районов до-

лины Балием. В дни фестиваля они живут в окрестностях Василимо – в деревнях или просто в поле. Чтобы доехать до места праздника, папуасы с кабаньими клыками в носах, копьями, луками и стрелами выходили на дорогу голосовать.

Когда мы доехали до поляны, на которой проходил фестиваль, зрители уже заняли трибуны. Европейцев здесь было всего несколько десятков человек. Встречались большие оригиналы, как, например, чех, приехавший с большой фотокамерой середины XIX века. Он объяснил, что очень любит «гибкость» старинного аппарата, снимает и на фотобумагу, и на пленку, и на «голубые карточки». Вообще, фотографы на фестивале были в восторге: еще бы – вокруг такие яркие типажи! Фотографировать их можно бесплатно или за пару сигарет. Было прохладно. Одни нагие папуасы грелись у костров, другие собирались в круг, прыгали

Процесс копчения мумии сопровождается танцами и песнями

ОПЕРАЦИЯ «КОТЕКА»

Племя из села Курулу представляло мумификацию умершего. У парня, вымазанного углем с салом, вытащили «внутренности» (из-под майки) и усадили на помост, под которым развели огонь. «Так проходят дни и недели», – комментировал ведущий. После окончания действия «мумия» радостно убежала, водрузив на плечо помост, на котором ее коптили.

Племя гула дало представление на злобу дня: исцеление женщины, заболевшей коронавирусом. Ее «вылечили» танцами и какими-то снадобьями. Приглядевшись к снадобьям традиционной медицины папуасов можно было у одного из продавцов на поляне: обереги, перья, зубы, кости животных, а также пористые минералы и вулканические камни, которые следует сосать и разжевывать.

Выступающие присаживались отдохнуть на трибунах. При этом намазанные углем с салом оставляли отпечатки на сиденьях

Главное действие фестиваля – бои между племенами – выглядело вполне реалистично, стрелы порой долетали до зрителей, которые бродили где хотели. Да еще фотографы норовили залезть в самую гущу событий. Неестественными, пожалуй, казались только наряды воюющих – у многих они праздничные, с диковинными перьями на голове и длинющими котеками на пенисах. Последние особенно мешали вести бой. Крайне декоративные котеки, извивающиеся подобно змеи, некоторым владельцам приходилось держать рукой. У представителя другого племени котека была как бочонок – диаметром сантиметров двенадцать. Эбиус рассказал, что двадцать лет назад многие ходили с котекой и в повседневной жизни, это было совершенно нормально. Только в аэропорт голых непускали. Хотя еще в 1971 году индонезийское правительство запустило на Папуа операцию «Котека» с целью искоренить традиционный «наряд» жителей Новой Гвинеи. На одежду для папуасов тратились немалые деньги. Рубашки, майки, брюки пытались носить, но стирать их было нечем, у папуасов стали распространяться кожные заболевания. Это вызвало еще большее отторжение европейской одежды. В 1972 году операцию свернули, как бесперспективную.

МАККИ МИССИОНЕРСКИЕ

После фестиваля мы с Эбиусом и Кивилоном отправились в горный поход по родным местам Эбиуса, в провинцию Лани-Джая – страну племени лани. На пикапе доехали до села Макки, откуда начинался пешеходный маршрут.

Первые миссионеры появились в Балиемской долине в 1954 году: два американца спрыгнули с самолета с парашютами и приземлились здесь. По словам Эбиуса, первых миссионеров папуасы убили, хотя это не согласуется с общеизвестной историей. Как бы там ни было, Макки стало центром христианской миссии в регионе в 1962-м, когда баптисты обосновались в селе и за считанные годы обратили папуасов ко Христу. «Иордань», где проходили первые крещения, и сейчас служит тем же целям, отстроена на совесть.

А вот дома миссионеров пустуют и ветшают. Староста села сказал, что хотел бы превратить их в музей, и показал нам помещение. Действительно, похоже на музей с обстановкой 1970-х годов и отделкой стен корой местного дерева. Последние миссионеры уехали отсюда в 1987 году. Страницы из журнала «Христианка» за тот год так и лежат на столе. Типография перестала активно работать лет за пятнадцать до отъезда миссионеров. Здесь уж точно готовая экспозиция: застывший за печатанием последней страницы типографский станок, листовки и брошюры на языке лани. Одну из таких редких книжек нам подарили на память. Картинки в ней занятные, с примесью мифов, сновидениями о зверьке кускусе... Миссионеры, конечно, вывели папуасов из каменного века, положили начало образованию, научили человеческому, но при этом начисто искоренили народную культуру. Сколько мы ни спрашивали папуасов Балиема о дохристианских сказках, мифах, песнях – никто ничего не знает.

Школа в Макки – родная для Эбиуса. Из деревни Ягариме,

Похороны по законам лани. Умершего сожгли незадолго до нашего появления

где жила его семья, он каждый день ходил сюда 16 километров. В пять утра выходил из дома и успевал дойти до восьми утра, когда ворота школы закрывали. Сейчас здание школы новое, но ворота почти такие же, правда, с дверьми. Редкий случай, когда через ворота не нужно перелезать, как в прочих местах.

Домой Эбиус добирался оригинально: любил сплавляться по бурлящим потокам реки Балием. Рассказал, что находил кусок бревна, вещи и тетради складывал в пакет, приматывал на голову. И за 20–30 минут до-

плывал до дома. Бывало, и сумку с бататом заодно сплавлял. Другие ученики так же плавали домой...

В Макки мы застали похороны. Несколько десятков человек сидели на траве у дроверевшего костра, по очереди рассказывая о жизни умершего. Никакой трапезы. Оказалось, лани умерших сжигают – в отличие от южной части долины, где хоронят в земле, здесь в ходу традиционный способ захоронения. Местные церкви в этом не видят ничего зазорного. Покойника сжигают на костре во время

Эбиус сам удивлялся книгам на языке лани. В жизни он встречал их очень редко

всеобщего прощения. При этом, как утверждает Эбиус, праху не придается особого значения. Немного пепла из костра забирают родственники: «в пакетике складывают в углу дома». И даже имен не подписывают, ставят только дату смерти. В Макки на рынке мы запаслись бананами и чомпу, которое можно было бы назвать папуасским яблочком. Эти фрукты по вкусу напоминают самое обычное яблоко.

Нашлись и попутчики: трем парням из библейской школы было по дороге с нами. Ребята решили стать пасторами и после окончания школы в Макки продолжат обучение в Вамене. По пути встретили их учителя – улыбчивого пастора с гитарой. Направлялся он в деревню проповедовать и распевать духовные песни.

Мы шли широкой скальной тропой по краю ущелья. Эбиус рассказывал, что еще недавно она была очень узкой, и демонстрировал, как приходилось прижиматься к скале на самых узких участках. Тропу расширили по госпрограмме, после того как очередной пешеход сорвался с обрыва...

ПОТОМКИ МНОГОЖЕНЦА

Через реку Балием мы переправились по шаткому подвесному мосту. У деревенских домов на противоположном берегу почти нет железных крыш – в основном там традиционные хижины. Был разгар рабочего дня: на поле трудились пол-деревни – от 6-летних детей до старушек. Эбиуса уз-

Здесь Эбиус сплавлялся на бревне из школы домой

Женщины берутся плести нокен, кажется, в любую свободную минуту

нали. Помимо крепких объятий старые друзья и родня приветствуют друг друга после долгой разлуки особым «щелканьем пальцев». Один за jakiает палец другого между согнутыми фалангами своих пальцев и выдергивает палец со щелчком.

Под горой другая бригада убирала батат, распевая песни. Заметив оживление на поле, петь бросили и начали голосить: «иа-иа-иа». С нашей стороны ответили тем же. Это папуасский способ передачи информации на большие расстояния.

Среди работающих оказалась и 80-летняя тетя Эбиуса. У нее не было нескольких фаланг пальцев на руках – по старой традиции их отрубали после смерти близких...

По дороге мы еще не раз встретили родственников Эбиуса. Выяснилось, что его дед Абелек был старостой деревни. Имел шесть жен, каждая родила ему от пяти до восьми детей. Жены жили в разных хижинах, работали, как и остальные жители деревни. В дохристианские времена многоженство у папуасов высокого социального статуса было нормой. В 1960-е

годы миссионеры подобную практику запретили, ну а те, кто уже был многоженцем, так и доживали свой век.

В родную деревню Эбиус идти отказался. Сказал, что в Ягари-ме родня замучает его просьбами дать деньги. Учился за границей – значит, разбогател. Так что ночевать мы отправились в деревню Гукопи – к «любимому дяде» Эбиуса. Тропа шла по крутым живописным склонам. То и дело хотелось объявить привал, чтобы полюбоваться красотами, если бы не заборы, через которые нужно перелезать. Увидели даже творцов этого традиционного папуасского сооружения, которые связывали лозами и лианами разномастные доски и палки.

Заборов нет только вокруг огородов, разбитых на почти отвесной круче. Просто удивительно, как их не смывает ливнями. Обрабатывать такие участки опасно: скатиться вниз ничего не стоит. Но, видимо, урожай оправдывает риски. В отличие от района Курима земля здесь светло-коричневая, как будто глинистая, но почти такая же плодородная, как и куримский чернозем.

Гукопи была самой живописной деревней на нашем пути

Несмотря на высокую ценность, свиньи бродят довольно свободно, воровство случается крайне редко

САМАЯ ТВЕРДАЯ ВАЛЮТА

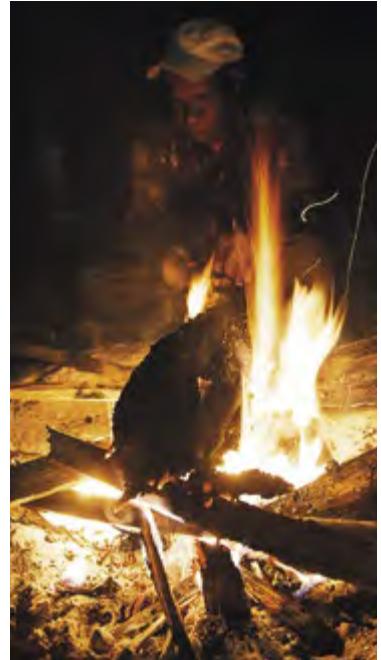
Гукопи прилепилась на широком уступе крутого склона ущелья Балием. Несколько десятков хижин ются между банановыми пальмами. И еще свинарники – куда же без них? Дяди Эбиуса и его родных дома не оказалось. Соседи сообщили, что все ушли выкорчевывать лес под новые плантации. Мы решили подождать и осмотреться. Увидели загон для свиней, устроенный прямо на крутом склоне, что явно оказывается на мускулатуре этих животных. Эбиус безуспешно пытался найти хрюшку, которую он подарил дяде пару лет назад. Свиньи у папуасов не просто домашняя скотина. Это твердая валюта. И если бы местные папуасы могли печатать свои день-

ги, они бы точно изобразили на банкнотах свинью, как это сделали в ПНГ. Свиней тут ласково называют «бáби» и подзывают так: «бэ-бэ-бэ».

Больше всего ценится черная свинья. Матерый хряк весом более 200 килограммов стоит 50 миллионов рупий (около 200 тысяч рублей). Свинья – самый лучший подарок. Свиньями же платят «маскауи» – папуасский вариант калыма. В Вамене и окрестностях маскауи равняется 15 большим свиньям. Раньше он составлял 25 свиней, но миссионеры годами стыдили папуасов за корысть и в итоге скостили 10 голов. Одна свинья отдается пастору, другие – родителям невесты.

В Джаяпуре маскауи намного ниже. Например, Эбиус заплатил за жену шесть свиней. Вернее, обещал заплатить, когда вернется из России. Учиться в Челябинск он поехал вскоре после женитьбы – как родился первый. Тот факт, что у нас можно жениться даром, у Эбиуса до сих пор вызывает бурю эмоций. «Зачем же я буду платить, – всплескивал он руками, – когда могу в России жениться бесплатно! Но меня убедили, что это нехорошо, у меня ведь на родине уже ребе-

Мех кролика опалили на костре
прямо в хижине

нок родился...». В общем, пришлось идею оставить, а по возвращении свиней отдать. Кстати, его очень радовало то, что свинина в России стоит в несколько раз дешевле, чем на Папуа. Сложность была только в том, что в общежитии не давали готовить мясо любимым способом – жарить в кипящем масле. На Папуа же свинину готовят в земляной яме. На дно ее кладут камни, нагретые на костре, сверху – свинину с овощами, накрывают все пальмовыми листьями и оставляют на несколько часов.

Николай Миклухо-Маклай также отмечал чрезвычайную ценность свиней у папуасов. Он описывает случай, когда издохшую свинью женщина оплакивала как умершего человека. Правда, на привязанность хозяйки к свинье повлиял тот факт, что она выкормила хрюшку грудью. Свинья погибла, пытаясь пролезть через забор.

В свой последний приезд Миклухо-Маклай привез папуасам теленка. Они назвали его «большой русской свиньей». Неизвестно, насколько понравился теленок папуасам, разводить коров они все равно не могли – не было пары.

ХИЖИНА НАД ОБРЫВОМ

Время шло, а дядя Эбиуса не возвращался. Дело шло к вечеру, и Эбиус решил отправиться к пастору, своему хорошему приятелю, у которого можно было поужинать и переночевать. Хижина пастора стоит у самого обрыва. Встретили нас гостеприимно, семья пастора как раз собиралась разводить костер и готовить ужин.

Жена хозяина принесла новорожденного ребенка в сумке «нокен», которую носят на голове. Эбиус с радостью принялся нянчиться с малышом. После рассказа о «свинье для пастора» можно было подумать, что служитель церкви живет в достатке. Но, как оказалось, свой «свадебный пода-

рок» он получает раз в несколько лет, а то и реже. Службой никаких денег не зарабатывают, живет пастор крестьянским хозяйством. Прихожане помогают ему на огороде, угождают бататом, на праздник – курицей. Деньги в деревне в дефиците, так же как и промышленные товары. Эбиус обрадовал семью пастора любимым гостинцем – сахаром и кофе.

Костер разгорался, только что сваренный кофе дымился на полу, народ в хижине прибывал. Пришел наконец дядя Эбиуса со своими родными, а также местные жители, желавшие посмотреть на пришельцев. Как обычно, папуасы разглядывали нас и заходились от смеха. Эбиус объяснил, что так выражается их удивление при виде людей из другого мира.

На ужин готовили кролика, причем самым незамысловатым образом. Сунули тушку в огонь, опалили мех до кожи, разрубили на куски и бросили в чан вариться. Есть его я не смог: кролик оказался старым и совсем жестким. Папуасы же грызли его с большим удовольствием...

Кора лозоподобного растения, использующаяся для плетения нокена

СУМКИ, ПОЖАРЫ И КУСКУСЫ

Ранним утром мы залюбовались пейзажем. На рассвете туман стекал с гор в ущелье и еще долго клубился у самой нашей хижины над обрывом...

Родня Эбиуса пришла прощаться и принесла подарки. Моей супруге подарили нокен, мне – небольшую наплечную сумку, с какими ходят мужчины.

Уходить из этого интересного и красивейшего места не хотелось. Тем более что Эбиус предлагал «прямой дневной путь» в деревню Гамелия, а по нашей карте выходило, что это 20 километров с перепадом высот 800 метров! Но все же мы пошли, надеясь, что Эбиус знает какие-то короткие «прямые» тропы. С нами отправился и Кивилон.

По пути Эбиуса с Кивилоном одолели детские воспоминания. Они демонстрировали нам игру «битва завитками папоротника», состязание в метании тростникового «копья» в венок. Показали также игру «короя» – лепили шарик из глины и метали их по низким кустам и деревьям – кто дальше бросит. Еще одно раз-

вление – дудеть в толстые зеленые стебли какого-то трубчатого растения. Показал Эбиус и лозы, из которых плетут нокены. Мягкую кору снимают с веток, распускают, сушат, сплетают из нее нить. В качестве красителей используют крохотные плоды. Процесс этот очень трудоемкий. Даже в деревнях сейчас мало кто так делает – вместо лозы используют капровые нитки...

Тропа шла по лесистым склонам, усеянным огородами. Местные активно корчевали участки под новые плантации. Подсечно-огневое земледелие – термин, врезавшийся в память

из школьного учебника, – явилось нам тут в натуре. Мы даже застали масштабное пожарище у самой тропы. На других участках уже обгоревший лес выкорчевывали ломами и лопатами. Впрочем, самые крупные деревья оставляют – видимо, для укрепления почвы, склоны все-таки крутые. Среди корчевавших был мужик в оригинальной шапке, похоже, из меха кускуса – сумчатого поссума, одного из символов Папуа. Эбиус тут же стал рассказывать, как его в детстве учили охотиться на кускуса. Необходимо было ночью выбрать в лесу хорошее место для засады и в нужный момент точно метнуть копье. Интересно, что Николай Миклухо-Маклай держал кускуса как домашнее животное. «Небольшой кускус, которого я приобрел несколько недель тому назад, живет и растет отлично, – писал исследователь. – Ест все: рис, аян, бау, кокосовые орехи, сладкий картофель и очень любит бананы. В продолжение дня спит обыкновенно, свернувшись, но все-таки ест, если ему что дадут; ночью же немилосердно грызет дерево ящика, куда я его сажаю».

Мех шапки непохож на мех кускуса. Мужик купил ее на рынке и не был уверен в ее происхождении

ДВА КУЛАКА И БОЛЬШОЙ ПАЛЕЦ

Крестьяне корчевали участок под очередную плантацию батата. «Не понимаю, – сказал я Эбиусу, – зачем столько сил и земли отдавать батату? Разводили бы коров. Мясо и молоко – самые дорогие продукты на Папуа. Никакой тебе заготовки сена – паси круглый год на горных лугах. Здесь это было бы очень выгодным предприятием». Эбиус согласился. Но во всей Балиемской долине пока не нашлось ни одного предпринимателя, кто открыл бы скотоводческую ферму.

Мы продолжили путь, беседуя о крестьянском хозяйстве. Я не

мог не обратить внимания Эбиуса на крепление железных крыш на домах. Металл в этих местах ценится высоко, железные листы для крыш таштят по тропинкам на головах. При этом не забоятся о его сохранности: крепят металлические листы на крыше гвоздями. Вода попадает под гвоздь, и железо начинает быстро ржаветь, приходя в негодность за пять–шесть лет. В мире уже давно такие листы крепят саморезами с резиновыми шайбами, что увеличивает срок службы в несколько раз. Для Эбиуса это было открытием...

В детстве Эбиус и Кивилон перекусывали насекомыми «лангои»

Лани – самое многочисленное племя во всей Меланезии, общая численность около 200 тысяч человек

и диким сахарным тростником. Последний растет повсеместно по берегам рек и ручьев. Сердцевина сахарного тростника оказалась вкусной, но одним тростником сыт не будешь. Зная, что папуасы обычно не обедают, мы набрали в дорогу ананасы и бананы.

С погодой нам нескованно повезло: обычных вечерних дождей не было. Сложно представить, как бы мы шли по крутой глинистой тропе, если бы она намокла. Кстати, по поводу расстояния карта оказалась права. Надо сказать, папуасы вообще не дружат с цифрами. Деревенские жители показывают их на пальцах. Причем так: два кулака – это десять, два кулака и один большой палец вверх – это девять!

День напролет мы шли по горной тропе, то вверх, то вниз – «наик-наик», «турун-турун», как говорят местные. Когда наконец вышли к Гамелии, то валились с ног от усталости. А до дома учителя, приятеля Эбиуса, нужно было идти еще 3 километра. Так что пришлось отказаться от знакомства с семинарией в Гамелии. Запомнилось только старое «общежитие» из стоящих у обрыва круглых хижин.

Дикий сахарный тростник, взятый в оборот крестьянами

Усадьба учителя оказалась весьма «продвинутой». В относительно современном доме есть вода и все необходимое, только туалета нет, как и во всех деревнях. Сами хозяева ушли ночевать в хижину. Там же у костра все собрались на ужин. Разновозрастная компания спела для нас песню под гитару – о том, как Христос просветил папуасов и сделал их частью семьи народов мира. Ну а дохристианских песен, сказок, мифов никто, как водится, не знает. И даже искренне не понимают, зачем их нужно помнить.

ШКОЛА ИМЕНИ МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Утром мы отправились в школу. Издали казалось, что школа огромная: два вытянутых здания с множеством классов, большой двор с волейбольной площадкой. Школу открыли здесь в 1999 году, тогда учеников было много. С тех пор ситуация изменилась, все больше деревенских жителей уезжает в город. Сейчас в школе действуют только два класса. Из-за нас отменили урок биологии, попросив рассказать о нашем путешествии и о Миклухо-Маклае. В классе собрались раз-

Школа в Гамелии стоит обособленно и занимает огромную территорию

новозрастные ученики – от 12 до 30 лет. Эбиус выступил в роли переводчика. Слушали нас внимательно, но без особого любопытства, пока Эбиус не взял урок в свои руки. Все-таки есть у него талант « заводить ». В интерактивной манере он познакомил школьников с русскими местоимениями. « Я, ты, мы – семья Гамелия ! » – с энтузиазмом повторяли учащиеся и по команде вскидывали руки вверх. В общем, получилась эмоциональная встреча, ее наверняка запомнят.

Кстати, Эбиус вскоре будет заниматься собственной школой. В Вамене Фонд имени Миклухо-

Маклая, созданный Эбиусом, приобрел участок земли, а мэр города поддержал создание фонда школы с русским уклоном. Строительство начнется в 2023 году и будет финансироваться местной администрацией. В этой школе будут преподавать и русский язык – впервые на Новой Гвинее. Предполагается, что это станет хорошей подготовкой для получения папуасами высшего образования в России. Также школьники будут проходить краткий курс по российской истории и культуре. И, конечно, школу назовут именем Миклухо-Маклая. ☺

Я не переставал удивляться, почему в школах не рассказывают о Николае Миклухо-Маклае. И ученики, и учителя слышали о русском исследователе впервые

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/PN363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
E-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru